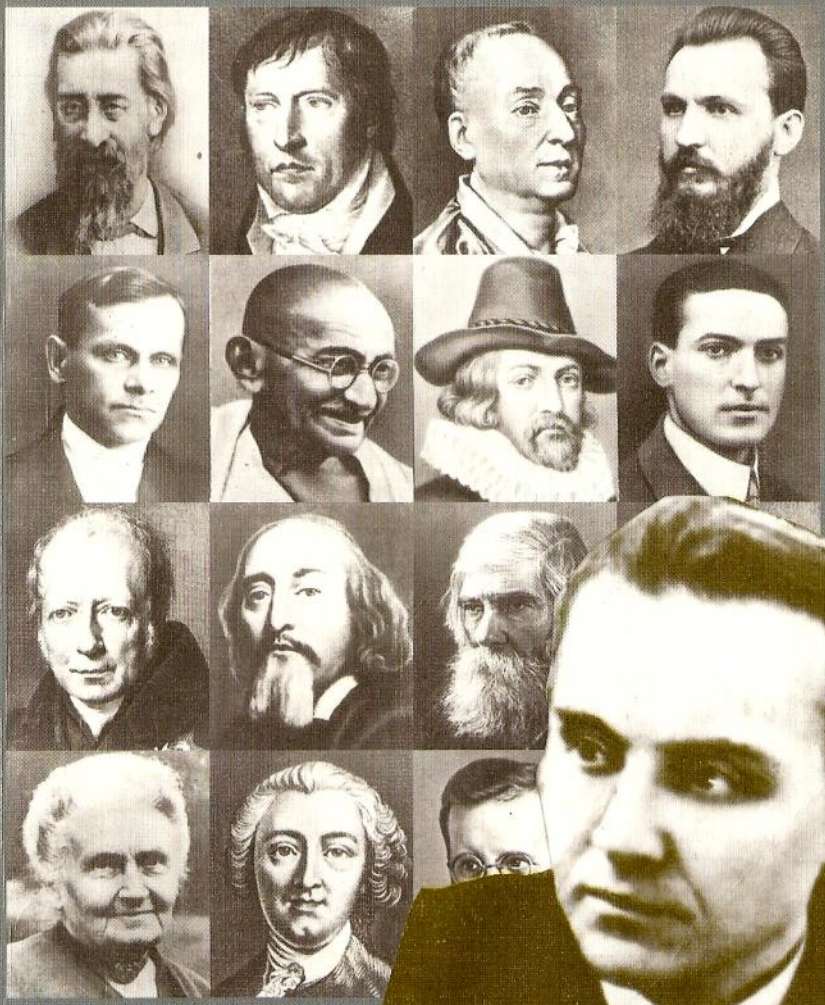
АНТОЛОГИЯ
ГУМАННОЙ ПЕДАГОГИКИ

СУХОМЛИНСКИЙ

ИЗДАТЕЛЬСКИЙ ДОМ
ШАЛВЫ АМОНАШВИЛИ

АНТОЛОГИЯ ГУМАННОЙ ПЕДАГОГИКИ

РЕДАКЦИОННО-ИЗДАТЕЛЬСКИЙ СОВЕТ

Амонашвили Ш.А. — глава Издательского Дома
Асмолов А.Г.
Бордовский Г.А.
Дарчия М.Д.
Загвязинский В.И.
Зуев Д.Д, — главный редактор
Кезина Л.П.
Матросов В.Л.
Неменский Б.М.
Ниорадзе В.Г.
Никандров Н.Д.
Петровский А.В.
Рябов В.В.
Сартания В.Ш.
Шадриков В.Д.

ИЗДАТЕЛЬСКИЙ ДОМ
ШАЛВЫ АМОНАШВИЛИ
МОСКВА

АНТОЛОГИЯ ГУМАННОЙ ПЕДАГОГИКИ

СОСТАВИТЕЛЬ И АВТОР ПРЕДИСЛОВИЯ

Глейзер Григорий Давыдович
Академик Российской Академии Образования

ПЕРВЫЙ ЧИТАТЕЛЬ

Иванов Александр Федорович
Директор сельской школы, член-корреспондент РАО

АНТОЛОГИЯ
ГУМАННОЙ ПЕДАГОГИКИ

СУХОМЛИНСКИЙ

ИЗДАТЕЛЬСКИЙ ДОМ
ШАЛВЫ АМОНАШВИЛИ

МОСКОВСКИЙ ГОРОДСКОЙ
ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ

МОСКВА
2002

УДК 373
ББК 74.03 (2Рос)
С91

АНТОЛОГИЯ ГУМАННОЙ ПЕДАГОГИКИ

От первого читателя:

Прочитаны статьи В.А.Сухомлинского. Впечатление от них долго остается в памяти и вызывает размышления о жизни, людях, их духовном состоянии, о реалиях сегодняшних дней.

Опыт работы В.А.Сухомлинского приобретает в настоящее время особо важное значение и нуждается в повседневном осмыслении, изучении. Он основан на глубочайшей связи и интеграции школы и среды, на тончайшем умении воспитателя проникать в душу ребенка и бережно, без насилия совершенствовать ее, на постоянном общении с природой, ее способности благотворно влиять на внутренний мир человека.

Думаю, что прочтение В.А.Сухомлинского сегодня, когда со школы сняты оковы казенной педагогики (а многое в терминологии Учителя определялось тем, что он вынужден был вольно или невольно оглядываться на ее постулаты), будет все в большей степени открывать еще не осознанные нами до конца идеи великого педагога-гуманиста.

А.Ф.Иванов

Составитель, автор вступительной статьи — *Г.Д.Глейзер.*
Первый читатель — директор Мятлевской ср. шк. Калужской обл. *А.Ф.Иванов* при участии канд. пед. наук *М.И.Мухина*

С91 **Сухомлинский В.А.** — Переиздание. М.: Издательский Дом Шалвы Амонашвили, 2002. — 224 с. — (Антология гуманной педагогики.)

ISBN 5-89147-010-1.

Творчество В.А.Сухомлинского, избранные страницы произведений которого включены в очередной том «Антологии», проходило в реальной жизни на фоне глубокого (зачастую трагического) противостояния двух измерений: мира социалистической педагогической обыденщины (борьба с «сильными мира сего» в педагогике, образовании, издательском деле) и собственно мира Образования, Школы, Ребенка...

Этому второму миру он был открыт полностью, ему он был беспредельно верен, ему он без остатка отдал свое сердце.

ББК 74.03 (2Рос)

ISBN 5-89147-010-1 ©Издательский Дом Шалвы Амонашвили, 1997, 2002

СЕРДЦЕ, ОТДАННОЕ ДЕТЯМ

Уважаемый читатель, перед вами небольшой томик фрагментов из произведений Василия Александровича Сухомлинского — крупнейшего отечественного педагога нашего времени.

Творческое наследие В.А. Сухомлинского огромно, разноплановo, многоаспектно, оно до сих пор пополняется ранее не публиковавшимися работами, остается еще далеко не исследованным. Его творчество постоянно обогащалось, углублялось, оттачивалось. Поэтому всестороннее и достаточно полное освещение даже одной из сторон его творчества в небольшой по объему статье, конечно же, невозможно: ведь далеко не полная библиография его произведений, литературных источников о его творчестве, жизни и деятельности, художественных произведений о нем состоит из 2211 наименований[1].

Отбирая фрагменты из его работ, я ставил перед собой цель стимулировать интерес педагогической молодежи к глубокому проникновению в творчество великого педагога и мыслителя, показать, что этот источник добра, любви, знаний неиссякаем. Этой цели служит и вступительная статья, в которой читатель не найдет детального анализа педагогических воззрений Василия Александровича или отдельных его работ. С исследованием различных сторон творчества В.А. Сухомлинского можно ознакомиться в многочисленных статьях, книгах, диссертациях, список наиболее интересных из которых приведен в приложении.

Нет также нужды увлекаться цитированием работ Учителя — их фрагменты и достаточно подробный список у вас в руках. Надеюсь, что эта книга поможет вам проникнуть в сущность гуманистических идей Сухомлинского, узнать о его нелегкой жизни и борьбе, почувствовать величие личности этого удивительного человека, педагога, художника, учиться у него по-настоящему любить детей, отдавая им себя без остатка. Этой же цели могут послужить приводимые в статье отрывки из ранее не публиковавшихся документов. Надеюсь также, что эти документы помогут полнее раскрыть про-

[1] *Сухомлинский В.А.* Библиография. Киев, 1987.

тиворечивость личности В.А.Сухомлинского, лучше представить себе атмосферу, в которой он жил и творил.

Деятельность Василия Александровича протекала не в самых благоприятных для творчества условиях: в условиях лицемерия, ханжества, морального разложения руководящих структур, всесильной власти идеологии, опутавшей и культуру, и науку. Кажущаяся незыблемость, нерушимость насквозь прогнившего строя не предвещала его скорого падения, и, естественно, для того, чтобы просто выжить, а тем более творить, требовалась определенная гибкость, включая умение приспосабливаться к сильным мира сего, обстоятельствам, и, конечно же, неимоверная воля и мужество!

Василию Александровичу приходилось учитывать идеологические руководящие установки, отвечать на нападки ретроградов от педагогики, малообразованных, но активных защитников «чистоты» советской педагогики, теории коммунистического воспитания, в рамки которой не всегда укладывались его мысли и дела. Все это дополнялось бесконечными изнуряющими разговорами с издателями и редакторами, объяснениями, убеждениями и т.д.

Представляю, с каким радостным чувством садился Василий Александрович за письменный стол в родных Павлышах после подобных утомляющих и иссушающих душу «бесед» в столицах и писал свои удивительные рассказы, новеллы, сказки, притчи детям о том, как спаслась ласточка, как зайчик грелся при луне, как ручеек луговую ромашку напоил, почему мама пахнет хлебом, о самом счастливом человеке на земле. Писал и верил, что придуманная им легенда о любви — это не вымысел, это правда. И не только писал, но и нес эту правду жизни детям. Радостью и счастьем наполнялась душа Василия Александровича при каждой встрече с детьми.

Но предоставим слово самому Учителю.

АВТОБИОГРАФИЯ СУХОМЛИНСКОГО ВАСИЛИЯ АЛЕКСАНДРОВИЧА

Родился 15 августа 1918 года в семье крестьянина-бедняка в селе Омельник Онуфриевского района Кировоградской области. Отец до революции земли не имел, работал у помещиков батраком. После революции родители получили 4 десятины земли и занимались сельским хозяйством, поступили в колхоз в 1929 году. Окончив в 1932 году семилетнюю школу, я поступил на подготовительные курсы при Кременчугском педагогическом институте, после окончания которых был зачислен на 1-й курс факультета языка и литературы этого института. После окончания 2 курса я оставил учебу в институте в связи с болезнью; начал с 15 августа 1935 года работать учителем украинского языка и литературы Васильевской 7-летней школы Онуфриевского района. Работая, продолжал учиться заочно в Полтавском пединституте, куда был переведен (на) факультет языка и литературы из Кременчугского пединститута. 15 августа 1938 года был переведен в Онуфриевскую среднюю школу учителем языка и литературы в 8—10 классах и завучем, где работал до 17 июля 1941 года. Во время работы в Онуфриевской средней школе окончил заочно Полтавский педагогический институт. С 17 июля 1941 года до 17 июня 1942 года

служил в Советской Армии (политруком роты 1241 стр. полка). В феврале 1942 года был тяжело ранен и до 17 июня 1942 года находился на излечении в госпитале. С 17 июня 1942 года по 29 марта 1944 года работал директором Увинской средней школы Удмуртской АССР. В феврале 1943 года был принят в члены КПСС. С 1 апреля 1944 года по 1 ноября 1947 года работал заведующим Онуфриевским райОНО; по моей просьбе был переведен директором Павлышской средней школы того же района, где работаю с 1 ноября 1947 г. по настоящее время.

В Павлышской школе я продолжал вести научную работу по педагогике, начатую еще до войны. В 1955 г. мне была присуждена ученая степень кандидата педагогических наук. В сентябре 1957 года был избран членом-корреспондентом Академии педагогических наук РСФСР. В мае 1958 года Указом Президиума Верховного Совета УССР мне было присвоено почетное звание Заслуженного учителя школы УССР. Имею 312 научных трудов по педагогике.

По семейному положению — женат; жена работает учительницей Павлышской СШ. Имею детей — 1945 и 1946 г. рождения, они в настоящее время учатся в вузах. Мои два брата и сестра работают педагогами. Отец умер в 1942 году во время эвакуации в г.Наманган Узбекской ССР. Мать — пенсионерка, живет в Омельнике Онуфриевского района Кировоградской области. 3 декабря 1967 года. (Научный архив РАО. Ф.25, оп.1 л/д., ед.хр. 3346, л.5 с обор.).

Сухие, официальные строки, констатирующие факты биографии, достаточно типичной для представителя поколения 30-х годов. А что за ними? Детские годы Сухомлинского совпали с гражданской войной. Время лишений, разрухи, людской вражды и ненависти. Едва отгремела война, началась коллективизация. Особенно тяжело протекала она на Украине. Обезлюдели, вымерли многие села. Болезни, голод... Далее годы террора против собственного народа, террора, охватившего практически все слои общества, особенно интеллигенцию. Затем Отечественная война с фашизмом, война жестокая и кровавая. Василий Александрович вынес ее, как говорят, «на своих плечах». Он уходит добровольцем на фронт и сразу же под Смоленском получает первое боевое крещение и первое ранение. В январе 1942 г. младший политрук Сухомлинский, защищая Москву, получает новое тяжелое ранение и чудом остается жив.

Василий Александрович видел много горя, много ненависти, много человеческого зла и, возможно, поэтому часто повторял слова Рабиндраната Тагора: «Человек хуже зверя, когда он зверь». Но тяжелая жизнь не ожесточила душу Сухомлинского. Он всегда и во всем был доброжелателен и отзывчив, любил людей, старался пробуждать добрые чувства.

Приведу выдержки из письма Василия Александровича профессору Э.Г. Костяшкину, написанного 24.08.67 г. после публикации очередной «критической» статьи в его адрес. Это письмо, написанное в трудные минуты жизни, дает возможность ближе узнать Сухомлинского, лучше почувствовать его личность.

«Уважаемый Эдуард Георгиевич! Простите за то, что беспокою Вас этим необычным письмом. Вы, конечно, знаете, что «Учитель-

ская газета» опубликовала статью, резко направленную против моих «Этюдов о коммунистическом воспитании». Было бы глупой самонадеянностью считать этот труд свободным от ошибок. Но статья («Нужна борьба, а не проповедь»), по-моему, выходит за рамки научного спора, ее тон недостоин честной дискуссии, в ней — грубая брань. Меня очень поразило, что мне приписывались взгляды, которые я никогда не разделял...

Когда была опубликована статья в газете, я был в больнице. У меня была тяжелая операция. С 1941 года у меня в легком «хранится» несколько осколков, и вот один из них начал «путешествовать» — понадобилось немедленное вмешательство хирурга; если бы промедлили с полчаса, умер бы. Недели через две после операции, когда я приехал домой, вижу кипу газет, и вот как назло первой попалась «Учительская» за 18 мая. Я прочитал и потерял сознание, опять пришлось ложиться в больницу (это было уже в начале июня).

Не поймите меня так, что я хочу вызвать к себе жалость, нет. Я пережил на своем веку столько горя, что никакая жалость не может залечить глубокие раны. Оправившись после второй операции, я хотел побывать в Москве, поговорить с редактором газеты, спросить, чем вызван тон статьи. Но я не имел возможности этого сделать. Однажды я собрался было позвонить редактору, номер уже был вызван, но я разволновался, в груди страшно заклокотало, хлынула кровь, зашевелился еще один кусочек металла, который я, кстати, получил в бою за Москву (недалеко от Кубинки, на перекрестке Можайского и Наро-Фоминского шоссе). Трубку пришлось бросить...

Я прежде всего учитель, народный учитель. Тридцать два года работаю в школе, все время в селе. Дед мой был крепостным и умер на ниве, присев отдохнуть на минуту. Отец мой — член партии с 1920 года, заповедал мне: никогда не забывай, что твой корень — в трудовом народе. Свою трудовую жизнь я начал с 15 лет. Один год учился в институте на стационаре, потом два года — заочно, в семье были очень трудные материальные условия, надо было работать; кончал институт снова на стационаре. С первых же дней войны пошел на фронт, был трижды ранен, лежал в госпитале на Урале, работал там полтора года в школе, как только район был освобожден от фашистов, я приехал в свой район и безвыездно работаю в Павлышской школе.

В 1939 году женился. Когда я шел на фронт, дома осталась жена, Вера Петровна (весной 1941 года она окончила учительский институт). Она не могла выехать, так как была беременной. Осталась у своих родителей. Во время оккупации ее арестовало гестапо — за распространение советских листовок, сброшенных с самолета, за перепрятывание советских бойцов, бежавших из плена, за сохранение и передачу им оружия. Фашисты жестоко пытали ее, выкололи глаза, после этого мучили еще несколько дней и потом повесили. Когда жена была в гестаповском застенке, к ее родителям-старикам приехали два гестаповца и забрали больного десятимесячного ребенка — якобы для того, чтобы мать его покормила. Они принесли ребенка в камеру и сказали: если не скажешь, кто руководит

вашей организацией, убьем сына. И убили на глазах у матери, а потом выкололи глаза и мучили.

Обо всем этом я узнал после освобождения района. Я сам был при допросе нашими товарищами предателя-полицейского, который рассказал, как выколол ей «только» один глаз, а второй, мол, выколол не я, сжальтесь... Полицейского повесили.

Трудно передать словами горе, которое мне пришлось пережить. Я стремился работать, работать, работать. Работал день и ночь. Поверьте, что года три подряд просыпался в два часа ночи и уже не ложился — работал. Не какими-то таинственными причинами объясняется то, что я много сделал, много писал, а вот — горем... Я взялся за иностранные языки — овладел в совершенстве немецким, потом чешским и польским. Как один из героев «Поднятой целины», я мечтал о том, что когда-нибудь я окажусь нужным на земле, выкормившей зверей — фашистов, и там понадобится немецкий язык. Я мечтал о мести, я знаю, что и сейчас жив офицер, выколовший глаз жене и истязавший ее. И я изучил немецкий язык в совершенстве, наверное, знаю его, проклятый, лучше, чем иной немец. Потом изучил чешский и польский, потом — французский и английский. Написал свыше 300 (точнее, сейчас опубликовано 310) научных работ, в том числе 32 книги, работы переведены на 36 языков народов СССР и зарубежных стран. Но я не считаю научную работу главным в своей жизни. Главное — это то, что я народный учитель. Творить человека — это высшее счастье...» (Архив РАО. Ф. 133, оп.1, ед. хр. 889, л. 7—10).

Это сейчас мы читаем только хвалебные оды в адрес Сухомлинского. А тогда все было иначе. В.А. Сухомлинский сполна испытал на себе гнет, силу и мощь адептов советской педагогики. Резкая критика в печати со стороны тех, кто определял политику государства в народном образовании, обвинения в «отступлении от общепринятых положений передовой советской педагогики», в «протаскивании идей мещанского индивидуализма», в «проповеди абстрактного гуманизма...». Все это, конечно, не проходило бесследно.

Василий Александрович слишком рано ушел от нас, сполна отдав детям свое сердце. Нам же он оставил громадное педагогическое наследие, умные, добрые книги и немало загадок. Думаю, что прав С.Л. Соловейчик, хорошо знающий творчество Сухомлинского и много сделавший для популяризации его наследия. Он пишет: «Сухомлинский не так прост, как иным кажется при беглом чтении. Это педагог мирового класса... Он так же загадочен, как и все воспитание» (Первое сентября. 1993. 28 сент.). Да, много загадок оставил нам Сухомлинский, и я согласен с М.И. Мухиным: «Наш долг двигаться по пути разгадок того великого и неординарного, что оставил нам В.А. Сухомлинский».

* * *

Каковы истоки педагогической системы В.А. Сухомлинского?

Исследователи подчеркивают огромное влияние на него идей великого французского просветителя XVIII в. Жан Жака Руссо, что истинное воспитание — это идеальная гармония взаимоотношений

учителя и ученика, в едином порыве стремящихся к познанию добра и красоты.

Несомненно, глубокое влияние на формирование взглядов В.А.Сухомлинского оказали и такие выдающиеся мыслители и педагоги прошлого, как Песталоцци, Дистервег, Оуэн, Л.Н.Толстой, К.Д.Ушинский. Сухомлинский обладал удивительной способностью, впитывая идеи предшественников, перерабатывать этот огромный опыт с позиций гуманизма, ни на йоту не отступая от гуманистических принципов. Так, Василий Александрович активно и бескомпромиссно выступал против наказаний в школе: «Я не из пальца высосал ту истину, что наших советских детей можно воспитывать только добром, только лаской, без наказаний...», «Сколько я буду жить, столько буду проверять в своей школе правдивость истины, в которую я искренне и глубоко верю: человека можно воспитывать только добром» (Юность. — 1972. — № 4).

И в педагогической теории, и в повседневной практике он отстаивал центральное, определяющее положение своей философии, своей педагогики, своей жизни: гуманное общество могут построить только гуманные, добрые, мудрые люди, а воспитать таких людей могут только вдумчивые, умные учителя, владеющие идеями и методами гуманной педагогики.

В.А.Сухомлинский любил творчество Федора Михайловича Достоевского и часто обращался к нему. В философии Ф.М.Достоевского его привлекало отношение к человеку как к высшей ценности. В.А.Сухомлинский постоянно культивировал у своих учеников способность к сочувствию, состраданию. И это у него от Ф.М.Достоевского.

Вот что писал он своей дочери:

«...Когда я рассказываю ребятам о его произведениях, мои мысли заняты не столько самим содержанием романа, сколько тем, как его воспримут воспитанники, что они будут думать о себе... Эта мысль не выходит у меня из головы и при подготовке к уроку, и на самом уроке. Я все время думаю, как пробудить в сознании учеников гражданские мысли: что же такое истинный человек? Что такое честь, совесть, достоинство? Что обо мне думают люди? Для чего я живу на свете? Изучение произведений Достоевского важно не столько для того, чтобы ученики могли бойко рассказать содержание изученного, сколько именно для того, чтобы в их сознании возникли подобные вопросы. Без этого нет самовоспитания, а значит, немыслимо и гражданское воспитание...» (Избр. произв. — Т.5. — С. 397—398).

Огромное влияние на становление и развитие педагогических взглядов В.А.Сухомлинского оказали творчество и жизненный подвиг Я.Корчака, с работами которого («Как любить ребенка», «Когда я снова стану маленьким») он ознакомился еще до войны.

В книге «Сердце отдаю детям» Сухомлинский писал:

«...Януш Корчак, человек необыкновенной нравственной красоты, писал в книге «Когда я снова стану маленьким», что

никто не знает, больше ли получает школьник, когда смотрит на доску, чем когда непреоборимая сила (сила солнца, поворачивающая голову подсолнечника) заставляет его взглянуть в окно. Что полезнее, важнее для него в тот миг — логический мир, зажатый в черной классной доске, или мир, плывущий за стеклами? Не насилуйте душу человека, внимательно приглядывайтесь к законам естественного развития каждого ребенка, к его особенностям, стремлениям, потребностям.

Мне запомнились на всю жизнь эти слова из маленькой книжечки в серой обложке на польском языке. Когда я вскоре после войны узнал о героическом подвиге Януша Корчака, его слова стали для меня заветом на всю жизнь. Януш Корчак был воспитателем сиротского дома в варшавском гетто. Гитлеровцы обрекли несчастных детей на гибель в печах Треблинки. Когда Янушу Корчаку предложили выбрать жизнь без детей или смерть вместе с детьми, он без колебаний и сомнений выбрал смерть. «Господин Гольдшмидт, — сказал ему гестаповец, — мы знаем вас как хорошего врача, вам не обязательно идти в Треблинку». «Я не торгую совестью», — ответил Януш Корчак. Герой пошел на смерть вместе с ребятами, успокаивал их, заботясь, чтобы в сердца малышей не проник ужас ожидания смерти. Жизнь Януша Корчака, его подвиг изумительной нравственной силы и чистоты явились для меня вдохновением. Я понял: чтобы стать настоящим воспитателем детей, надо отдать им свое сердце». (*Сухомлинский В.А.* Избр. произв. В 5 т. — Киев, 1979—1980. — Т. 3. — С. 14—15).

Читая Сухомлинского, задумываясь над истоками его педагогического творчества, я невольно задавал себе вопрос: что же главное, определяющее в его педагогике, какова движущая сила его творчества. Думаю, каждый со мной согласится — этим главным и определяющим была ЛЮБОВЬ к ребенку.

Этот вывод наводит меня на мысль о глубоких христианских истоках творчества В.А.Сухомлинского, о его внутренней вере в истинно христианскую любовь к ближнему, истинно христианское всепрощение. В Евангелие от Матфея (22:36—40) мы читаем:

«Учитель! Какая наибольшая заповедь в законе? Иисус сказал ему: «Возлюби Господа Бога твоего всем сердцем твоим, и всею душою твоею, и всем разумением твоим»: Сия есть первая и наибольшая заповедь. Вторая же подобна ей: «Возлюби ближнего твоего, как самого себя». На сих двух заповедях утверждается весь закон и пророки».

Так и в педагогике Сухомлинского. Возлюби ребенка — бесспорно, величайшее и определяющее положение его педагогической концепции, ключ к пониманию всех его педагогических размышлений и экспериментов.

Мне неизвестны внутренние отношения Василия Александровича с Богом. Знаю, что он считал себя атеистом. Но прочитайте его новеллу «Легенда о любви», и вы поймете, что именно с Любовью Сухомлинский отождествлял Всевышнего: «Вот что такое Любовь. Любовь — выше Бога. Это вечная красота и бессмертие человеческое. Мы превращаемся в горсть праха, а Любовь остается. Мы

живем в памяти своих внуков и правнуков — потому что есть Любовь». Разве это не суть истинно христианского представления о Всевышнем, отождествляемым с Любовью. «Возлюби ребенка. Возлюби его сильнее, чем самого себя. Уверуй, что ребенок чище, лучше, честнее, талантливее тебя. Всего себя отдавай детям и только тогда ты сможешь именоваться Учителем», — в этих словах — педагогическое кредо и определяющее начало всей жизни В.А. Сухомлинского.

«Что самое главное было в моей жизни?» — спрашивал Василий Александрович себя в предисловии к книге «Сердце отдаю детям». Без раздумий отвечал: л ю б о в ь к д е т я м. Не случайно ведь и книга названа «Сердце отдаю детям». Эта заповедь — отличительный признак гуманистичности педагогики. Именно величайшая гуманистичность педагогики В.А. Сухомлинского привлекла к нему неслабеющий интерес во всем мире. Его работы изданы на английском, немецком, французском, польском, испанском, японском и многих других языках. Российские педагоги, Российская академия образования вправе гордиться В.А. Сухомлинским, членом которой он состоял.

* * *

Вся деятельность В.А. Сухомлинского протекала в педагогическом пространстве, состоящем как бы из двух миров — из мира социалистической педагогической обыденщины (сильных мира сего, в том числе деятелей в области образования, педагогики, издательского дела) и собственно мира образования — школы, детей. И если с первым миром поневоле приходилось сотрудничать, если в первом мире, где процветали не самые человечные отношения, не грех было и слукавить, чтобы выстоять для продолжения работы, развития своих идей или просто выжить, то во втором мире кривить душой, а тем более лукавить было нельзя. В этом втором мире Сухомлинский по-настоящему жил, этому второму миру он был открыт полностью, ему он был беспредельно предан. Этому второму миру он без остатка отдал свое сердце. И он добился признания и небывалого для педагога почета — Звезда Героя Социалистического Труда, два ордена Ленина, медали К.Д. Ушинского и А.С. Макаренко, Государственная премия УССР и др.

Власть стремилась кнутом и пряником вогнать Учителя в привычный ряд пропагандистов идей марксизма-ленинизма.

Вот как характеризуется деятельность Сухомлинского в 25-м томе третьего издания БСЭ (1976): «Разрабатывал вопросы теории и методики коммунистического воспитания в школьном и семейном коллективах, всестороннего развития личности учащихся, педагогического мастерства, а также пропагандировал идеи сов.гуманистической педагогики».

В предисловии редакционной коллегии к наиболее полному пятитомному собранию его избранных произведений эта мысль ужесточается. На поставленный самими авторами предисловия вопрос: «Что же было главным в теоретической и практической деятель-

ности выдающегося педагога?» — дается такой ответ: «Основное, самое важное заключение в том, что В.А. Сухомлинский был талантливым пропагандистом идей марксистско-ленинской педагогики». (*Сухомлинский В.А.* Избр. произв.: В 5 т. — Киев, 1979—1980. Т. 1. — С. 20).

Учителю-фронтовику из далекого украинского села только за это было позволено иногда высказывать крамольные мысли, заботиться о духовном мире детей, сеять в их душах вечное, доброе, человечное, осуществлять глубокий индивидуальный подход в условиях всеобщего единства (а на самом деле одинаковости) школы, однообразия содержания, средств и методов обучения.

Не знаю, осознавал ли сам Сухомлинский двойственность своего состояния, поведения и творчества. Возможно, длительная практика нелегкой борьбы и жизни, проб и ошибок выработала в нем неосознаваемые защитные механизмы мышления и деятельности. Но я думаю, что на каком-то этапе своей жизни Василий Александрович не только почувствовал эту двойственность, но и сознательно действовал определенным образом во имя недопущения постороннего, чиновничьего вмешательства в мир, в котором он жил, во имя которого творил. И он победил. Он, один из немногих теоретиков и практиков образования, не только сохранил, уберег, но и развил гуманистическую традицию в педагогике, передал ее педагогам новых поколений.

Мое предположение подтверждается выдержкой из письма профессору Э.Г.Костяшкину, написанного 29 мая 1966 г.:

«С большой радостью получаю от Вас каждое письмо. Очень радостно, что есть единомышленники, есть люди, которых тревожит будущее педагогической науки. А с ней и в самом деле творится что-то странное. Мне кажется, что многие мужи педагогики, которые управляют нашим кораблем, сами не любят ни школы, ни детей: больше того, кое-кто из них глубоко ненавидит педагогику. Никакой педагогической мысли в рубке этого корабля нет. Люди отстаивают часы своей «вахты» и все. Вы правы, об этом надо писать, кричать надо. Думаю, что придет время, когда мы вместе с Вами скажем об этом во всеуслышание». (Научный архив РАО. Ф. 133, оп. 1, ед. хр. 880, л. 4, 7—10).

С какой надеждой ожидал Василий Александрович социальных и политических перемен в нашей стране, надеясь, что можно будет открыто «во всеуслышание» сказать правду о системе образования, педагогической науке, о тех, кто руководит ею, о школе будущего. К сожалению, Василий Александрович не дожил до этого времени. Только сейчас в России создаются предпосылки для расцвета истинно прогрессивной гуманистической педагогики, истинно гуманного образования. И именно сейчас мы снова и снова обращаемся к наследию Сухомлинского.

Цитируемая выше выдержка из письма В.А. Сухомлинского свидетельствует также о непростых отношениях, которые сложились у него с руководством Академии педагогических наук СССР, членом-корреспондентом которой он был. Именно это обстоятельство

послужило причиной его отказа повторно баллотироваться в академики. Приведу выдержку из письма В.А. Сухомлинского Н.К. Гончарову, занимавшему пост вице-президента академии:

«Уважаемый Николай Кириллович! Я... не согласен на включение моей фамилии в список лиц, выдвигаемых в действительные члены АПН... Ведь уже однажды моя кандидатура выдвигалась. Для чего это делать вторично? Это становится похожим на компрометацию».

В России всегда были борцы разного типа. Одни активно и открыто выступали против правящей государственной идеологии и ее влияния на общество. Они становились диссидентами. Таких людей отлучали от дел, высылали, заключали в тюрьмы, лагеря и психиатрические больницы. О них писали в подпольной печати, сообщали «голоса». Однако влияние их на умы и души людей было ограниченным. Но были борцы и другого рода. Найдя приемлемую для себя и, главное, для системы форму изложения, они проповедовали идеи, пробуждающие человеческое в человеке, низвергающие принципы тоталитарной идеологии.

Влияние этих деятелей культуры и науки на людей было огромно, их вклад в борьбу с тоталитаризмом был не менее весом и существенно более эффективен. Думаю, что к борцам второго типа можно отнести и В.А. Сухомлинского. Вот один пример. 1968 год. Рукопись книги «Сердце отдаю детям» с большим трудом проходила в издательстве «Радянська школа». Бесконечные придирки к содержанию, стилю, названию. Передо мной одна из рецензий:

«...Автор односторонне... решает вопросы нравственного воспитания... Нам представляется, что успешное решение этого вопроса осуществимо на материале жизни и деятельности В.И. Ленина и его славных боевых соратников...

...понятие «классовая борьба» автор в основном решает в плане абстрактного гуманизма...

...в рукописи не упоминается Партия...

...В разделе «Родители моих воспитанников» собранный автором «букет» преступников, спекулянтов, предателей, людей, занимающихся темными делами, не только дурно пахнет, но и создает у злопыхателей ложное представление о советском народе...

...Утверждение автора, что начальная школа не дает ученикам определенного круга знаний, что учитель работает без корма и ветрил, не соответствует действительности...

...автор приводит много сочинений, но ни одного примера творческой работы на темы о трудовой деятельности советских людей... ни одной сказки, связанной с советской действительностью, с трудовой деятельностью нашего народа...»

Ради спасения книги В.А. Сухомлинский идет на уступки издателям и включает в книгу новые фрагменты, цитируя классиков марксизма-ленинизма.

Остро, чрезвычайно болезненно воспринимал Сухомлинский необоснованную критику его идей, грубые нападки. Приведу отрывок из его письма, адресованного в редакцию журнала «Народное

образование» в связи с «рецензией» на серию его статей «Этюды о коммунистическом воспитании»:

«Александр Евсеевич! Если бы Вы смогли сказать этому человеку несколько слов, я бы просил Вас сказать, что он провокатор. Никто нигде в газете буржуазной меня не хвалил, они только радовались, что нападают на своего. Это вызывало удивление, изумление и огромную радость. Если бы ему еще раз удалось напасть — сомневаюсь в этом — радовались бы еще больше.

Вы должны понять, что я прежде всего учитель. И если бы Вы могли сказать этому негодяю несколько слов, я бы просил сказать следующее: то, что я пишу, рассуждаю, это написано кровью. Пусть он идет на мою работу и потрудится! Он ничего не смыслит в работе! Я не считаю себя ученым — я прежде всего учитель. За что он меня ненавидит?.. Если бы я встретился с ним где, я бы ему прямо сказал: провокатор. Так только делают провокаторы, стремящиеся вывести из строя того, кого им надо вывести. Ведь если я не выдержу и погибну, то убийцей будет он, провокатор...» (Научный архив РАО. Ф. 130 о. в. ед. хр. 378, л. 1—13).

В чем же суть обвинения рецензента, занимавшего тогда пост ученого секретаря в президиуме Академии педагогических наук? Против чего он возражает? Вот выдержки из его «рецензии»:

«...Исходное положение концепции В.А. Сухомлинского заключается в том, что в развитом социалистическом обществе людям якобы начинают мешать отношения сложных «организационных зависимостей», отношения приказа и руководства, подчинения и контроля. Эти отношения якобы противоречат принципу свободы личности, препятствуют духовному и нравственному совершенствованию человека, вынуждают людей приспосабливаться к жизни с помощью обмана и лицемерия, двоедушия и доносов...

...Демократизм, несовместимый с «безоговорочным подчинением», — таков идеал В.А. Сухомлинского...

...Немарксистская трактовка принципа свободы личности приводит В.А. Сухомлинского к глубокому искажению целей коммунистического воспитания. Воспитательным идеалом партии, четко определенным в документах съездов и выступлениях партийных деятелей, В.А. Сухомлинский противопоставляет экзистенциалистский идеал личности, целиком поглощенный собственным «наличным бытием»...

...Концепция, которую В.А. Сухомлинский проповедует в ряде органов нашей печати, получила весьма широкое распространение в массах учительства и в настоящее время представляет реальную угрозу как сила, поворачивающая педагогическое мышление в сторону буржуазной теории свободного воспитания...»

На основе подобных «рецензий» в ЦК КПСС отправляется письмо за подписью президента Академии педагогических наук СССР В.М. Хвостова, содержащее такое заключение: «Рекламирование концепции В.А. Сухомлинского в нашей печати представляется политически и педагогически нецелесообразным и даже вредным».

Гражданская позиция Сухомлинского, как, впрочем, и все его педагогические взгляды и творчество, не оставались неизменными.

Они существенным образом менялись по мере проникновения в сущность гуманистических идей, по мере роста его популярности и авторитета в научно-педагогическом обществе, по мере расширения его известности в обществе. Постепенно Василий Александрович отказывается от камуфляжа с помощью искусственно притянутых цитат, ссылок на авторитет политических деятелей и все более открыто и последовательно исповедует идеи гуманистической педагогики. Это особенно проявляется в работах последних лет его жизни «Как воспитать настоящего человека», «Рождение гражданина», последних статьях, письмах коллегам и друзьям. По своей сути Василий Александрович всегда был последовательным борцом против тоталитарной педагогики, стремящейся воспитывать послушных бессловесных «винтиков» тоталитарного государства. Он постоянно подчеркивал, что попытки руководить «приказом, требованием беспрекословного подчинения, организованной зависимостью не только обречены на провал, но и представляют собой источник лицемерия и двоедушия». «Там, где на таком фундаменте, — писал Василий Александрович, — пытаются строить коллектив, процветает ябедничество, наушничанье, обман» (Народное образование. — 1967. — № 2. — С. 42).

В сказках, новеллах, рассказах В.А.Сухомлинского ощущается внутренняя напряженная борьба за человеческое в человеке, противостояние угрозе дегуманизации человека. Все его педагогическое и художественное творчество как бы противостоит технократическому вызову, формирующему своеобразное мировоззрение, существенной чертой которого является примат средств над целью, цели над смыслом и общечеловеческими интересами, смысла над бытием и реальностями современного мира, техники над человеком и его ценностями. Он всем своим творчеством как бы противопоставляет технократическому вызову гуманистическую ориентацию, объявляющую человека высшей ценностью на земле. Средствами педагогики он пытался решать глобальные проблемы: Человек и мир, Человек и природа, Человек и общество, Человек и человек. Все его книги объединяют вера в общечеловеческие ценности и неповторимость человеческой жизни, талантливость и самобытность каждого.

Творчество Сухомлинского многогранно и многоаспектно. Анализируя его, следует рассматривать различные грани таланта Василия Александровича — вдумчивого педагога-практика, творчески мыслящего воспитателя; глубокого, основательного ученого в области педагогики, высокообразованного человека, непревзойденного мечтателя и архитектора школы будущего.

И удивительно, в его педагогические построения, теоретические модели веришь больше, чем в иные «научно обоснованные» и «экспериментально проверенные» педагогические диссертации, потоком проходящие через диссертационные советы и высшие аттестационные комиссии и комитеты. Еще более удивительно то, что многие педагогические воззрения Сухомлинского сбываются в условиях демократизации образования. Гуманистические идеи Сухомлинского неотвратимо проникают в школу.

В заключение, воспользовавшись результатами исследований М.И.Мухина (см.: Гуманизм педагогики В.А.Сухомлинского. — М. 1994), изложу схематично концептуальные положения и основополагающие принципы педагогической системы В.А.Сухомлинского, определяющие гуманизм его педагогики.

Как подлинный гуманист Василий Александрович прекрасно понимал и постоянно отстаивал значимость всесторонности и гармоничности в развитии личности как целостном и системном образовании.

Определяющее значение придает В.А.Сухомлинский системообразующему фактору — нацеленности всей учебно-воспитательной работы на формирование у школьников высоких нравственных качеств. Центральный стержень, без которого немыслима гармоничная, всесторонне развитая личность, по убеждению педагога, — это человечность в человеке. Именно к этому стержню привязывает он все, что приобретается ребенком в жизни вообще и в школе в частности. «Без нравственной чистоты теряет смысл все — образование, духовное богатство, трудовое мастерство, физическое совершенство» (*Сухомлинский В.А.* Этюды о коммунистическом воспитании // Народное образование, — 1967. — № 2. — С. 39). При этом Сухомлинский неоднократно подчеркивал, что средоточием нравственности является долг. Поэтому одним из оснований его педагогики является идея нравственного долга: человека перед человеком, обществом, Отечеством; отца и матери перед своими детьми и детей перед родителями; отдельной личности перед коллективом и перед высшими нравственными принципами.

Ведущую роль в воспитании всесторонне развитой личности В.А.Сухомлинский придает необходимости превращения образования в важнейшую жизненную ценность. Его постоянно тревожили социальная деформированность общества, недооценка роли интеллигенции в общественном развитии, снижение уровня образования при переходе ко всеобщему обязательному среднему образованию, слабость кадрового и методического обеспечения школы, недостаточность материальных вложений в образование. В связи с этим павлышский педагог в своей системе воспитания всесторонне развитой личности постоянно работал над формированием у школьников неутолимой любознательности, стремления к практической готовности к образованию и самообразованию.

Неоднократно в своих работах В.А.Сухомлинский обсуждает проблему воспитания у детей правильного гармоничного взаимоотношения материальных и духовных потребностей, культуры желаний, раскрывает пути формирования психологической готовности к труду. Важное значение имеет актуальная мысль о том, что «истинная... связь труда и знаний заключается в том, что культура мысли воспитывает культуру взаимодействия человека с природой» (Избр. произв. В 5 т. Киев, 1979—1980. — Т. 1. — С. 87).

В докторском докладе В.А.Сухомлинского в связи с проблемой воспитания всесторонне развитой личности получает раскрытие тема необходимости формирования «высокой педагогической культуры

семьи», основным методом формирования которой он считает «проведение этических бесед, посвященных высокой миссии матери и отца. Это беседы о любви и дружбе, браке, деторождении, воспитании детей» (Там же. С. 95). Педагог, очевидно, впервые в отечественной педагогике обсуждает проблему воспитания моральной зрелости как неотъемлемой составляющей воспитания всесторонне развитой личности интегрального личного качества. В это понятие автор включает гражданственность, идейную стойкость, верность убеждениям, готовность их отстаивать, зрелость мысли.

Каждый новый день отделяет нас от того времени, в котором жил и творил В.А. Сухомлинский, но, как это всегда бывает, мысли и дела истинно великих людей со временем не только не устаревают, не только не отдаляются, но становятся все ближе, нужнее новым поколениям. Так и гуманистическая педагогика Василия Александровича Сухомлинского продолжает активно воплощаться и развиваться в жизни современной российской школы. И этот процесс необратим.

Г.Д. Глейзер

Глава 1

ШКОЛА ДОЛЖНА ЛЮБИТЬ РЕБЕНКА, ТОГДА ОН ПОЛЮБИТ ШКОЛУ

КАК ЛЮБИТЬ ДЕТЕЙ

Иногда можно еще услышать в учительской среде дискуссию: обязательно ли, чтобы каждый педагог любил детей? «А если я их не люблю? — щеголял своей оригинальностью один учитель. — Если от их галдежа у меня головная боль? Если я только и знаю светлые минуты, когда не слышу их и не вижу? Что же, прикажете оставить школу и переквалифицироваться?»

Ответ этому оригиналу может быть только один: да, надо оставить школу и приобрести другую специальность. Или же воспитать в себе любовь к ребенку — третьего не дано.

Ибо любовь к ребенку в нашей специальности — это плоть и кровь воспитателя как силы, способной влиять на духовный мир другого человека. Педагог без любви к ребенку — все равно, что певец без голоса, музыкант без слуха, живописец без чувства цвета.

Нельзя познать ребенка, не любя его. Все выдающиеся педагоги прошлого стали светочами педагогической культуры, человечности прежде всего именно потому, что они любили детей. Ян Амос Коменский, Песталоцци, Ушинский, Дистервег, Жан Жак Руссо, Лев Толстой, Крупская, Шацкий, Макаренко, Януш Корчак — эти имена всегда будут сиять нам, как вечный огонь мудрой человеческой любви. «Если учитель имеет только любовь к делу, он будет хороший учитель, — писал Л. Толстой. — Если учитель имеет только любовь к ученику, как отец, мать, он будет лучше того учителя, который прочел все книги, но не имеет любви ни к делу, ни к ученикам. Если учитель соединяет в себе любовь к делу и к ученикам, он — совершенный учитель».

Речь идет не об инстинктивной любви, не облагороженной жизненной мудростью, которая приносит иногда ребенку большой вред. Речь идет о мудрой человеческой любви, одухотворенной глубоким знанием человеческого, пониманием всех слабых и сильных сторон личности, — о любви, предостерегающей от безрассудных поступков и вдохновляющей на поступки честные, благородные. Любовь, которая учит жить, — такая любовь нелегка, она требует напряжения всех сил души, постоянной отдачи их.

Вместе с тем любовь к детям воодушевляет воспитателя, является для него источником, из которого он постоянно черпает новые силы.

NB *В чем же смысл педагогической любви к детям? Что это – природный дар или приобретенное качество? Можно ли научиться любить детей?*

Трудно однозначно ответить на эти вопросы. Бесспорно одно — учитель не может любить детей так, как любят их родители. Каждый учитель любит их по-своему и выражается эта любовь в различных формах. Для В.А. Сухомлинского «педагогическая» любовь — это прежде всего уважение к личному достоинству ребенка, постоянная забота о нем, это сложный процесс понимания, изучения ребенка, открытия в нем человеческой красоты, на основе которой происходит формирование личности. Школа должна любить ребенка, тогда и он обязательно полюбит школу. Без любви и уважения к воспитанникам всякие разговоры о гуманности и человечности — пустой звук.

К сожалению, не все учителя одинаково относятся к детям и тем более любят их. Встречаются учителя, обладающие природным даром любви к детям, который выражается в высокой степени эмоционального положительного отношения к ученикам. Такое отношение порождает всегда ответную любовь детей. Есть учителя, дающие знания детям на высоком профессиональном уровне, не выражая при этом особенной любви к ним. И тем не менее они постоянно получают искреннюю детскую благодарность за свой труд. Думаю, что эти учителя также любят детей, но, в силу особенностей своего характера, эта любовь выражается не в эмоциях, а в заботе об их развитии, в стремлении как можно больше дать знаний на уроке. Но есть и еще одна категория учителей — равнодушных к детям. Время общения с детьми они сводят до минимума, выполняя свой служебный долг без воодушевления и без большого старания.

Могут и должны ли работать в школе такие учителя? По большому счету — нет. Но, учитывая недостаток педагогических кадров во многих школах, приходится мириться с их присутствием. Можно ли их научить любви к детям? Думаю, что нет. Любовь к детям — это особое чувство самоотверженности, сердечной привязанности, свойство характера, качество личности. Если они отсутствуют у человека, то воспитать их практически невозможно.

Я не могу себе представить, чтобы ребенок когда-нибудь надоел мне, чтобы я перестал любить его. Это невозможно, так как невозможно до конца познать человеческое в ребенке и сказать: все. В тебе нет больше ничего, чего бы я не знал. Холодок, взаимная неприязнь, а потом и отвращение (а бывает — и ненависть: к сожалению, в нашем самом гуманном в мире месте — в школе, и такое бывает) возникают тогда, когда учитель считает, что он уже знает ребенка, как свои пять пальцев). Представьте себе, что человек с завязанными глазами берется среди многих роз определить самый яркий, самый привлекательный для человеческого глаза цветок, — что может сказать такой мудрец? Вот таким мудрецом кажется мне и педагог, который считает, будто он уже знает ребенка до конца. Да на это и жизни не хватит! Когда за год до начала обучения в школе приходят шестилетние малыши и становятся моими воспитанниками, меня поражает несходство детского восприятия мира. Вглядываюсь в черные, синие, голубые, серые глаза, и кажется, что каждый ребенок открыл сейчас свое маленькое оконце в мир и смотрит, очарованный, на небо и землю, солнце и месяц, цветок и птичку. И каждое окошце — неповторимо, своеобразно. Один воспринимает мир через музыку природы — вслушивается в пение птиц и гудение шмеля, в шепот травы и шелест листьев. Перед другим мир открывается в красках и оттенках. Один видит явление как единое целое, а другой всматривается в детали. Вот мы пошли в лес. Одного ребенка захватывает вся величавая красота жизни, цветения, а других поражает какой-нибудь маленький стебелек; один изумлен многоголосым пением птиц, а другой — не может оторвать глаз от муравья, который тянет груз, в несколько раз тяжелее его самого.

Чем больше познаешь эти тонкости детского мировосприятия, тем больше любишь каждого ребенка. Если бы я не познавал многогранности человеческого в ребенке, если бы каждый день не открывал передо мной что-то новое в каждом ребенке, все дети казались бы мне похожими друг на друга — я не видел бы ребенка. А тот, кто не видит ребенка, не может и полюбить его.

Любовь учителя к детям рождается в горении, в борьбе за человека, нередко — в муках. Было бы наивно представлять себе дело так, что все дети, которые приходят в школу, — красивые розы; и учителю не остается ничего, лишь только любоваться ими. Есть розы, а есть и чертополох. Сколько приносят дети с собой уродливого, сколько бывает такого, когда сердце детское — как гнойник, как язва, корни которой уходят в глубину тех дней, когда перед ребенком только открылось оконце в мир. Бывает, смотрят на тебя не чистые, честные, откровенные, а наглые, лицемерные глаза. Разве можно это все любить? Я люблю ребенка не таким, какой он есть, а таким, каким он должен быть. И когда удается очистить сердце детское от гнойника и язв, когда в глазах ребенка сияет одухотворенность красотой, а не блуждает лицемерная усмешка, я люблю этого настоящего человека, ибо в нем — частица моей души.

Наверное, самое страшное из всего того уродливого, что приходится иногда находить в детской душе, — детский цинизм. Он является порождением тех семейных условий, где унижается человек. Никогда не забуду семилетнего Станислава К. Трудно поверить, но это действительно так: семилетний ребенок-циник. На его глазах в семье порочилось, извращалось, выставлялось на свет в зловонной грязи все, что есть светлого и дорогого в человеке. Для ребенка не было в жизни ничего святого. Он не знал, что такое материнская ласка и что вообще в мире существуют сердечность, душевность, чуткость. Мальчик не представлял себе, что один человек может отдавать свои духовные силы во имя блага другого человека. Он видел в семье прямо противоположное: все делалось только для личной выгоды.

Лишь отвращение, брезгливость вызывало то уродливое, что было в душе мальчика. Но ведь это был человек. Он должен был стать прекрасным! Искусство нашей профессии состоит в том, чтобы, ненавидя зло, не переносить ненависть на того, в чьей душе живет оно.

На мой взгляд, подавляющее большинство конфликтов между учителем и «неисправимыми», «безнадежными» школьниками как раз и

NB *В чем же смысл педагогической любви к детям? Что это – природный дар или приобретенное качество? Можно ли научиться любить детей?*

Трудно однозначно ответить на эти вопросы. Бесспорно одно — учитель не может любить детей так, как любят их родители. Каждый учитель любит их по-своему и выражается эта любовь в различных формах. Для В.А. Сухомлинского «педагогическая» любовь — это прежде всего уважение к личному достоинству ребенка, постоянная забота о нем, это сложный процесс понимания, изучения ребенка, открытия в нем человеческой красоты, на основе которой происходит формирование личности. Школа должна любить ребенка, тогда и он обязательно полюбит школу. Без любви и уважения к воспитанникам всякие разговоры о гуманности и человечности — пустой звук.

К сожалению, не все учителя одинаково относятся к детям и тем более любят их. Встречаются учителя, обладающие природным даром любви к детям, который выражается в высокой степени эмоционального положительного отношения к ученикам. Такое отношение порождает всегда ответную любовь детей. Есть учителя, дающие знания детям на высоком профессиональном уровне, не выражая при этом особенной любви к ним. И тем не менее они постоянно получают искреннюю детскую благодарность за свой труд. Думаю, что эти учителя также любят детей, но, в силу особенностей своего характера, эта любовь выражается не в эмоциях, а в заботе об их развитии, в стремлении как можно больше дать знаний на уроке. Но есть и еще одна категория учителей — равнодушных к детям. Время общения с детьми они сводят до минимума, выполняя свой служебный долг без воодушевления и без большого старания.

Могут и должны ли работать в школе такие учителя? По большому счету — нет. Но, учитывая недостаток педагогических кадров во многих школах, приходится мириться с их присутствием. Можно ли их научить любви к детям? Думаю, что нет. Любовь к детям — это особое чувство самоотверженности, сердечной привязанности, свойство характера, качество личности. Если они отсутствуют у человека, то воспитать их практически невозможно.

Я не могу себе представить, чтобы ребенок когда-нибудь надоел мне, чтобы я перестал любить его. Это невозможно, так как невозможно до конца познать человеческое в ребенке и сказать: все. В тебе нет больше ничего, чего бы я не знал. Холодок, взаимная неприязнь, а потом и отвращение (а бывает — и ненависть: к сожалению, в нашем самом гуманном в мире месте — в школе, и такое бывает) возникают тогда, когда учитель считает, что он уже знает ребенка, как свои пять пальцев). Представьте себе, что человек с завязанными глазами берется среди многих роз определить самый яркий, самый привлекательный для человеческого глаза цветок, — что может сказать такой мудрец? Вот таким мудрецом кажется мне и педагог, который считает, будто он уже знает ребенка до конца. Да на это и жизни не хватит! Когда за год до начала обучения в школе приходят шестилетние малыши и становятся моими воспитанниками, меня поражает несходство детского восприятия мира. Вглядываюсь в черные, синие, голубые, серые глаза, и кажется, что каж-

дый ребенок открыл сейчас свое маленькое оконце в мир и смотрит, очарованный, на небо и землю, солнце и месяц, цветок и птичку. И каждое оконце — неповторимо, своеобразно. Один воспринимает мир через музыку природы — вслушивается в пение птиц и гудение шмеля, в шепот травы и шелест листьев. Перед другим мир открывается в красках и оттенках. Один видит явление как единое целое, а другой всматривается в детали. Вот мы пошли в лес. Одного ребенка захватывает вся величавая красота жизни, цветения, а других поражает какой-нибудь маленький стебелек; один изумлен многоголосым пением птиц, а другой — не может оторвать глаз от муравья, который тянет груз, в несколько раз тяжелее его самого.

Чем больше познаешь эти тонкости детского мировосприятия, тем больше любишь каждого ребенка. Если бы я не познавал многогранности человеческого в ребенке, если бы каждый день не открывал передо мной что-то новое в каждом ребенке, все дети казались бы мне похожими друг на друга — я не видел бы ребенка. А тот, кто не видит ребенка, не может и полюбить его.

Любовь учителя к детям рождается в горении, в борьбе за человека, нередко — в муках. Было бы наивно представлять себе дело так, что все дети, которые приходят в школу, — красивые розы; и учителю не остается ничего, лишь только любоваться ими. Есть розы, а есть и чертополох. Сколько приносят дети с собой уродливого, сколько бывает такого, когда сердце детское — как гнойник, как язва, корни которой уходят в глубину тех дней, когда перед ребенком только открылось оконце в мир. Бывает, смотрят на тебя не чистые, честные, откровенные, а наглые, лицемерные глаза. Разве можно это все любить? Я люблю ребенка не таким, какой он есть, а таким, каким он должен быть. И когда удается очистить сердце детское от гнойника и язв, когда в глазах ребенка сияет одухотворенность красотой, а не блуждает лицемерная усмешка, я люблю этого настоящего человека, ибо в нем — частица моей души.

Наверное, самое страшное из всего того уродливого, что приходится иногда находить в детской душе, — детский цинизм. Он является порождением тех семейных условий, где унижается человек. Никогда не забуду семилетнего Станислава К. Трудно поверить, но это действительно так: семилетний ребенок-циник. На его глазах в семье порочилось, извращалось, выставлялось на свет в зловонной грязи все, что есть светлого и дорогого в человеке. Для ребенка не было в жизни ничего святого. Он не знал, что такое материнская ласка и что вообще в мире существуют сердечность, душевность, чуткость. Мальчик не представлял себе, что один человек может отдавать свои духовные силы во имя блага другого человека. Он видел в семье прямо противоположное: все делалось только для личной выгоды.

Лишь отвращение, брезгливость вызывало то уродливое, что было в душе мальчика. Но ведь это был человек. Он должен был стать прекрасным! Искусство нашей профессии состоит в том, чтобы, ненавидя зло, не переносить ненависть на того, в чьей душе живет оно.

На мой взгляд, подавляющее большинство конфликтов между учителем и «неисправимыми», «безнадежными» школьниками как раз и

NB *К проблеме борьбы со злом мы еще вернемся. Но я глубоко убежден, что победить зло можно только добром. Добро дает счастье не только тому, на кого оно направлено, но и тому, от кого оно исходит.*

Приносить детям добро и счастье — вершина педагогической культуры и этики.

возникает там, где ненависть ко злу учитель переносит и на ребенка. Однако ребенок есть ребенок, и в том, что зло укоренилось в его сердце, виноваты взрослые. В моей педагогической практике существует правило: каким бы страшным ни было зло в детской душе, надо видеть в этой изуродованной душе прежде всего человека, который ждет, чтобы ему помогли — излечили от зла. Я обращаюсь не к голосу зла, а к голосу красоты человеческой, которая в ребенке обязательно есть, которую не заглушить ничем.

Вот и со Станиславом К. так было... Я старался говорить с ним таким тоном, с такой внутренней настроенностью своей души, чтобы мальчик почувствовал в себе человека, чтобы стал уважать прежде всего себя. Это чудодейственная живая вода, от которой заживают самые страшные гнойники и раны. Ведь сама природа детского цинизма — это полная утрата уважения к самому себе. Обращаясь к Станиславу К., я старался забыть — и мне удавалось достичь этого величайшим напряжением духовных сил, — что в его душе царит зло. И как только мне удалось забыть об этом, мальчик впервые в жизни почувствовал, что в эту минуту обращается человек к человеку. Мы рассматриваем цветы на маленькой вишенке, которая зацвела в теплице накануне Нового года. Восхищение красотой — вот что помогает мне забыть о том, что передо мною мальчик, в душе которого прочно укоренилось зло. Я вижу перед собой человека, с которым мне хочется поделиться своей радостью. И у мальчика исчезает настороженность — он забывает, что его воспитывают...

Удивительные чувства переживает в эти минуты Станислав. Это и смятение, и растерянность, и искреннее увлечение красотой. Я вижу перед собой ребенка: он предстает передо мной таким, какого я буду любить. До полного излечения от зла, конечно, еще далеко. Терпеливо, постепенно ищу все новые и новые дорожки к сердцу ребенка. Эти дорожки прежде всего наши общие духовные интересы — мы увлекаемся цветами, мы живем в мире игры красок, нас одухотворяет красота жизни; потом к этому увлечению добавляется еще и интерес к книге. Мы читаем интересные произведения о человеке, о его радостях и горе, о верности и преданности человека человеку. Постепенно, как великая тайна жизни, как удивительный мир подлинно человеческого, перед мальчиком открываются благородные человеческие чувства: ласка, сердечность, доброта. Сначала эти чувства ребенок узнает в других людях, потом они пробуждаются в нем самом. Так Станислав начал жить по-новому, познавать человека сердцем.

Проходят месяцы, проходит год, второй, третий год школьной жизни. Мальчик познает ласку и сердечность, доброту и сочувствие. Бесследно исчезает цинизм. Я с каждым годом все больше привязываюсь к мальчику. Я ни слова не говорил ему о том, что видел и видит он в семье. Я говорил с ним просто, как человек с

человеком, и с того времени, как человек в нем пробудился, все доброе, что ожило в детском сердце, стало моим союзником, помощником в воспитании.

Дети по самой природе своей — оптимисты. Для них характерным является светлое, солнечное, жизнерадостное мировосприятие. Любить детей — это значит любить детство, а для детства оптимизм — то же самое, что игра красок для радуги: нет оптимизма — нет и детства.

Но тут мы и встречаемся часто с серьезной бедой школьной жизни: воспитатель, бывает, сам не ведая, что творит, подрубает корни оптимизма, подрубает методически, безжалостно. Оптимизм — это будто волшебное цветное стекло, сквозь которое окружающий мир кажется ребенку великим чудом. Ребенок не просто видит и понимает, он эмоционально оценивает, он любит, увлекается, удивляется, ненавидит, стремится стать на защиту добра против зла. Нельзя отнимать у ребенка это волшебное стеклышко. Нельзя превращать его в холодного, рассудочного резонера. Вот мы пришли на луг. Предвечерняя тишина. Над цветами летают бабочки, в голубом небе поет жаворонок, на плесе вскинулась рыбка. Дети возбуждены, они бегают от цветка к цветку, прячутся в кустах, перекликаются. Все это — детский оптимизм, все это — свет сквозь волшебное стеклышко. Пусть насладятся дети чудесным видением мира сквозь волшебное стеклышко. Пусть набегаются и поиграют. Пусть каждый из них удивится и, затаив дыхание, смотрит на то, что его удивило. Не делайте ничего, что делают педагоги, которые не любят детства: они не дают расцвести этой детской жизнерадостности, скорее спешат собрать детей вместе, ставят их по двое в ряд, и начинается нудный «анализ»...

NB ***Однажды В.А. Сухомлинский сказал: «Поменьше трескучих фраз о любви к человеку вообще, побольше конкретных дел, сердечного участия в жизни, в творении радостей», — и раз и навсегда сформулировал свое жизненное и педагогическое кредо. В действенной любви к детям, постоянной заботе о них — источник и педагогического новаторства, и жизненного подвига павлышского педагога.***

В отличие от родителей учитель любит ребенка не только таким, какой он есть сегодня, но прежде всего таким, каким он видит его в будущем.

Научить учителя любить детей нельзя, а вот создать условия, позволяющие развить эти задатки (я уверен, что задатки любви к детям имеются у каждого человека), можно. Что для этого нужно?

Пересмотреть режим работы, учебной нагрузки учителя, освободить его от забот о хлебе насущном и других житейских проблем. Надо сделать все, чтобы учитель имел достаточно свободного времени для совершенствования своей педагогической культуры и мог больше общаться с детьми вне уроков. Нужны совершенно новые методы работы школы, не угнетающие детей уроками и домашними заданиями, позволяющие более полно использовать силы природы в воспитании ребенка.

В самих детях, в их оптимистическом мировосприятии — источник моей любви к ним. Мне хочется быть с детьми. Особенно сильным становится это желание тогда, когда по каким-то своим внутренним причинам я чувствую упадок духовных сил. Знаешь, что общение с детьми вдохнет бодрость, пополнит духовные силы, и потому в такие минуты больше, чем когда-либо, стремишься быть с детьми. Но... тут есть одна очень важная закономерность воспитания, о которой надо помнить. И если вы забыли о ней, то ни вы не будете любить детей, ни дети не будут любить вас. Эту закономерность можно сформулировать так: если все время, на протяжении которого учитель находится вместе со своими воспитанниками, считать единым целым, то две трети его должны быть непринужденным, товарищеским, дружеским общением, в котором дети забывают, что они — воспитанники, а учитель — их воспитатель. Это общение должно пронизывать деятельность, не связанную с обучением, усвоением материала, оценками, успеваемостью и т. п. В этом общении должно отступать на задний план то интеллектуальное неравенство, которое является результатом неодинаковых умственных возможностей. Здесь, в этом общении, все чувствуют себя равными, здесь каждый является прежде всего не учеником, а человеком. В таком общении каждый предстает перед вами, воспитателем, не таким, каким делает его оценка, а таким, каков он есть, когда раскрываются все его человеческие способности, задатки. Само это общение и является неисчерпаемым источником той радости, которая навсегда оставляет отпечаток в эмоциональной памяти учителя, благодаря которой дни и часы общения с детьми вспоминаются как счастливейшее время жизни. Было бы наивным думать, что найти такое общение с детьми, в котором они уважали бы учителя, это значит учителю опуститься до уровня детей. Дети понимают, чувствуют интеллектуальное превосходство учителя, они стремятся подняться до его мыслей, жизненной мудрости. Но для того чтобы поднять детей до своего уровня, педагог должен глубоко понимать их духовный мир. А этот мир чрезвычайно многогранен, и его интеллектуальная основа не исчерпывается учебой, оценками. В чем же это богатство заключается?

Прежде всего в общении детей и учителя с природой. Мир природы — богатейший источник эмоций, и именно благодаря непосредственному воздействию на чувства природа воздействует и на разум, она делает широким, ясным, светлым то оконце, сквозь которое ребенок глядит на мир. Познание красоты облагораживает сердце, ребенок становится красивым, вы будто впервые видите перед собой детей, которых привыкли видеть в других условиях. На протяжении десяти лет дружбы с каждой группой своих воспитанников я открываю несколько — иногда семь, иногда восемь-девять волшебных уголков природы несказанной красоты: в лесу, в поле, на берегах озера, речки, пруда, в густых зарослях луговых кустарников, в оврагах и рощах. Красота этих уголков природы завораживает своей гармонией, она пробуждает благородные человеческие переживания в самых равнодушных сердцах. Я веду детей в эти уголки в периоды самого яркого расцвета или такого же яркого угасания

природы — ранней и поздней весной, летом, осенью. Мы здесь мало говорим, и когда я что-то объясняю, то каждое слово полнится здесь глубоким смыслом. Мы любуемся природой, и то, что у каждого из нас в эти минуты открывается сердце навстречу красоте, сдруживает нас, мы словно впервые видим друг в друге те черточки, которых раньше не замечали. Здесь в эти минуты зерна любви дают буйные ростки.

У нас есть такие укромные уголки среди природы, в которые мы приходим, чтобы жить здесь два, три дня. Это бывает не так часто — два-три раза в год, преимущественно летом. Сооружаем шалаши, ставим палатки, готовим еду. Каждый час пребывания среди природы приносит нам все новые и новые открытия. Но самое ценное то, что мы открываем друг в друге.

В моей памяти навсегда сохранился Петр С. Он окончил школу лет десять назад и сейчас работает инженером. И вот когда я вспоминаю его, возникает картина: теплый летний вечер, заходит солнце, пурпурные краски играют на плесе пруда, мы пришли в Сад Матери, к матери двух сыновей, погибших на войне. Петр С., черноглазый пятиклассник, подошел к яблоне, сорвал несколько созревших розовых яблок, положил их на тарелку, стоит, любуется ими. Сейчас он понесет яблоки матери, но ему хочется дольше переживать эту незабываемую минуту, так как он любуется не просто яблоками, а воплощенным в них собственным трудом, он гордится человеческой красотой в самом себе. Вот эта картина на всю жизнь запечатлелась в моей памяти и всегда предстает передо мною как живая лишь только я слышу имя Петра С.

Когда вспоминаю Тамару Ш., которая окончила школу и учится теперь в университете, передо мной возникает также яркая картина одухотворенного труда. С первого класса девочка стала увлекаться цветами. На школьной усадьбе у нее — свой цветник, своих три куста роз. Росное майское утро. Тамара, маленькая шестиклассница, пришла в свой цветник. Она срезает розы бережно, затаив дыхание, чтобы не стряхнуть капель холодной росы. Это она готовит букет для своей бабушки, сегодня ей восемьдесят лет. Это для нее она посадила куст розы, на котором цветут невиданной, поразительной красоты голубые цветы. Радость сияет в глазах девочки, и это сияние навсегда вошло в мою душу, я люблю девочку именно такой, какой увидел ее в то росное утро.

А Федя Д. вспоминается удрученным, печальным, со слезами на глазах, с выражением отчаяния. В школьном Уголке Красоты он посадил куст сирени, заботливо ухаживал за ним, поливал, дождался цветов. Сегодня он пришел в сад, чтобы срезать несколько фиолетовых кистей и понести их своей маме, которая лежит в больнице с новорожденной сестричкой... Пришел и увидел: кто-то сломал, изувечил сирень. Никогда не забуду выражения детского страдания. Таким запомнился мне Федя на всю жизнь.

Эти воспоминания, навеки запечатлевшиеся в памяти сердца, и являются теми родничками, теми маленькими ручейками, которые рождают и питают большую любовь к каждому ребенку. Время нашей работы идет стремительно, часы общения с детьми быстротеч-

ны, но они не проходят бесследно: они оставляют в нашей памяти, в сердце волнующие воспоминания. И чем ярче они, чем больше их запечатлелось в сердце, тем сильнее тянет к детям, тем более глубокую радость приносит новое общение с ними, тем больше неповторимого открываю я в новом поколении малышей, приходящих в школу. Чуткая и богатая эмоционально сфера учителя, способность запечатлевать, сохранять в сердце картины общения с детьми — это то, что приобретает педагог, что он может воспитать в себе за годы своей педагогической работы.

Мудрая любовь к детям — вершина нашей педагогической культуры, мысли и чувств. Сердечность, теплота, доброжелательность в отношении к ребенку — то, что можно назвать общим словом д о б р о т а, является результатом большой, длительной работы педагога над самовоспитанием чувств.

Создавая богатства своей эмоциональной сферы, учитель оберегает себя от эмоциональной стихии — так можно назвать состояние, которое овладевает им в часы неудач и разочарований. Если в ребенке вы не видите ничего светлого, радостного, если общение с ним не принесло в вашу эмоциональную память ни одного радостного воспоминания, тогда ребенок просто раздражает вас — и тем, что громко смеется, и тем, что молчит, и тем, что шалит, и тем, что приходит к вам с жалобами на шалунов... Учитель, которому недоступна радость общения с детьми, не понимает детских чувств и поступков. Жизнерадостное мировосприятие ребенка кажется ему умышленными шалостями, и он старается погасить детскую радость.

Мудрая человеческая любовь к ребенку и детству — чувство, одухотворенное глубоким раздумьем, богатством мысли. Духовная пустота никогда не пробуждала и не питала подлинной любви. Вам, наверное, приходилось наблюдать не один пример холодного равнодушия, какой-то странной отчужденности в отношениях между учителем и учениками. Ученики не могут сказать, любят или не любят они учителя: он только приходит на урок для того, чтобы пересказать очередной раздел учебника, спросить, поставить оценки. Он не раскрывается перед ними, как живое воплощение человеческой культуры. Это одно из самых досадных явлений, с которым можно еще, к сожалению, встретиться в наших школах. Такой педагог приносит зло своей безликостью, тем, что в душах своих воспитанников он сеет пустоту.

Стать подлинным воспитателем детства, отрочества и юности можно только тогда, когда учителя и его воспитанников объединяют общие взгляды, помыслы, стремления. Без души и помыслов высоких нет пути от сердца к сердцу, — эти слова великого Гете заставляют глубоко вдуматься в характер взаимоотношений педагога и воспитанников. Возьмите учителя, который не пользуется у школьников авторитетом, которого не любят дети, и проанализируйте: о чем говорит он с учениками? Какие мысли и чувства передает он своим воспитанникам, а какие они — ему? Этот анализ вызовет у вас большую тревогу. Вы придете к выводу, что смысл обращения такого учителя к ученикам всегда заключается в пересказывании чужих мыслей, а ученики никогда бы и слова не сказа-

ли своему воспитателю, если бы не нужно было отвечать урок, чтобы получить оценку.

Ни о каком чувстве любви тут и речи быть не может, поскольку нет элементарного уважения человека к человеку. Такой учитель не знает души своих воспитанников. Несколько подобных учителей в педагогическом коллективе — и школьное обучение превращается в мертвую зубрежку, не раскрываются индивидуальные силы, способности, задатки детей. Чтобы любить своих воспитанников, надо создавать у них культуру мышления, пробуждать живую, собственную мысль. Чтобы воспитанники любили учителя, они должны видеть в нем живое воплощение культуры человеческой мысли. То, что мы вкладываем в понятие любовь учителя к детям, любовь детей к учителю, начинается, на мой взгляд, с удивления, с благоговения одного человека перед духовными богатствами другого и прежде всего перед богатством мысли.

Как же практически достичь того, чтобы в отношениях учителя с учениками царили помыслы высокие?

Прежде всего нужно, чтобы в тех мыслях, которые доносит учитель до сознания школьников, он выражал самого себя, чтобы к сердцу детскому прикасались не холодные истины, а живая, страстная личность педагога. Это зависит от того, насколько знания, которые преподает учитель ученикам, стали его личными убеждениями, вошли в его душу. Это зависит и от общей культуры, эрудиции, широты научного горизонта учителя. Искра, которую бросает учитель в сознание ребенка, способна зажечь костер только тогда, когда, образно говоря, она не только что высечена, а горела не один день и не один год в его мыслях. Иными словами, костер живой мысли в сознании своих воспитанников зажжет только тот педагог, который знает в сто раз больше, чем того требует обязательная программа. Если у учителя есть это богатство, то его интеллектуальное общение неминуемо выходит за рамки урока и приобретает индивидуальный характер: интеллект педагога и интеллект отдельных учеников связываются десятками нитей — это и есть живые дорожки от сердца к сердцу.

Интеллектуальное общение с детским коллективом и особенно с отдельными воспитанниками — такой же богатый источник радости, как и одухотворенный труд. Формы этого общения самые разнообразные. Это прежде всего живой, страстный, волнующий разговор о науке, о книге — разговор с группой или с отдельными школьниками. Трудно предвидеть и заранее определить, о чем будет идти речь. Это не какие-то консультации или дополнительные занятия, а передача от сердца к сердцу тех искорок, из которых разгорается пламя мысли воспитанника.

* * *

Любить ребенка — значит защищать его от того зла, которое еще окружает многих детей в жизни (мы имеем в виду прежде всего семью). Ежегодно, когда школьный порог переступают первоклассники, с тревогой смотришь в глаза детям, которые несут в своем сердце открытую рану. Я хорошо знаю этих детей, знаю их родителей, знаю

NB *Кто и как может защитить ребенка от того зла, которое еще зачастую окружает? Думается, прежде всего наше государство, исполнительная и законодательная власть. Но они, к сожалению, большую часть заботы о детях переложили на плечи родителей, которые не всегда в состоянии поднять этот груз. Сокращение сети дошкольных и внешкольных детских учреждений, ограничение приема в старшие классы средних школ (несмотря на запреты сверху, оно сохраняется), невостребованность выпускников школ и ПТУ на работу — серьезные нарушения прав ребенка. Поэтому проблема защиты детства сегодня должна быть наиглавнейшей.*

боли и тревоги детской души, знаю, что отдельных детей надо уже не воспитывать, а перевоспитывать. Эти дети у меня на особом учете, их воспитание я называю защитным воспитанием — оно является важной составной частью моей педагогической системы.

С какими же ранами в сердце приходят дети, искалеченные злом семейного окружения?

По моему мнению, очень опасная рана (а опасна она тем, что поражает сердца детей даже во многих, на первый взгляд, благополучных семьях) — одиночество, когда ребенок знает и чувствует, что он никому не нужен. Речь идет здесь не о том, что мать или отец отказываются от ребенка, что его оставили на произвол судьбы. Такие случаи бывают редко, и о них следует говорить особо. Речь идет о намного более сложном явлении духовного одиночества. Ребенку присуща способность жить сердцем, отдавать его близкому человеку, другому живому существу или даже неодушевленным предметам. Эта способность любить бескорыстно облагораживает душу ребенка, делает его жизнь богатой, светлой. У подавляющего большинства детей, пришедших в школу, есть кто-то дорогой, кому-то они отдали свою душу, и это дает им счастье, полноту духовной жизни. А у некоторых детей жизнь сложилась так, что они никому не смогли отдать своего сердца и чувствуют себя одинокими, не знают счастья духовной близости, родства. Это бывает в тех семьях, где самые близкие ребенку люди — мать, отец — лишены сердечной чуткости, не способны откликнуться на стремление детского сердца завязать искреннюю, задушевную дружбу. Эмоциональное невежество родителей, ограничивающихся материальными потребностями, иногда животными инстинктами, — все это калечит детскую душу: в школу такие дети приходят глухими к добру; их сердце — как задубевшая подошва. Защитить ребенка от духовного одиночества, пробудить способность жить сердцем — одна из важнейших задач защитного воспитания.

Есть еще более грозное одиночество: отдельные дети понимают, что родились они на свет случайно, ни отцу, ни матери не нужны. Эти дети приходят в школу с тяжелой психической травмой. Они, как правило, несут в своем сердце открытую рану — озлобленность. Озлобленный ребенок не верит в человечность. К искреннему, сердечному слову учителя он проявляет настороженность и недоверие. Защитное воспитание детей с этой травмой требует глубокой, самоотверженной любви воспитателя к человеку, высокой культуры чувств, тонкой способности отделять зло от личности ребенка.

С тяжелой раной приходят в школу дети, которых в семье воспитывают в духе обмана, нечестности, эгоизма, неуважения к людям. Они не способны чувствовать сердцем человека рядом с собой, не верят в добро. Если не защитить детей от зла, господствующего в семье, они вырастут жестокими людьми, готовыми во имя собственной выгоды пойти на все, вплоть до измены, до зверского желания уничтожить того, кто стоит у них на пути. Лишенные защитного воспитания, с раной в сердце, которой не заметил воспитатель, эти дети, став взрослыми людьми, часто становятся на путь самых страшных преступлений.

С искалеченным сердцем приходят в школу дети, с первых шагов своей сознательной жизни подвергающиеся телесным наказаниям. Отец, который бьет ребенка, убивает в его сердце самое дорогое: ту способность жить сердцем, о которой говорилось выше. Пинки, подзатыльники, удары ремнем — не только насилие над телом. Это также и удары по чуткому детскому сердцу. С каждым ударом оно становится все менее чувствительным к этим самым ударам, становится толстокожим. Воспитанный в раннем детстве в духе насилия над телом и духом, ребенок становится невосприимчивым к каким бы то ни было мерам воспитательного влияния. Часто он жесток и бессердечен. Защитное воспитание этих детей является, по сути, испытанием педагогической культуры учителя — испытанием его любви к человеку.

В своеобразном защитном воспитании нуждаются и з а л а с к а н н ы е в с е м ь е дети, избалованные полной и ничем не ограниченной свободой самовыражения. Есть некоторая часть детей, родители которых не приучают к подчинению личных интересов интересам других людей. Эти дети приносят из семьи дикий, нелепый принцип: «Я так хочу — так и делаю, мне нравится — значит, можно». Несчастлив тот ребенок, в душе которого живет животная уверенность в том, что его интересы самые важные. Он становится хамом, наглецом, хулиганом, если не защитить его от «благ» полной свободы самовыражения. Советы и требования учителя о поведении в коллективе такой ребенок переживает как личное оскорбление.

NB ***Здесь хочется дополнить Василия Александровича. Сегодня задачи защитного воспитания гораздо шире. На ребенка оказывают большое влияние не только школа и семья, но и средства массовой информации, радио и телевидение. Они несут детям информацию, часто нежелательную, а то и просто вредную (обман, нечестность, эгоизм, жестокость и пр.). Оградить ребенка от этого практически невозможно, но защитное воспитание школа проводить должна. Форм и методов этой работы много, но суть ее сводится к воспитанию у детей чувства собственного достоинства, способности сопереживания, личной дружбы, любви.***

Защитное воспитание — это глубоко индивидуальное творчество педагога. Тут надо уметь так прикоснуться к болезненному, искалеченному сердцу ребенка, чтобы воспитание не обернулось для него страданием. От духовного одиночества самой лучшей защитой является пробуждение чувства любви, симпатии к человеку-учителю или старшему товарищу-школьнику, к кому-нибудь

из таких же одиноких людей — к старику или старухе, к женщине-матери, потерявшей своего сына.

Сближение с человеком начинается с того, что воспитатель учит одинокого ребенка сопереживать: рассказывает ему о горе, трагедии, пережитых тем, с кем он намеревается сблизить своего воспитанника. Сопереживание — это первый шаг к познанию человека сердцем. Ребенка, который по тем или иным причинам в семье не познал любви к самому близкому, самому дорогому существу, я учу близко принимать к сердцу чужое горе. Чем глубже сопереживание, тем более чутким становится ребенок к людям, которые его окружают.

В защитном воспитании одиноких детей очень важно, чтобы ребенок не почувствовал воспитательной преднамеренности: учитель старается сблизить его с кем-то специально для того, чтобы воспитать... Если к этому «запланированному добру» добавляется еще хоть маленькая капелька равнодушия — ребенок воспротивится, возненавидит и учителя, и того, с кем учитель собирается его сблизить. Сближение одинокого ребенка с другим человеком должно происходить в естественных условиях. Человек, которому ребенок отдаст свое сердце, должен иметь в своем сердце что-то такое, что обогатило бы ребенка духовно. Развеять детское одиночество может только духовно богатый и щедрый человек.

Детей, озлобленных бессердечностью родителей, детей, не нужных ни отцу, ни матери, — очень мало. За тридцать два года работы в школе в мою жизнь вошло девять таких детей. Они всегда пробуждали в моем сердце острое чувство жалости, и я старался дать им то, чего они не знали в семье. Я становился другом таких детей, и за мои сердечные заботы они платили искренней, щедрой, самоотверженной любовью. Именно дружба с этими детьми стала для меня животворным источником вдохновения, той целебной водой, в которой нуждается каждый педагог, когда напряженный труд утомляет его сердце, истощает духовные силы.

Стать другом такого ребенка, пробудить в его сердце чувство любви, полюбить его всеми силами своей души — это требует большого искусства. Озлобленные равнодушием родителей, дети очень настороженны, они с недоверием относятся к ласке, хотя она им необходима, как влага томимой жаждой земле. Но начинать надо не с проявления ласки. Я стараюсь найти с ребенком такой общий духовный интерес, такую деятельность, чтобы ребенок почувствовал во мне человека и потянулся к человеческому. Как правило, эта общая деятельность рождается в коллективе. Потом ребенок становится моим товарищем, мы словно забываем, что мы — учитель и воспитанник. Духовное общение становится для нас потребностью. У ребенка исчезает подозрительность и озлобленность. За любовь и сердечность ребенок платит искренней готовностью отдать богатства своей души, чем-то утвердить свою симпатию. Личная дружба — это удовлетворение потребности в человеке — одна из высших моральных потребностей, которые школа должна утверждать с детства.

Самым действенным способом защиты ребенка от обмана, нечестности, эгоизма является пробуждение уважения к самому себе,

пробуждение чуткости к человеческому в себе. Воспитание таких детей требует длительной индивидуальной работы. Здесь надо также найти общность духовных интересов, чтобы увидеть дорожку к детскому сердцу. Чаще всего основой этой общности у меня является книга. Книгой и разговором о книге я открываю ребенку глаза и сердце на добро и зло, добиваюсь того, что он восхищается добром и презирает зло.

Как бы ни было поражено детское сердце уродством домашней атмосферы, в нем теплится искра сопереживания, и чем меньше ребенок, тем больше в нем способность сопереживать. В первый класс пришел Валерий Г. — бездушный, бессердечный, жестокий — таким сделала его семейная атмосфера циничного презрения ко всему чистому и святому, что есть в человеке. Я пробудил у мальчика интерес к книге. Мы прочитали с ним рассказ Г. Сенкевича «Янко-музыкант». Яркие картины борьбы добра и зла потрясли ребенка. Читая рассказ, я наблюдал, как мальчик мысленно вступает в поединок с жестокостью и произволом. Валерий сердцем почувствовал, что в жизни есть вещи для человека несравненно более дорогие, чем присвоение материальных ценностей, выгода. Это — радость творить добро для людей. Одну за другой читали мы книжки о человеческом благородстве, потом он стал читать сам. Я с радостью видел, как атмосфера домашней жадности, обмана, циничного унижения человеческой красоты становится для мальчика чужой. Он нашел радость в отдаче тепла своего сердца другим людям. Уже в четвертом классе мальчик стал вожатым группы октябрят. Для него подлинным счастьем стало давать счастье детворе. Где-то в лесу он нашел ручеек, вытекающий из родника. Привел к ручейку детей и вместе с ними сделал тут игрушку — водяную мельницу. Построил для детей шалаш.

В первые недели пребывания Валерия в школе, когда я встречался глазами с его взглядом — лицемерным, равнодушным к горю людскому, в моей душе поднималось глухое возмущение против тех, кто искалечил детское сердце. Я ненавидел зло и боялся, что возненавижу мальчика. А теперь в глазах Валерия сияло человеческое благородство. Вот он увлеченно рассказывает о водяной мельнице в глубине леса, о том, что будущей зимой думает построить тут со своими мальчишками маленькую ветроэлектростанцию: пусть возле кормушки для лесных птиц загорится маленькая лампочка, пусть свет привлекает пернатых друзей. Да, это уже были совсем не те глаза, какими глядел мальчик на мир пять лет назад. Эти глаза нельзя не любить.

Воспитание детей, сердце которых искалечено побоями, грубым окриком, бранью, требует не только бережности, чуткости, но и большой настойчивости. Миссия педагога состоит прежде всего в том, чтобы защитить ребенка от насилия над телом и душой. Я добиваюсь того, что отец перестает бить ребенка. Но во многих случаях побои и брань уже огрубили детское сердце, сделали его жестоким и глухим к добру. Тут сложнейшие инструменты педагогического искусства должны быть использованы для того, чтобы пробудить в детском сердце чуткость к тончайшим способам влия-

ния на человеческую душу — прежде всего к красоте и к слову учителя. Я стремлюсь к тому, чтобы ребенок, искалеченный побоями и бранью, никогда не слышал крика, угрозы, никогда не ждал наказания.

Потом я начинаю пробуждать его сердце красотой. Лечение красотой — так можно назвать одну из граней моей педагогической системы. Об этой грани не расскажешь в двух словах. Здесь надо характеризовать сложность и многогранность тонких духовных влияний на чувства, на сердце, а через сердце и на разум. Перед ребенком с огрубевшим, «толстокожим» сердцем я раскрываю красоту природы, музыки, живописи. Это требует времени и большого терпения. Иному ребенку приходится открывать глаза на десятки картин природы, пока сердце его, образно говоря, не встрепенется, не ощутит оттенков красоты. Весною и летом, осенью и зимой я хожу с детьми в лес, в поле, в сад, в дубраву, на луг — слушать музыку природы. Это один из самых действенных способов лечения красотой. Пробуждая сердце, красота будто открывает сокровеннейшие уголки, и они становятся чуткими к слову учителя.

Важным способом защитного воспитания детей, искалеченных побоями и бранью взрослых, является забота о живых существах, цветах, растениях — обо всем живом и красивом. Специально для этих детей у нас есть больница для зверюшек, птичьи кормушки. Дети, у которых надо пробудить чуткость сердца, ухаживают за подобранными в холодную зимнюю пору птицами, зайчатами, ежиками... Этих детей мы также ведем на колхозную животноводческую ферму, где они ухаживают за маленькими ягнятами и телятами.

Очень большого внимания и педагогического такта требует защита детей, избалованных ничем не ограниченной свободой самовыражения, от произвола родителей, — ибо только произволом можно назвать удовлетворение детских капризов, жизнь по принципу «мне все дозволено». Не надо пытаться сразу, с первого дня сломить волю такого ребенка. В воспитании таких детей я придерживаюсь принципа столкновения желаний, интересов. Я добиваюсь того, чтобы ребенок, избалованный произволом родителей, понял: мои желания, мои интересы, вполне законные и мотивированные, сталкиваются с такими же законными желаниями и интересами других людей. Мне хочется удовлетворить свое желание, но и другому человеку хочется удовлетворить свое желание, которое противоречит моему. Я убеждаю ребенка: если ты и тот человек, с желанием которого столкнулось твое желание, будете действовать только в своих собственных интересах, жизнь превратится в ад, человек опустится до уровня пещерного дикаря. Такая «свобода» будет приносить только несчастье, страдания. Следовательно, чтобы пользоваться благами подлинной свободы, надо урезать свободу своего самовыражения, ограничивать свои желания, помнить, что принцип «мне все дозволено» — это звериный закон дикарей и хулиганов.

А чтобы ребенок все это осмыслил, он должен на собственном опыте убедиться, что без ограничения свободы самовыражения, без умения урезывать желания не может быть настоящей свободы. Очень

важно уметь создавать такие ситуации, в которых сталкиваются желания и интересы. Класс, например, идет в интересный поход в лес, но в школе существует строгий порядок: ежедневно один ученик от каждого класса включается в бригаду самообслуживания, которая работает и в столовой, и во дворе, и в теплице. Попробуй нарушить школьный порядок, и на тебя обрушится гнев коллектива. Десятки таких уроков — и самый избалованный ребенок начинает понимать, что он живет не на необитаемом острове, а среди людей.

У Д.И. Писарева есть интересная мысль: «Человеческая природа до такой степени богата, сильна и эластична, что она может сохранить свою свежесть и свою красоту посреди самого гнетущего безобразия окружающей обстановки».

Конечно, эти богатства, сила, эластичность не возникают сами собой, не даются ребенку природой, как некий иммунитет против нежелательных влияний. Их надо создавать, выращивать, утверждать. А для этого необходимо защищать богатства человеческой природы в детской душе. Чтобы защитить ребенка от зла, преодолеть его и утвердить добро, надо видеть, понимать прошлое и представлять будущее ребенка, четко наметить перед собой идеал воспитания. Надо любить в ребенке все человеческое, чистое, благородное.

Радянська школа, 1967, №7

NB ***Идеал павлышского новатора совпадал с общечеловеческим гуманистическим идеалом, сложившимся в педагогике на протяжении многих столетий. Воспитание в его концепции определялось как постоянное духовное обогащение ребенка. Его целью должно быть возвышение человека. «Каждый без исключения школьник, — подчеркивал педагог, — должен быть «не только учеником, готовящимся к будущей жизни, но и человеком, живущим богатой, полнокровной, духовно насыщенной жизнью уже сейчас, в школьные годы» (В.А. Сухомлинский. Человек как высшая ценность и некоторые проблемы практики учебно-воспитательной работы // ЦГАВО Украины.Ф. 5097, оп. 1., д. 863, л. 6). Любое педагогическое, как и социальное явление, любое педагогическое действие В.А. Сухомлинский оценивал с позиции пользы для ребенка, для человека вообще.***

РАЗВИТИЕ ИНДИВИДУАЛЬНЫХ СПОСОБНОСТЕЙ И НАКЛОННОСТЕЙ УЧАЩИХСЯ

На современном этапе жизни советского общества воспитание всесторонне развитой личности, раскрытие индивидуальных способностей каждого школьника — важная педагогическая задача. Коммунизм означает прежде всего расцвет способностей каждого. В новом, самом справедливом обществе человек будет настолько влюблен в свое дело, что посвятит ему все свои творческие силы. Своевременно найти, воспитать и развить задатки способностей у наших воспитанников, вовремя распознать в каждом его призвание — вот, что сейчас главное в учебно-воспитательной работе.

NB ***Ребенок — это «уникальный мир». Постоянная кропотливая исследовательская работа и многолетняя педагогическая практика позволили В.А. Сухомлинскому сделать неопровержимый вывод: только тот способен познать этот мир, а затем и содействовать его развитию, кто найдет путь к сердцу ребенка, кто любит детей, кто близко к сердцу принимает детские радости и горести, знает душу ребенка и никогда не забывает, что и сам был маленьким, кто способен постоянно открывать во взрослеющей личности новое, изумляться этому новому, умеет чувствовать в каждом ребенке его индивидуальность, видеть человека в процессе его становления.***

«Все более глубокое понимание ребенка — это и есть воспитание». В этой мысли педагога — первооснова его философии. Он ставил знак равенства между пониманием ребенка и его воспитанием. Успеха в воспитании, по Сухомлинскому, можно достичь лишь при условии понимания ребенка. Понять же воспитанника можно, только основательно и всесторонне познав его. И не случайно первой заповедью новатора было как можно глубже знать мир каждого ребенка, его индивидуальные особенности и возможности. Сам он видел и изучал ребенка сразу в трех главнейших мирах: 1) сказочном, 2) мире познания и 3) мире физического развития.

Наш педагогический коллектив ставит перед собой цель — добиться, чтобы в школе не было ни одного безликого, ничем не интересующегося ученика, которого ничто не волнует и не увлекает, который с одинаковым равнодушием учит и математические формулы, и лирические стихи. Мы стремимся, чтобы каждый наш воспитанник с первых дней своего пребывания в школе чем-то увлекся, во что-то влюбился, развивал свои творческие способности, чтобы у него сформировалось определенное жизненное призвание.

NB ***Принцип индивидуализации составляет одну из главных аксиом педагогики едва ли не с момента ее зарождения. Он так или иначе присутствовал в трудах всех без исключения педагогов прошлого. И только Сухомлинский возвысил его до уровня главной цели воспитательного процесса, заявив: цель нашего воспитания — формирование всесторонне развитой личности, а шире — воспитание индивидуальности, полностью реализующей все свои задатки. И в этом основа его педагогики гуманизма.***

Как же это делается практически, как открыть, зажечь в каждом ребенке искру творчества?

В нашей школе ежегодно учится от 500 до 550 учащихся. Первое, что бросается в глаза новичку, — атмосфера творческого труда. Конечно, ребенок, поступивший в I класс, больше чувствует, чем понимает эту воодушевленность. Но педагогу это важнее всего: вовлекать детей в труд не словами, не уговорами, а живым примером старших, тех, кто в интересном деле видит радость жизни. У каждого ученика есть любимый уголок для творческого труда, старший товарищ, который является для него образцом. В том, чтобы по-

мочь каждому ученику найти любимое дело, пример для овладения мастерством труда, и состоит в настоящее время одна из главных трудностей организации внеклассной воспитательной работы. Преодолеть ее нам помогают связи школьников с членами тракторной бригады местного колхоза, которой присвоено звание коллектива коммунистического труда, с тружениками полеводческих бригад, животноводческих ферм, ремонтно-технической станции, Кременчугской гидроэлектростанции, вагоностроительного завода и других предприятий. В этих производственных коллективах наши воспитанники находят старших товарищей. Бывает, что отдельных, равнодушных ко всему детей приходится вводить то в один, то в другой коллектив, пока, наконец, их не заинтересует что-то.

Это нелегкое и кропотливое дело, в процессе которого происходят конфликты. Преодоление их — будни каждодневной воспитательной работы. Учится в нашей школе девятиклассник Павел Д. В прошлом он был одним из наиболее равнодушных учеников. Педагогам долго не удавалось его ничем увлечь. Безразличие к труду рождало безразличие к учению; на протяжении восьми лет (с I по VIII класс) мальчик трижды оставлял школу. Но вот в кружок юных техников пришел новый руководитель В. Я. Таран. Человек с золотыми руками, мастер слесарного, монтажного и токарного дела, он быстро увлек всех ребят. Один Павел продолжал относиться к занятиям так же безразлично, как и прежде. Но через короткое время новый руководитель сумел пробудить у подростка интерес к труду и, что особенно важно, научил доводить начатое дело до конца. У мальчишки пробудилось чувство гордости за то, что он сделал, а на наш взгляд, — это исключительно важное условие формирования интереса к труду. Постепенно Павел увлекся занятиями в кружке и сейчас стал одним из наиболее заинтересованных моделированием и конструированием.

В нашей школе односменные занятия, и поэтому после уроков и отдыха каждый ученик может заниматься в своем любимом уголке (примерно с четырех до восьми часов вечера). Педагогическому коллективу пришлось очень много потрудиться, чтобы создать материальную базу для творческого труда ребят. Обычно в часы, отведенные для любимых занятий, школу посещают все учащиеся. Вместе с ними нередко приходят и ученики соседних восьмилетних школ. Малыши-первоклассники часто приводят и своих младших братьев и сестер — им тоже хочется что-то делать. Для всех ребят надо найти увлекательные дела, а не просто занять их чем-нибудь, лишь бы не бездельничали и не мешали друг другу. Чтобы зажечь в каждом школьнике дух творчества, во всех этих любимых уголках необходимо широко представить важнейшие виды труда, преломив их в сугубо детской деятельности с учетом возрастных особенностей ребят (здесь большая опасность оттолкнуть детей излишней серьезностью, «заорганизовать» то, что должно быть просто интересным).

У нас хорошо оборудованы четыре рабочие комнаты технического творчества, три мастерские (одна столярная и две металлообрабатывающие), две комнаты для занятий по машиноведению, две комнаты и пять уголков для конструирования и моделирования,

для монтажных и электротехнических работ, радиолаборатория, комната для занятий по автоматике и телемеханике, несколько уголков юных мотористов, специальный гараж для микролитражной автомашины, собранной старшими школьниками и учителями. В этих разнообразных видах технического творчества находят интересные и увлекательные для себя дела и первоклассник, и одиннадцатиклассник. В столярной мастерской есть специальные электролобзики для младших школьников, а в одной из рабочих комнат по технике — маленькие токарные и сверлильные станки для изготовления игрушечных деталей. Несколько десятков рабочих мест оборудовано для тех малышей, которые любят мастерить, обрабатывать металл, конструировать и моделировать. Каждое из них обеспечено маленькими тисками, напильниками, молоточками, плоскогубцами, набором материалов: проволоки, металлических пластинок, разнообразных болтиков, гаек и пр. Все это рассчитано на то, что ребенок, проявляя смекалку, начнет монтировать, составлять узлы, модели. Есть в рабочих комнатах и мастерских действующие модели машин и механизмов.

Рядом с любимыми уголками младших ребят расположены рабочие места пионеров и старших школьников. Ученик III или IV класса вытачивает на маленьком станочке какой-нибудь валик или колесико для игрушечной тележки. Рядом с ним восьмиклассник изготовляет детали для действующей модели генератора, а одиннадцатиклассник — для токарного станка, на котором работают ученики VIII класса. Это имеет особый воспитательный смысл: так создаются условия для активного воздействия на безразличного, порой ленивого ученика.

Для развития у детей младшего и среднего школьного возраста интереса и способностей к конструированию и монтированию выделены особые рабочие места, где можно собрать модели механизмов и машин из размонтированных узлов. Рядом с младшими старшеклассники монтируют демонстрационный токарный станок с программным управлением. Такому соседству мы тоже придаем большое воспитательное значение.

Многолетний опыт убедил нас в том, что уже в младших классах у отдельных ребят обнаруживаются ярко выраженные задатки к управлению сравнительно сложными машинами и механизмами. Для этих самородков, вернее — для того, чтобы труд шлифовал как можно больше таких талантов, — у нас есть силовой цех — несколько маленьких двигателей внутреннего сгорания, которые можно без опасности заводить и останавливать. Они приводят в движение игрушечные генераторы небольшого напряжения. Этот детский силовой цех размещен рядом с настоящей силовой установкой, которую изучают кружковцы среднего возраста. Практика показала, что из каждого десятка мальчиков и девочек три-четыре уже в 10—11-летнем возрасте умеют размонтировать и смонтировать небольшой двигатель внутреннего сгорания, хорошо управлять машиной и, что особенно важно, влюбляются в нее. Это — будущие талантливые механизаторы. Из каждой сотни мальчиков и девочек два-три человека в том же возрасте знают двигатель внутреннего сгорания

несравненно лучше, чем одиннадцатиклассник, которого техника никак не заинтересовала. Чем ярче раскрываются способности детей, тем успешнее преодолевается главная трудность воспитания способностей и призвания — равнодушие отдельных ребят к какому бы то ни было труду.

Для учеников среднего и младшего возраста у нас имеется свыше пятидесяти двигателей внутреннего сгорания, как элементов разных машин (трактор, автомобиль, мотоцикл), так и стационарных установок, приводящих в движение генераторы постоянного тока самого разнообразного назначения. Например, два двигателя приводят в движение циркулярную пилу и фуговальный станок (хотя есть аналогичные рабочие машины, приводимые в движение током от электросети). Подросток может в любое время разобрать ее, почистить, смазать, поразмыслить над взаимодействием деталей и узлов. В распоряжении старших школьников — два трактора и две автомашины. Мы отдаем предпочтение не новым, а списанным машинам. Работать на них нелегко, ибо они требуют частого ремонта, но зато у детей воспитывается подлинная любовь к технике.

В одном из школьных помещений есть уголок юного строителя. Здесь любители строительного дела монтируют арматуру, изготовляют железобетонные блоки и детали.

В кабинете электротехники также созданы рабочие места для учеников разных возрастов. Самые маленькие собирают действующие модели генераторов из готовых узлов, постепенно переходя к сборке узлов из отдельных деталей. Школьники среднего возраста изготовляют детали, монтируют из них узлы, конструируют модели механизмов и электроизмерительных приборов, делают для младших товарищей электролобзики, электропаяльники. Рабочие места старшеклассников обеспечены инструментами для изготовления сравнительно сложных установок и механизмов, действие которых основано на превращении электрической энергии в механическую, тепловую, световую.

Особое место в воспитании индивидуальных способностей мы отводим кабинету электроники и автоматики. Здесь имеется полный набор материалов и деталей для конструирования действующих моделей и установок, построенных на принципах автоматики и телемеханики. Многолетний опыт убедил нас, что в каждом классном коллективе выявляются 2—3 ученика, у которых благодаря занятиям в технических кружках постепенно развиваются творческие способности в области автоматики и электроники.

Всегда переполнена рабочая комната по радиотехнике, где трудятся и малыши, и пионеры, и старшеклассники. Творчество ребят начинается здесь с изготовления простых детекторных радиоприемников и завершается конструированием сложных полупроводниковых приемников и установок для управления по радио авиамоделями. Период увлечения авиамоделизмом проходят почти все дети. Чем больше успехов достигают они в этой области, тем более глубокий интерес проявляют они к таким видам труда, как радиодело, автоматика и электроника, электротехника.

Большое внимание уделяет педагогический коллектив пробуждению и развитию у своих питомцев способностей к художественному творчеству, особенно в области прикладного искусства. В маленькой керамической мастерской ребята изготовляют посуду и различные фигурки. Для малышей отведен специальный рабочий уголок, в котором они лепят, делают куклы для школьного кукольного театра. В кружке художественного выжигания и выпиливания дети воплощают свою фантазию в рисунках и плоскостных фигурках. В кружке живописи объединяются ученики с I по выпускной класс. Музыкальные способности развиваются в хоровых коллективах, в детском оркестре народных инструментов, в кружке юных баянистов. Есть в школе и литературно-творческие кружки. Периодически в школе проводятся выставки ученических работ («Наше творчество»). Но, развивая способности учащихся в сфере художественного творчества, мы, конечно, не ставим цель сделать музыку или живопись их будущей профессией — это задача специальных школ. Наша же обязанность — всесторонне развивать личность каждого школьника, выявлять его дарования и формировать способности к художественному творчеству для многогранной полноценной духовной жизни.

Богатый выбор видов труда предоставляется воспитанникам в сфере сельского хозяйства. Ни на один день не прекращается увлекательный труд в двух наших теплицах (одна из них — лимонарий), где дети находят дело по душе буквально с первого дня пребывания в школе. Интересные опыты с растениями проводятся в зеленой лаборатории, в кабинете и уголках живой природы, в плодопитомнике, фруктовом саду и на учебно-опытном участке, на школьной пасеке, кролеферме и в одном из отделений колхозной фермы. Мы добиваемся, чтобы, выращивая растения или обрабатывая почву, ребенок уже с малых лет на собственном опыте убеждался в преобразующей силе человеческого разума. Одним из таких дел, с которых начинается труд малышей, является, например, выращивание растений без почвы — на водном растворе минеральных питательных смесей (из песка, органических веществ и минеральных удобрений). Малыши сами приготовляют такие смеси, выращивают на них растения. В зимнюю стужу в живых уголках и в кабинете живой природы зеленеют огурцы, созревают помидоры, манят гроздья винограда. В школьном плодопитомнике уже 8—9-летние дети прививают культурные плодовые деревья к дичкам. Конечно, это умеют делать далеко не все ребята, а лишь те, кто до поступления в школу успел полюбить природу.

На одном из участков колхозной свинофермы есть уголок любимого труда для школьников, которые любят животных. Здесь — своеобразная лаборатория, где учащиеся выращивают культуру пенициллинового грибка и, добавляя ее в корм, исследуют влияние биохимической подкормки на развитие организма животного. Этот труд привлекает и малышей, но главную роль в нем играют старшие школьники. Такая же творческая лаборатория есть и на колхозной ферме крупного рогатого скота, где пионеры шефствуют над молодняком. Здесь исследуется несколько десятков кормовых

рационов, особенно большой интерес у детей вызывает проблема витаминизации кормов. Летом совершаются специальные туристские походы с целью поисков растений, богатых витаминами и фитонцидами. Ученики заготовляют особым образом несколько центнеров витаминного сена, а зимой готовят витаминную муку. Такие же маленькие лаборатории, или уголки, созданы и на молочнотоварной, и на птицеферме, и на кролеферме. Труд привлекает здесь детей ярко выраженной преобразующей силой разума. Если ребенок почувствует это (понять он может это позже), его физический труд наполняется интеллектуальным содержанием.

Важную задачу воспитательной работы наш педагогический коллектив видит в том, чтобы все эти уголки любимого труда были тесно связаны с учением. Поэтому интерес к тому или иному виду трудовой деятельности каждый учитель пробуждает у детей на уроках в процессе изучения программного материала. Так, уже в начальных классах ученики приобретают элементарные знания о растениях, в частности, о плодовых деревьях. Рассказывая младшим школьникам о живой природе, учителя М.Н. Верховинина, Г. А. Нестеренко, Е. М. Жаленко знакомят их с тем, что делают их старшие товарищи на учебно-опытном участке, в плодовом саду, питомнике. У ребят пробуждается стремление узнать больше, чем изучается на уроке, а это и есть первейший источник интереса к труду. Во всех уголках, где происходит творческая трудовая деятельность, узнать что-либо можно, только работая, и чем напряженнее труд, тем быстрее и глубже познаются закономерности природы.

Опыт учит, что для пробуждения и развития способностей школьников наиболее эффективной является организация труда, основанная на их самодеятельности. Учеников объединяет в тот или иной коллектив общий интерес к определенному виду труда. Таких объединений в нашей школе ежегодно не менее семидесяти. В каждом из них — от 3 до 10—12 учеников. Все кружки (группы, звенья, секции) живут по своим законам самодеятельности. Учитель, хорошо знающий тот или иной вид труда, включается в работу ученического объединения и часто становится его руководителем, но не по праву педагога, а как мастер своего дела. Однако таких учителей у нас не более 15 человек; остальные ученические объединения возглавляют наиболее опытные старшеклассники. Руководство здесь носит особый характер — это прежде всего пример личного мастерства, умения воодушевлять своим трудом. Вокруг такого влюбленного в свое дело школьника (иногда это ученик VII—VIII класса) группируется несколько таких же мальчиков и девочек.

Наиболее жизненным и поэтому педагогически оправданным является у нас объединение, в которое входят ребята с различным уровнем готовности к труду, умений и навыков. Оно возникает как бы стихийно — вместе с восьмиклассником трудится второклассник, пятиклассник учится у десятиклассника. Но эта кажущаяся стихийность и является настоящей самодеятельностью: детей объединяет увлеченность, любовь к делу. Вот в одной из рабочих комнат в часы любимого труда ежедневно собирается небольшая группа юных конструкторов-моделистов. Они увлекаются монтирова-

нием моделей, приводимых в движение электричеством. Наиболее способный из них девятиклассник Сергей С. Вместе со своими друзьями (учениками VII, VIII и XI классов) он конструирует модель электрической железной дороги с автоматической сигнализацией, несколькими стрелками, тупиками, запасными путями. Рядом с ними два семиклассника (мальчик и девочка), восьмиклассник и пятиклассник самостоятельно монтируют модель подъемного крана, приводимую в движение электромотором. Но время от времени некоторые из них включаются в труд более умелых товарищей, а те в свою очередь помогают им монтировать подъемный кран. Здесь в одном творческом объединении как бы два маленьких коллектива: один выполняет более сложную работу, другой — более простую, но увлечение у всех одно и то же. Члены коллектива, выполняющего более простую работу, всеми силами стремятся достигнуть такой степени мастерства, которая дает им право трудиться вместе с более опытными товарищами. А тем хочется быть всегда впереди, ибо они чувствуют, что кое-кто из менее опытных уже «наступает на пятки». Есть в этом объединении еще три ученика — два второклассника и ученик IV класса. Им хочется что-нибудь делать, и старшие товарищи нашли для них посильную работу: отшлифовать металлические пластинки для вагончиков и стрелок, разобрать и почистить детали старого заржавевшего электромоторчика. Младшие школьники с радостью выполняют этот черновой труд. Постепенно им поручается все более сложная работа. И вот через месяц ученик IV класса Олег Р. уже помогает девятикласснику сверлить отверстия в металлических пластинках. Видя это, руководитель группы говорит товарищам, что мальчику скоро можно будет доверить и токарный станок.

Проходит три месяца, и модели электрической железной дороги и подъемного крана готовы. Сергей С. приносит в рабочую комнату чертежи новой модели — блюминга, в котором уже есть элементы автоматики и электроники (программное управление, контроль за качеством обрабатываемых деталей). Из двух объединений, выполнявших работу разной сложности, создается один коллектив. Но вскоре оказывается, что нескольким ученикам, успешно справлявшимся с работой над моделью подъемного крана, далеко не все посильно при изготовлении модели блюминга. Однако ребятам не хочется выполнять второстепенные операции: они стремятся в чем-нибудь показать ту ступень мастерства, которой они уже достигли. И вот, используя каждую возможность полноценно участвовать в конструировании блюминга, эти подростки берутся за создание модели электромотора. К ним присоединяются и второклассники, и ученики III и IV классов. Труд, основанный на единстве интересов, по своему характеру способствует тому, что каждый школьник напрягает все свои творческие силы, стремясь выполнить порученную работу как можно лучше. При этом подавляющее большинство учеников не только учится, но и передает свой опыт другим.

Разнообразные виды творческого труда, в атмосфере которого протекает жизнь наших воспитанников, — это своего рода магниты различной силы: чем сильнее магнит, чем интереснее труд, в кото-

рый вовлекается школьник, тем ярче развивается его способность именно к этому виду труда.

Учительница биологии и химии Е.Е. Коломийченко, горячо влюбленная в животноводство, создала на одной из ферм лабораторию, где ученики исследуют влияние антибиотиков на развитие животных. Самый простой труд под ее руководством становится кружковцам интересным. Юные животноводы с удовольствием ухаживают за животными, заготовляют корма.

Как мы показали выше, индивидуальные способности детей развиваются лучше всего в условиях постоянного тесного общения школьников разных возрастов в процессе творческого труда. Поэтому, на наш взгляд, нецелесообразно выделять старшие классы одиннадцатилетней школы в самостоятельное учебно-воспитательное учреждение. Не следует думать, что, отделяя младших школьников от старших, мы лучше учитываем возрастные особенности тех и других. Наоборот, наибольшие успехи будут достигаться в школе, где учатся и малыши, и подростки, и юноши, и девушки. Лучше всего человек воспитывается тогда, когда он сам кого-то воспитывает. У нас нет ни одного старшеклассника, который не передавал бы своих знаний, умений и — что особенно важно — увлечения любимым делом младшим товарищам, который именно благодаря этому не стремился бы достигнуть мастерства в труде. Не только одиннадцатиклассники и десятиклассники, но и многие ученики IX—VIII и даже VII классов — самые активные помощники педагогов. Если у нас случаются затруднения в воспитании младшего школьника, мы задумываемся: с кем из старшеклассников надо его сблизить, какое увлечение, какой интерес могут стать почвой для духовной общности. В этом ключ к индивидуальному подходу, но вопрос этот весьма сложный, требующий освещения в специальной статье.

В чем же заключается педагогическое руководство, какова роль учителя в воспитательном процессе, построенном на самодеятельности детей? На первый взгляд может показаться, что учитель стоит в стороне, а всеми делами в кружке занимаются ребята. Но это не так. Задача педагога — постоянно поддерживать в ученическом коллективе увлеченность трудом, зажигать искорки творчества и добиваться, чтобы они ярко горели таким огоньком.

Овладение мастерством — основной стимул любимого труда. Поэтому мы добиваемся, чтобы за годы пребывания в школе каждый ученик достиг значительных успехов в избранной области. Только так можно воспитать трудолюбие: человек любит то, что влечет его, без чего он не может жить. Путь к успеху лежит обычно через продолжительные поиски. Ученик пробует свои силы в различных видах труда, овладевает многими умениями, но до тех пор, пока в чем-нибудь одном его достижения не выйдут далеко за пределы элементарных требований, — он еще не нашел своей дорожки. Надо особо подчеркнуть, что успех, благодаря которому воспитываются способность, наклонность, призвание, — это не просто удовлетворительное, хорошее или отличное выполнение того, что доступно каждому. Любой школьник может отлично выстрогать планку, сде-

лать модель домика, смонтировать модель генератора и пр., только одному для этого надо больше упражнений, другому — меньше. Но чтобы труд стал любимым делом, увлечением, необходим значительный успех, превышающий требования для учащихся данного возраста.

Как правило, в нашей школе ребенок достигает успеха в том или ином виде труда уже в начальных классах. Один третьеклассник выпиливает лобзиком лучше, чем старшеклассник; другой сделал деревянный домик — такой красивый, что им любуется вся школа; у третьего привитые к дичку почки культурных сортов плодового дерева дают настолько сильные, мощные ростки, что и преподаватель ботаники задумывается: как он этого достиг; четвертый, помогая юным мотористам вытирать детали, научился сам собирать и разбирать маленький двигатель. Однако достижение значительного успеха в данном конкретном деле не означает, что раскрылись все задатки ученика, определились его способности и он уже может самостоятельно планировать свое будущее (об этом можем думать мы, учителя, ребенок же пусть продолжает поиски, пусть добивается новых успехов).

NB ***Поставив во главу угла всей школьной жизни задачу всестороннего развития творческой индивидуальности ребенка, Сухомлинский обратился к вопросам возрастной психологии и в первую очередь к осознанию существующих в детском возрасте индивидуальных и типологических различий. С одной стороны, он стремился выявить и как можно точнее описать определенные типы школьников, а с другой — строить учебно-воспитательный процесс с учетом полученных данных. «Помните, что нет и не может быть абстрактного ученика» — этот призыв, по сути, не только открывает знаменитые «Сто советов учителю» — он выступает как лейтмотив всего педагогического творчества павлышского новатора.***

Развитие индивидуальных способностей — исключительно живой, подвижный процесс. Задатки, как и способности, многогранны, и школьник через некоторое время может достигнуть большего успеха в другом деле. Достижение такого успеха в труде требует от ребенка больших усилий. Он видит, а правильнее говоря, чувствует, как много и в то же время как мало он сделал.

Стимулирование к новому успеху — метод раскрытия задатков и воспитания способностей детей. Применение его на практике далеко не всегда идет гладко. За 27 лет педагогической работы я встретился с несколькими десятками учеников, которые в течение длительного времени не могли добиться сколько-нибудь значительного успеха в какой-нибудь области. Среди них были и ребята, проявляющие отрицательное отношение к физическому труду. Но как бы далек ни был человек от желания трудиться, начинать надо с достижения успеха — на первых порах самого маленького. Бездельника, у которого «руки ни к чему не лежат», сначала приходилось просто заставлять трудиться — там, где, по нашему убеждению, у него может что-то получиться. В таких случаях лучшее средство — совместный труд учителя и ученика. Восемь лет педагоги не могли найти подход к ленивому, равнодушному ко всему Виталию

С. Он не захотел даже учиться управлять мотоциклом — а ведь редко кто из ребят останется к этому равнодушным. И вот однажды решено было взять его вместе с другими учениками на распашку междурядий тутовника. Работая вместе с ним, педагог показывал ему, как надо обращаться с машиной, заводить мотор, управлять плугом. Много раз пришлось учителю применять этот прием. В конце концов подростка увлекла работа на сельскохозяйственных машинах. А как только он достиг в этой области успеха, мы направили его усилия на выполнение более трудной задачи.

Талант, мастерство — это прежде всего упорство в достижении цели, преодолении трудностей. На пути к новому успеху в упорном труде раскрываются новые стороны задатков и способностей детей, расширяется сфера их интересов. Несколько лет назад в одном из кружков юных животноводов вместе со старшими школьниками работал Витя К. — ученик IV класса. Больше всего он любил ухаживать за маленькими телятами. Ему приходилось часто наблюдать, как старшие товарищи, готовя для коров и молодняка сено, стремятся сохранить в нем как можно больше питательных веществ. Однажды мальчику поручили заготовить несколько десятков килограммов витаминного сена, из которого делается питательная мука для телят. Витя сумел так высушить сено, что приготовленный из этой муки настой оказался ценным лекарственным средством — он давался заболевшим телятам, и они быстро поправлялись. Для ученика IV класса это был серьезный успех. В V классе Витя увлекся приготовлением кормов для молодняка, а потом стал сам его выращивать. В VII классе подросток добился нового успеха — научился обогащать белками грубые корма, и у коров, за которыми он ухаживал, повысились надои молока. Мы видели, что у мальчика все больше развивается способность вдумчиво наблюдать. Казалось, что он должен стать хорошим животноводом. Но развитие способностей Вити пошло по несколько иному пути. Учась в старших классах, юноша заинтересовался антибиотиками и их практическим использованием в животноводстве. Опыты, которые ставились в лаборатории, натолкнули его на самостоятельные поиски методов создания новой среды для жизнедеятельности антибиотиков. На одной из животноводческих ферм была создана биохимическая лаборатория — новый уголок любимого труда для нескольких школьников. Два года назад, окончив среднюю школу, Виктор К. поступил в сельскохозяйственный институт. Надеемся, что молодой человек станет хорошим специалистом, а возможно — и ученым.

Особое внимание следует уделять воспитанию способностей тех школьников, у которых нет ярко выраженных задатков. Такие ученики есть не только среди посредственно успевающих, но и среди отличников. Глубоко веря в то, что каждый человек может достичь мастерства в какой-нибудь области труда, мы стремимся пробудить творческое начало и у таких ребят. И здесь решающее значение имеют труд, настойчивость, сила воли, умение преодолевать препятствия и не унывать при неудачах. Нужно добиваться, чтобы дети сосредоточивали все свои силы на одном деле, углублялись в его детали и тонкости. Если воспитаннику не удалось с первого раза

достигнуть успеха, педагоги помогают ему начать работу заново, при второй неудаче — советуют подойти к делу с другой стороны и подсказывают, как это сделать.

Вот, например, ученик заинтересовался выращиванием из черенков саженцев винограда (в теплице). На первый взгляд, труд этот кажется очень простым, а на деле требует большого мастерства: надо умело подобрать состав почвы, правильно расположить в ней черенок, удачно выбрать достаточно освещенное и теплое место, обеспечить постоянную влажность почвы и развитие в ней полезных микроорганизмов. На первых порах у школьника ничего не получается: он готов бросить работу и начать что-нибудь новое. Педагог обязан предостеречь, что и новое дело может не сразу принести удачу, и еще раз показать, как лучше подготовить почву, удобрения для подкормки и т. д. Ученик начинает работу заново, видит в ней уже что-то новое, а это стимулирует его творчество. Но результат опять плохой: почки раскрываются почему-то медленно, ростки хилые. Начинаются поиски ошибок и просчетов, вновь и вновь ставится опыт. Овладение определенными умениями позволяет получить уже несколько лучший результат, и это становится стимулом к дальнейшим экспериментам. Ученик начинает вдумываться в то, что он делает, убеждается в зависимости результатов от вложенного труда, и приходит время, когда его растения развиваются значительно лучше, быстрее, чем у других ребят. Такое значительное продвижение заставляет упорнее заниматься делом, которое становится любимым именно потому, что принесло успех. Мы добиваемся, чтобы наши питомцы закрепляли достигнутый успех. Только благодаря труду и настойчивости незаметные, равнодушные ученики находят свое увлечение, развивают способности.

Педагогический коллектив нашей школы всегда стремится к тому, чтобы все виды труда, к которому приобщаются дети, были насыщены интеллектуальным содержанием. Самые простые трудовые процессы проникаются исследовательской, опытнической мыслью. Кто из школьников хоть раз прошел весь цикл труда — от приготовления смеси и внесения ее в почву до уборки урожая, созревшего на неделю-две раньше, чем на основных массивах, — того уже трудно оторвать от работы в уголке удобрений. У нас есть подростки, юноши и девушки, с 4—5-летним стажем творческого труда на этой необычной «фабрике». Благодаря интересному исследовательскому труду у детей постепенно раскрываются способности и дарования. Их простой физический труд сочетается с тонкой кропотливой исследовательской работой в лаборатории. На учебно-опытном участке испытывается влияние химических веществ на интенсивность жизнедеятельности микроорганизмов. Параллельно проводятся такие исследования в лабораторных условиях. От лопаты и вил — к микроскопу, от химических реактивов — к траншее, в которой хранится ценный перегной, — этот принцип становится характерной чертой самого простого сельскохозяйственного труда школьников. Нашим идеалом является труженик, вдумчиво изучающий почву, органические и химические вещества, средства борь-

бы с вредителями. В настоящее время в школе организуется почвенная станция юных исследователей. Это будет еще один уголок любимого труда ребят, где они займутся созданием самых разнообразных почвенных смесей, изучением почв района и области.

Заставить ученика трудиться физически значительно легче, чем научить его сочетать усилия рук и разума. А именно в таком сочетании — действенный ключ к воспитанию интереса и любви к труду даже у самых пассивных детей. Таких ребят мы заставляем прежде всего выполнять определенные физические работы, постепенно добиваясь, чтобы в этом труде они видели путь к какому-то — пусть незначительному познанию, подчинению сил природы. Если школьник стал относиться к физическому труду как к средству достижения творческой цели, значит, он уже преодолел лень и станет трудолюбивым.

Пришло время серьезно говорить о том, что каждый ученик должен найти в школе тот вид трудовой деятельности, который в наибольшей мере соответствует его задаткам и способностям. Процесс поисков такого вида труда надо начинать как можно раньше. Самое главное — увлечь каждого воспитанника своим делом, добиться сочетания практической деятельности с овладением теоретическими знаниями. Уже сейчас мы добиваемся того, чтобы по предмету, связанному с избранным видом труда, школьник шел впереди своих сверстников.

Эту тенденцию мы будем углублять в нашей практической работе. Например, учащиеся, проявляющие наклонность к труду и экспериментированию в растениеводстве, будут изучать более углубленный курс ботаники. Для них уже сейчас подбирается литература в школьной библиотеке. Перед ними будут ставиться более высокие требования на уроках. Те, у кого ярко обнаружилась способность к труду в области механизации, электротехники, конструирования и моделирования, будут в курсе физики дополнительно знакомиться с рядом разделов, которые не входят в программу, и более подробно проходить некоторые имеющиеся в ней темы. Дополнительный материал будет изучаться в процессе самостоятельной внеклассной работы. Для учеников с задатками к теоретическому мышлению, в частности математическому, мы уже сейчас дополняем программу элементами высшей математики. Школьники, наиболее одаренные в области математики, будут изучать начала алгебры не в VI, а в III и IV классах (с ними будут заниматься старшеклассники-математики в специально отведенные для этой цели часы). В IX—X классах эти ученики перейдут к дифференциальному и интегральному исчислению. Для них это так же достижимо, как и для отдельных ребят 9—10-летнего возраста овладение монтажом ламповых радиоприемников. Уже сейчас в школе создаются наглядные пособия и оборудование для кабинета юных математиков. А программа для них, включающая элементы высшей математики, уже сейчас проверяется практически. Отдельные ученики в X—XI классах овладевают анализом бесконечно малых величин, дифференциальным и интегральным исчислением.

NB ***Принцип дифференцированного и индивидуального подхода к учащимся получил в наследии павлышского педагога качественно новую трактовку. В результате его усилий этот принцип из декларируемого, провозглашаемого идеала стал превращаться в реально реализуемую технологию обучения и воспитания школьников. Сухомлинский обогатил школьную психодиагностику серией эффективных приемов раскрытия индивидуальности школьника в учебно-воспитательной работе педагога. Подчеркнем также, что возглавляемая им школа была первым учебным заведением в бывшем СССР, где функционировала психологическая служба. Педагог Сухомлинский с ярко выраженной гуманистической направленностью стремился сделать психологию средством, помогающим каждому ребенку открыть в себе «ту золотую жилку, ту живинку, расцвет которой принесет ему радость творчества» (Избр. произв.: В 5 т. — Киев, 1979. — Т. 4. — С. 357).***

Через два года в школе планируется ввести во всех классах, начиная, по-видимому, с IV, час любимого предмета (может быть, мы назовем его часом творчества). В этот час по расписанию (сначала 1 час в неделю, а в дальнейшем, за счет совершенствования учебного процесса, 2 в средних и 3 часа в старших классах) каждый ученик сможет изучать интересующий его вопрос, углубляться в теорию. Педагогический коллектив будет добиваться, чтобы в этот час любимого предмета усилия творческой мысли и физический труд каждого школьника сливались воедино. Места занятий учащихся будут определяться характером увлечений каждого и содержанием его труда. Одни ребята будут копаться в книгах и журналах, другие — смотреть в окуляр микроскопа, третьих увлечет замысел, для осуществления которого нужно будет поработать лопатой, четвертые станут за токарный станок или сядут за монтажный стол. Еще богаче, разнообразнее станут часы любимого труда. Педагогический коллектив будет стремиться к тому, чтобы школа полностью удовлетворяла индивидуальные интересы и наклонности всех учащихся. У нас зародилась идея открыть комнату самых трудных дел, где в виде творческих задач будут наглядно представлены наиболее сложные конструкторские и монтажные замыслы.

Вторая наша идея — кабинет новой сельскохозяйственной техники и малой механизации, в котором учащиеся будут трудиться над созданием новых механизмов и агрегатов, облегчающих физический труд сельского труженика. Овладевая массовой рабочей специальностью, каждый школьник будет стремиться стать мастером своего дела, умелым тружеником.

Советская педагогика, 1962, № 12.

NB ***Идеи В.А. Сухомлинского о развитии индивидуальных способностей и наклонностей учащихся нашли в свое время широкую поддержку и распространение в стране. Большое внимание было уделено организации внеурочной работы с детьми, включению их в творческий производительный, художественный, интеллектуальный труд. Рождались новые формы организации детского про-***

изводительного труда: ученические производственные бригады, учебные цехи, фермы.

Разрабатывались и новые типы учебных заведений. К ним следует отнести не только школы продленного дня, но и школы полного дня, автором и страстным пропагандистом которых был Э.Г. Костяшкин.

К великому сожалению, многие идеи В.А. Сухомлинского, актуальность которых продолжает сохраняться и сегодня, постепенно начинают забываться. Ушли в прошлое различные формы организации детского сельскохозяйственного труда, недостаточное финансирование школ привело к свертыванию внеурочной работы с детьми, низкий уровень оплаты труда ведет к оттоку из школ высококвалифицированных учителей, способных вести как урочную, так и внеурочную работу.

В условиях социально-экономических преобразований, происходящих в России, идеи В.А. Сухомлинского приобретают особую значимость в воспитании подрастающих поколений. Сегодня нужны активные творческие поиски по их реализации в новых условиях.

Необходимы поиски по преодолению академически абстрактной направленности содержания общего образования в сельской школе, ориентации его на потребности развития села, подготовку молодежи к сельскому образу жизни.

Изменения в содержании образования требуют выхода школьного обучения за стены класса, создания новых форм и методов обучения и воспитания, которые призваны обеспечить реальную дифференциацию и индивидуализацию учебного процесса.

В школах растет потребность в новых предметах, курсах, мини-курсах, в факультативных профильных занятиях по обучению детей основам ведения домашнего хозяйства, ремеслам, ремонтным, строительным работам и т.п. Эти занятия могут проводиться как в школе (вторая половина дня при режиме полного дня), так и вне школы (сельское ПТУ), на предприятиях, в местных органах управления, дома у мастеров, умельцев, старожилов, на собственном подворье. Занятия за пределами школы могут проводиться как в малых группах, так и индивидуально.

Особую значимость приобретают активные методы обучения, среди которых — метод проектов (групповых и индивидуальных), который синтезирует в себе самостоятельность учащихся, их активность, творческий поиск, ориентацию на разрешение насущных проблем села.

Естественно, творческие поиски по претворению в жизнь идей В.А. Сухомлинского в условиях современной ситуации требуют не только педагогической, но и материальной поддержки со стороны органов образования и исполнительной власти России.

Глава 2

ВСЕ БОЛЕЕ ГЛУБОКОЕ ПОНИМАНИЕ РЕБЕНКА — ЭТО И ЕСТЬ ВОСПИТАНИЕ

КАК ФОРМИРОВАТЬ У ВОСПИТАННИКА РАДОСТЬ ПОЗНАНИЯ

Учение, овладение знаниями, сидение за книгой — большое благо и счастье. У твоих дедов и прадедов не было этого счастья. Они могли только мечтать о том, чтобы сесть за парту, взять в руки книгу, читать, писать, познавать мир. Твое детство, отрочество, ранняя юность — это дворец, озаренный светом знаний.

Без знаний он может превратиться в мрачное подземелье. Мысль, интеллектуальные интересы, творчество — эти твои блага оплачивают своим трудом рабочие и крестьяне. На каждого старшеклассника и студента трудятся рабочие и крестьяне. На каждого старшеклассника и студента трудятся рабочие и колхозники, чтобы он мог учиться не работая, не участвуя в создании хлеба насущного и других материальных благ.

Из-за того, что учение в нашем обществе стало не только общедоступным, но и обязательным, в глазах многих молодых людей оно перестало быть благом. Хуже того, для некоторой части школьников учение является бременем, а иногда и наказанием и мучением. Воспитатель, помни, что, если дело доходит до этого, ни о каком успехе этического воспитания не может быть и речи. Все другое в школе становится реальным и достижимым лишь тогда, когда человеку хочется учиться, когда в учении — в том, что он ходит в школу, читает, пишет, познает, — он чувствует радость и обретает радость и обретает человеческую гордость. Учись, потому что учение — это благо и счастье. Эти слова произносятся в школах множество раз, но их глубокий смысл далеко не всегда доходит до юных душ. Как же воспитывать, как поучать, просвещать и одухотворять, чтобы учение было желанным, привлекательным? Это одна из самых сложных и нелегких проблем школы, у нее тысячи граней.

Прежде всего в ученике надо видеть человека, а не хранилище знаний, которые надо усваивать, усваивать и усваивать. Знания лишь тогда становятся благом, когда они рождаются из слияния внутренних духовных сил человека и мира, который познается. Важнейший источник радости познания — а это чувство и есть зерно, из которого растет мощное дерево богатой духовной жизни, — пере-

живание и чувствование того, что знания — это плоды напряжения *моего* человеческого духа, плоды поиска, творчества — труда мысли, души. В обществе, которое, удовлетворяя материальные потребности человека, часто не различает истинных потребностей и ничем не оправданных желаний (а нередко, бывает, и капризов), моральное благородство человека зависит в огромной мере от того, какие духовные потребности порождает его деятельность. Главной потребностью нашего питомца должна быть мысль, думанье, открытие истины — именно в этой сфере должна развиваться деятельность духа. Учение мыслится и переживается как счастье, благо, привлекательная деятельность тогда, когда мы воспитываем прежде всего мыслителя. Деятельность духа должна быть добыванием мыслей, жажда духовных богатств рождается лишь тогда, когда маленький человек каждодневно испытывает радость зарождения мысли, постижения истины, углубления в тайны мира.

В этическом воспитании маленьких детей большое значение мы придаем путешествиям к истокам мысли. Дети с учителем идут в сад или к старому дубу, в заросли кустарника или на пасеку, на берег пруда или в глубокий овраг. Здесь закладываются, образно говоря, тончайшие корни, питающие жажду знаний, здесь рождается желание познавать — быть умным, образованным. Миссия воспитателя заключается в том, чтобы открыть детям непонятное, пробудить стремление узнать. Самый несмелый и застенчивый становится здесь пытливым мыслителем. Чем лучше удалось учителю открыть глаза школьников на непонятное, чем глубже их чувство изумления, тем ярче детское стремление знать и познавать.

Многолетний опыт воспитательной работы твердо убедил меня, что маленький человек, пришедший к вам в школу, чтобы выйти из ее стен образованным и воспитанным, станет пытливым, любознательным, прилежным учеником лишь тогда, когда он — мыслитель, когда жизнь его мысли в какой-то мере независима от того, что он учит и выучивает на уроках (независимость эта относительна, на самом же деле только богатство мыслительной деятельности, не связанное непосредственно с уроками, является основой успешного учения на уроках). В практической работе, занимаясь со школьниками младшего возраста, я с самого начала всегда стремлюсь к тому, чтобы свет, зажженный в саду, в степи, у цветущего или уснувшего на зиму дерева, озарял учение на уроках. Мыслительная деятельность вне уроков независимо от уроков на первом этапе обучения должна быть несравненно значительнее, богаче, шире по объёму, чем все то, что делает ребенок на уроке. Мои первоклассники — прежде всего мыслители, открывающие истину вне класса, изумленные и восторженные этой истиной и своим трудом, а потом ученики в узком смысле этого понятия. Чем в большей мере они мыслители, тем лучшие они ученики. Отношение ребенка к учению как к благу, счастью, радости вообще немыслимо, если в его духовном развитии нет бурной, бьющей ключом жизни мысли. Каждой выучиваемой букве, каждому арифметическому действию должны предшествовать *уроки мышления* у первоисточника мысли — среди природы.

Первый год обучения в школе — это огромный шаг в умственном развитии ребенка; путь, который проходит ребенок в этот год, не идет ни в какое сравнение с любимым школьным годом и с любимым десятилетием послешкольного периода. Этому году я придаю исключительное значение. Параллельно и одновременно с приобретением знаний в классе мальчики и девочки проходят школу мышления под открытым небом. Эта школа состоит из шестидесяти уроков, объединенных несколькими темами: «Как природа готовится к зиме и весеннему пробуждению», «Жизнь животных и растений в зимнем саду», «Природа просыпается от зимнего сна», «Живое и неживое в природе», «Как природа творит красоту», «Жизнь муравьев и пчел», «Жизнь луга и степи от утренней до вечерней зари», «Природа, человек и труд». Каждый урок мышления — это наблюдение, вйдение, изумление перед загадкой природы, думанье, открытие истины, переживание радости познания и гордости мыслителя. Двенадцать уроков мышления посвящаются наблюдениям за маленькой вишневой почкой. Дети наблюдают, как образуется почка, как ее закаляют жгучие морозы, как она спит и чутко прислушивается к тому, что делается в природе, как весенний теплый ветерок и солнечный луч открывают ее и почка «распрямляет плечи и сбрасывает с себя сладкие пеленочки» (это слова детей), как появляются маленькие зеленые листочки, впервые в вишневом саду рождается жизнь листвы и закладываются новые почки, которые превратятся в листву в будущем году. Перед детьми — изумительная картина жизни, они открывают в мире десятки все новых и новых тайн. Их духовная жизнь в этот период определяется тем, что они живут в мире мысли. Чувствование ни с чем не сравнимой роскоши, прелести мысли — это и есть тонкий и крепкий корень творческого труда, который, закладываясь в детстве, дает могучую поросль на всю жизнь. Многие годы воспитания твердо убедили меня в том, что, если в первый период школьного воспитания все дети проходят школу мышления, в определенной мере независимую от того, что делается на уроках, не будет ни одного неуспевающего ребенка. У меня есть замысел: создать школу мышления в детском саду, ввести ребенка в мир интересного, увлекательного познания тайн природы с трехлетнего возраста.

Школа мышления, начавшаяся в первый период обучения, не должна прекращаться ни на один день. Чем больше потенциальные умственные возможности ребенка — а в подростковом возрасте, к 14—15 годам, по моему глубокому убеждению, если бы правильно было поставлено умственное воспитание, человек мог бы успешно окончить нынешний курс средней школы, — тем значительнее должна быть умственная жизнь, не связанная непосредственно с уроком. Но постепенно школа мышления включает в себя кроме мира природы еще и мир книги.

Это одна из самых важных педагогических проблем современной школы — дать ученику жизнь в мире книг. Я вижу воспитательную задачу исключительной важности в том, чтобы чтение стало самой сильной, неодолимой духовной страстью ребенка, чтобы в книге человек на всю жизнь нашел привлекательное и роскошное

NB ***Любовь к книге одними убеждениями привить нельзя. Почему сегодня снизился интерес к чтению, к книге у многих детей? Многие считают, что виной всему телевидение. Какая-то доля правды в этом есть. Но главная беда состоит в том, что дети не владеют техникой чтения вообще, а быстрого чтения в особенности.***

общение с мыслью, красотой, величием человеческого духа, неисчерпаемым источником знаний. Это одна из элементарных закономерностей воспитания: если человек не нашел в школе мира книг, если этот мир не открыл перед ним интеллектуальных радостей бытия, школа ничего ему не дала и он ушел в жизнь с пустой душой.

Этому надо учить, учить и учить — приобщению к радостям жизни в мире книг. В начальных классах я читаю своим питомцам самые лучшие книги, которые вошли в золотой фонд человечества и по своему содержанию понятны и доступны эмоциональному миру маленьких детей. Произведения Джека Лондона и Сенкевича, Гюго и Бичер-Стоу, Марка Твена и Свифта, Жюля Верна и Гоголя, Тургенева и Короленко, Толстого и Чехова, Салтыкова-Щедрина и Горького, Шолохова и Леонова, Шевченко и Коцюбинского, Ивана Франко и Олеся Гончара — это пленительный мир красоты, мысли, человеческих страстей, который сам по себе открывает перед ребенком радости бытия. Я добиваюсь того, чтобы без чтения и перечитывания любимых книг, без уединения с любимой книгой жизнь казалась моим мальчикам и девочкам мрачной темницей. Чтобы бесценным и вечным богатством человек считал только книгу — все остальное преходяще.

Что необходимо для этого практически? Многие часы духовного общения учителя со своими питомцами за книгой в непринужденной обстановке. Книга — это колыбель, в которой лелеется отношение к мысли, науке, учению как к величайшему благу. Чтение открывает перед ними прежде всего мир собственной души: маленький человек познает величие человеческого духа, проникается чувством уважения к самому себе, ему хочется жить интересной, богатой жизнью в мире культурных ценностей. Книга как бы порождает у человека боязнь: спеши приобщиться к духовным ценностям, созданным человечеством; утеряешь время — утеряешь богатства для собственной души. Любовь к книге, чувствование мысли, науки, знаний как великого блага учит человека с малых лет *дорожить временем*, — для этического воспитания чувствование времени играет очень важную роль, к этому мы еще будем неоднократно возвращаться.

Я вижу важную грань этического воспитания в том, чтобы с первыми же сознательными взглядами на мир в сознание ребенка пришла мысль о том, где заключен источник того богатства, которым располагаем мы, советские дети, подростки, юношество, — *богатства духовной жизни*. Вот мы сидим с вами, дети, у могучего столетнего дуба, читаем интересную книгу, прислушиваемся, как падают на землю желуди... Или, сев на вершине степного кургана, любуемся красотой вечерней зари, вслушиваемся в песню кузнечика, всматриваемся в мерцание первой звезды. Видеть, чувствовать, думать,

понимать, любоваться красотой окружающего мира, творить и познавать собственную красоту, гордиться тем, что я Человек — одаренное существо, что передо мною множество путей развития и совершенствования, что я свободный гражданин первого в мире социалистического государства, думать обо всем этом является для вас, дети, огромным благом и счастьем, таким же бесценным, как счастье сидеть шесть уроков за партой, не думая о том, где взять кусок хлеба, кто даст мне одежду и обувь... Пойдемте, дорогие дети, посмотрим, где же источник нашего счастья.

Мы идем недалеко: рядом со столетним дубом, под которым мы читали книгу, животноводческая ферма колхоза. Наступила ночь, но работа в самом разгаре. Доярки доят коров, готовится корм на завтра. По дороге едут автомашины — перевозится хлеб от комбайнов к зернохранилищам. Из степи доносится гул трактора — началась ночная смена, трактористы будут пахать до утра... В жгучий январский мороз, когда, придя в школу, мы греемся у батарей центрального отопления, трактористы едут в поле за сеном... В осеннюю слякоть колхозники убирают свеклу. Дождь идет, холодный ветер пронизывает до костей, все равно надо работать, не уберешь — пропадут плоды труда, а этого нельзя допустить. Ведите своих питомцев по Земле Труда, открывайте перед ними великие истины социалистического бытия.

В тихий вечерний час, перед тем как лечь в постель, ты зачитываешься интересной книгой или заслушиваешься музыкой: помни, что в эти часы идут на ночную смену миллионы рабочих. Только потому, что они идут в ночную смену, ты читаешь книгу и слушаешь музыку. Только благодаря тому, что миллионы рабочих и колхозников на заре идут на работу, чтобы варить сталь и делать машины, добывать руду и строить пароходы, пахать землю и кормить скот, вывозить на поле навоз и прокладывать новые железнодорожные магистрали, ты имеешь возможность, проснувшись, сделать утреннюю зарядку, позавтракать, идти в школу, сидеть за партой, овладевая знаниями. Для того чтобы ты спокойно и беззаботно учился, на тебя работают взрослые — рабочие, колхозники. Если тебе не захотелось идти в школу — бывает, к сожалению, и такое, — значит, они своим трудом оплачивают твое безделье, значит, ты обманываешь свое государство, рабочий класс, народ. Ты превращаешься в дармоеда, тунеядца. Кто не знает источника своих духовных благ, тот живет пустой, бессмысленной жизнью.

КАК ПРОБУЖДАТЬ ЛЮБОЗНАТЕЛЬНОСТЬ

Ты пришел в школу ребенком. Мать и отец считают тебя маленьким и беззащитным. Ты в самом деле нуждаешься в постоянной опеке, заботе и защите взрослых; без них ты не можешь обойтись в сложном и многостороннем мире. Ты маленький, но не забывай, что через десять лет, окончив школу, ты станешь взрослым. Десять раз опадет листва с этой виноградной ветви, и ты будешь уже не семилетним несмышленышем, а самостоятельным тружеником, воином, завтрашним отцом, а ты, девочка, будешь уж думать о своем родном

несмышленыше — сыне или дочери. Для тебя, семилетнего, эти годы сейчас кажутся невообразимо огромной жизнью — так и должен отражаться мир в сознании ребенка... но для твоего учителя десять лет — не такой уж длительный период... Он знает, что старая липа, ровесница школы, через десять лет совсем не постареет, а ветка виноградной лозы в годы твоей юности будет такой же, как сегодня.

Умей думать о своей взрослости — вот что поможет тебе стать настоящим человеком. Взрослые — мать, отец, учитель — делают из тебя человека, но ты должен помнить, что от твоих усилий, от твоей самостоятельности — и с каждым годом все больше и больше — зависит, каким человеком ты станешь. Я, твой учитель, говорю тебе эти слова без преувеличения: от того, какова твоя д е я т е л ь н о с т ь именно в те годы, когда ты малыш-несмышленыш, зависит, кем ты станешь, как будут развиваться твои способности, что в тебе о т к р о е т с я. Дорожа опекой и заботой взрослых, благодаря за них, в то же время стремись поскорее избавиться от них. Не бойся взрослого труда и взрослых трудностей. Вообще не бойся ничего трудного. Гордись тем, что ты умеешь быть стойким, выносливым и по трудолюбию, настойчивости, сознательности приближаешься к взрослым.

Надо ли говорить маленькому ребенку обо всем этом? Многолетний опыт убеждает в том, что одной из бед школьного и особенно семейного воспитания является взгляд на ребенка как на вечное дитя. Именно забвение того, что сегодняшний ребенок завтра станет взрослым человеком, часто приносит неприятные неожиданности. Воспитание взрослости — это целая проблема этической культуры, в которой как бы сливается интеллектуальное, нравственное, творческое становление человека. Это поучение рассчитано не только на семилетнего ребенка. Его надо повторять из года в год, но речь идет прежде всего об исключительной важности младшего возраста для воспитания творческих способностей, для того чтобы в каждом человеке открылась искра божья. Этот вопрос нельзя считать узкопсихологическим. От того, какие способности откроются в человеке, какая грань заиграет в нем и будет сиять всю его жизнь, зависит в конечном счете личное счастье человека, а значит, и счастье общества, потому что невозможно представить человека, гармоническое общество, если из детства будут приходить в отрочество, юность и зрелость недоучки, неудачники, ни к чему не способные люди, а они приходят именно из раннего детства, из того возраста, когда малыш еще только готовится к школе и учится первые годы. Проблема становления и развития способностей — это проблема широкого этического плана. Способности закладываются в детстве — в этом убеждает многолетний опыт. Научить маленького человека думать о взрослости важно для того, чтобы утвердить в его сознании *взрослость мысли, зрелость духа.*

В мозге каждого психически здорового ребенка заложены возможности для широкого развития творческих способностей. Природа закладывает в каждый нормальный мозг корни, необходимые и достаточные для того, чтобы каждый стал творцом. Какие способности откроются в ребенке — это зависит от деятельности в младшем возрасте. При этом очень большое значение имеет отно-

шение самого ребенка к этой деятельности, какие элементы взрослости мысли, зрелости духа мы, взрослые, сумеем пробудить и утвердить в детском сознании. Вот почему необходимы этические поучения, побуждающие думать о взрослости.

Период созревания детского мозга на фоне интенсивной, яркой, насыщенной духовной жизни ребенка выглядит ни с чем не сравнимым чудом, — но это уже не чудо природы, а поистине человеческое чудо: ребенок живет, развивается, радуется и огорчается, смеется и плачет, любит и ненавидит.

Мудрость материнского и отцовского воспитания (а педагог является сознательным средоточием этой мудрости) заключается в том, чтобы в период наивысшей пластичности мозга ребенок побуждался к наиболее интенсивной деятельности. Эта активность зависит от взглядов ребенка на самого себя, от того, что он думает о самом себе. Развитие умственных способностей зависит от того, умеет или не умеет ребенок, скажем, в возрасте 2 лет уверенно пользоваться вилкой, принести тарелку из кухни в столовую, повесить на веревочку простынку... Ребенок в определенном смысле беспомощен и не может жить без нашей заботы и защиты, но пусть он не думает о своей беспомощности. Наоборот, пусть его поступками движет уверенность в том, что он сильный и что мир вокруг него населен бесчисленным множеством существ, значительно слабее его, которых нужно защищать и опекать. Дети, в силу обстоятельств нянчившие в 5—6-летнем возрасте малышей, в школе отличаются большой сообразительностью и взрослостью мышления. Вот для чего необходимо этическое поучение: **ты ребенок, но не забывай, что ты будешь взрослым.**

Деятельность, которая необходима для развития творческих (именно творческих, а не исполнительских) способностей в детском возрасте, не исчерпывается простой активностью, подвижностью, напряжением физических усилий. Нужна деятельность, затрагивающая ум, требующая находчивости, сообразительности. Другими словами: работают руки, а ум решает задачи; руки становятся в связи с этим средством развития мышления; руки учат разум.

Я вспоминаю такое событие. Молодая мать — звеньевая свекловодческого звена — на рассвете вместе с мужем-трактористом ушла в поле. Дома оставила 6-летнюю Машу и полуторагодовалого Ваню. Дочери была дана работа: прополоть морковные и капустные грядки. Маша пошла полоть грядки, взяв с собой Ваню. Но мальчик почему-то капризничал. Боясь, как бы не заболел братик, Маша уложила его в кроватку, поставила кроватку под грушей — рядом с грядками. Но Ваня и здесь плакал. Маша стала думать: чем же успокоить малыша? Она взяла его на руки, подняла, малыш увидел скворечник и птичек. Лицо мальчика расплылось в улыбке. Но нельзя же все время держать Ваню на руках, надо работать. И Маша нашла выход. Рядом с кроваткой, у самого изголовья Вани, она повесила большое зеркало. В зеркале отразился птичий домик вместе с его обитателями. Он был теперь перед глазами ребенка. Чувство недоумения и изумления овладело ребенком: птички, которых он видел на дереве, прилетели к нему. Ваня сел на кроватке, приблизился к зеркалу. Он понял, что это не настоящие птички, но от этой мысли интерес к загадочному явлению не угас. Перед ребенком от-

крылось что-то непостижимое, но в то же время реально существующее. Он наблюдал за птичками, а Маша наблюдала за ним. Для 6-летнего ребенка это было настоящее творчество, но чего-то исключительного здесь не было. Это совершенно закономерное явление для ребенка, поставленного в условия необходимости действовать. Сами обстоятельства побуждали 6-летнюю девочку к деятельности, в которой главным было напряжение умственных усилий, решение задач. На следующий день Маша придумала новые забавы для брата: разбрызгивая мелкими капельками воду, она делала радугу, что приводило мальчика в восхищение. Потом она поставила на стол цветы и, опрыскав их сладкой водой, вместе с Ваней наблюдала, как к сладкому букету слетаются мохнатые шмели.

Я привел эти примеры для того, чтобы показать обстоятельства, благоприятствующие наблюдательности. Деятельность, которая в наибольшей мере способствует развитию способностей, включает наблюдения, исследование, открытие самых разнообразных сторон, черт, особенностей вещей, явлений — такие наблюдения и исследования, в ходе которых ребенок является активно заинтересованным лицом: он познает мир для обогащения своей деятельности. Активные наблюдения порождают *любознательность*. Это самая сущность воспитания способностей. Чем раньше воспитывается любознательность, тем значительнее диапазон способностей, раскрывающихся в человеке.

В самом понятии *любознательность* таится глубокий смысл: это растущая, никогда не угасающая, а, наоборот, все время усиливающаяся потребность знать и стремление узнать, объяснить. Чем активнее деятельность, представляющая собой активное прикосновение человека к окружающему миру, тем больше связей между вещами, фактами, оттенками, свойствами, особенностями вещей, фактов, явлений, событий он видит, тем больше удивляется и изумляется. Ему открывается множество непонятного, перед ним — тысячи загадок, которые ему надо во что бы то ни стало отгадать. В этом возникновении загадок и их расшифровке и заключается сущность любознательности. Наша задача заключается в том, чтобы уже в раннем детстве каждый ребенок стал маленьким мыслителем, чтобы его активная деятельность превращалась в неудержимую лавину познания. Единственный путь к этому — труд. В это понятие я вкладываю широкий смысл. Детский труд — это не значит дать ребенку лопату и пусть себе копает до изнеможения. Любознательность — очень хрупкая и нежная сердцевина человека, ее легко сломать, пробудив отвращение к труду из-за его непосильности и однообразия. Речь идет о труде мыслителя: детский труд — это активное ви́дение мира. Такое ви́дение,

NB ***Большие трудности в работе учителя вызывает отсутствие любознательности у детей. На первый взгляд, у современных детей очень широкие познания об окружающем мире, но это поверхностные знания, они не ориентируют на самостоятельное глубокое обдумывание, не будят мысль, не стимулируют творчество.***

Перенасыщенность детей разнообразной информацией без критического ее анализа под руководством старших отрицательно влияет на развитие любознательности, интереса.

благодаря которому ребенок становится деятельной частицей природы и вместе с тем ее властелином.

Два года, предшествующих занятиям в школе в соответствии с обязательной программой, я занимаюсь с маленькими детьми в подготовительной группе. Я бы назвал этот период *школой любознательности*. Это прежде всего прикосновение воспитателя к детскому мозгу — такому пластичному и податливому в дошкольном детстве. Главный метод этого прикосновения — удивление и изумление ребенка, главный инструмент — слово педагога, главная форма занятий — походы к источнику мысли и слова — среди неисчерпаемого богатства природы. Я стремлюсь к тому, чтобы нарастающая любознательность превратилась в самостоятельную силу, властвующую над интересами и стремлениями ребенка. Если мне удается утвердить любознательность как неугасимый огонек, ребенок не может быть неспособным.

Здесь мы приближаемся к самой сущности этического поучения: **думай о том, что ты не всегда будешь ребенком**. Так думать может только человек, для которого любознательность стала самой сущностью его души. Я вижу задачу исключительной важности в том, чтобы с поступлением в школу деятельность маленького ребенка не превратилась в одностороннюю — исполнительскую. Это страшная угроза для умственного развития. С началом учения, когда в деятельности за партой особенно много однообразного, требующего пассивного запоминания (это необходимо и неизбежно), особенно возрастает роль специальной деятельности, питающей — если так можно сказать — лавину любознательности. О познавательной деятельности (уроках мышления) речь уже шла в одном из поучений. Надо сказать еще о *взрослости* детского труда в рабочей комнате, на школьном участке, в саду, на школьной животноводческой ферме. Всюду ребенка должно сопровождать чувство настоящего. У нас в школе есть маленькие, но настоящие машины для детей — трактор, автомобиль, мотоцикл, молотилка, косилка, зерноочистительные механизмы. Есть детская электростанция со всеми устройствами, исключающими возможность несчастных случаев. Глубокий смысл поучения: ты ребенок, но не забывай, что ты станешь взрослым, — доходит до сознания ребенка именно благодаря тому, что он убирает урожай хоть и небольшой, но настоящей машиной, обмолачивает пшеницу настоящей молотилкой, управляет настоящим трактором. В эти часы вырабатывается взрослый стиль мышления и взрослый взгляд на мир, хотя с точки зрения взрослых многое в этой деятельности кажется игрой, для ребенка это вовсе не игра (как и подлинная игра для него не игра).

Коллектив учителей, работающий в начальных классах, стремится к тому, чтобы труд детей был проникнут таким же чувством ответственности, как у взрослых. Уже в годы отрочества человек должен видеть трудовые корни своего детства: дерево, выращенное им из маленького сеянца, должно дать плоды; одно-единственное зернышко, за которым любовно ухаживал ребенок в детстве, пусть превратится в огромный ворох пшеницы.

Творческий, желанный, жизнерадостный труд в годы детства — ничем не заменимый животворный источник мысли, умственного развития.

ВОСПИТАНИЕ ОТНОШЕНИЯ К ШКОЛЕ КАК К ВАЖНЕЙШЕМУ ОЧАГУ ДУХОВНОЙ ЖИЗНИ НАРОДА

Каждый человек, принадлежащий к старшему поколению, является твоим учителем и наставником, если он имеет на это моральное право. Но общество создало специальное учреждение, в котором детей, подростков, юношей и девушек учат и воспитывают, — школу. От того, как устроена школа, насколько ярко воплощены в ней духовные ценности народа, зависит будущее нашего народа, нашей страны, нашего социалистического строя. От устройства школы, от того, как видят жизнь ее питомцы, куда устремлены их духовные порывы, что они считают своим идеалом, зависит судьба общества, которое мы строим. Школа — один из краеугольных камней здания, имя которому — коммунизм. В школе творится человек. Школа — святыня и надежда народа.

В школе учат не только читать, писать, думать, познавать окружающий мир и богатства науки и искусства. В школе учат жить. В школе учатся жить. Школа — это духовная колыбель народа. Без школы у народа нет будущего. Чем больше мудрости, тем блистательнее его будущее. Школьники не просто дети, собравшиеся в одно место. Они составляют собой детское общество, живущее по своим гармоническим законам, развивающее и умудряющее человека и в то же время украшающее общество взрослых, составляющее его гордость. Законы, по которым живет школа, — это детище нации, дух национальной жизни. В школе живет многовековая культура нации; ты не просто путник, пришедший напиться к этому вечному источнику; ты — пчела, обогащающая улей национальной культуры, твой долг — внести в этот улей свой вклад, обогатить духовное достояние народа.

По тому, как человек — от первых проблесков до последнего дыхания — относится к своей школе, судят о его внутренней культуре и благородстве, о его способности дорожить честью и славой своего народа. Твой долг — на всю жизнь сохранить отношение к школе как к святыне, передать это отношение своим детям и внукам. Какими бы богатствами знаний ни обогащалась наука, какие бы умы и таланты ни рождались твоим народом и человечеством, школа с ее элементарными знаниями, с ее азбукой и первым чтением, с ее учителем и наставником, с ее первой книгой навсегда пусть останется в твоей душе как первый источник твоего ума, твоих способностей, благородства и высокой воспитанности твоей души. Школа всегда будет важнейшим очагом мудрости народа.

Это поучение во всей системе этической культуры и этической образованности имеет особый смысл и особенное значение. От того, какое *отношение к себе* сумеет воспитать школа, зависит сила ее воздействия на самое чуткое, самое восприимчивое поколение и вместе с тем на весь народ. Колыбелью народа школа является в

NB ***Любовь к школе воспитывается любовью к детям членами педагогического коллектива, его гуманизмом, культурой общения и постоянными творческими поисками. Разговорами о пользе знаний, о добром отношении к школе подлинную любовь к ней у детей не воспитаешь. Любовь надо выстрадать, заслужить, отдавая все самое дорогое своей души любимым.***

том смысле, что она — главный ваятель души народа. Школа накладывает неизгладимый отпечаток на культурный облик тех, кто был ее питомцем. Настоящая школа гордится тем, что все взрослые с достоинством называют себя ее учениками. Ваша высокая миссия заключается в том, чтобы все взрослые, отдающие своих детей и внуков учиться в вашу школу, навсегда оставались в сфере ее духовного влияния, чтобы то, что называют *микрорайоном*, находилось под вашим культурным воздействием.

В школе формируется и оберегается колыбель человеческой души, нравственное средоточие гражданина. Взаимоотношения, которые вы создаете в маленьком коллективе своей школы (маленьком по сравнению со всем советским обществом), как в капле воды, должны отражаться коммунистические идеи нашего бытия и нашей устремленности в будущее. Колыбелью народа школа становится только тогда, когда в ней юная душа осознает себя гражданином, хранителем духа народа, его идей, его богатств и ценностей, его непреходящего величия.

Рассказывайте своим питомцам о том, что в самые трудные моменты своей истории, даже тогда, когда решался вопрос, быть или не быть нашему народу, гражданская совесть пробуждала в душе истинных патриотов героические усилия в борьбе за школу в широком смысле — именно как за колыбель народных идеалов. Я рассказываю детям и подросткам о том, как в оккупированных фашистами селах и городах народные учителя создавали подпольные, тайные школы, чтобы не угас в детских душах огонек любви к Родине. Глубокие гражданские чувства пробуждает у подростков рассказ о битве за души детей в концентрационных лагерях, даже в лагерях смерти.

Яркий рассказ о судьбах детей, воспитывавшихся в школе концентрационного лагеря, пробуждает в юных сердцах гражданские мысли о важнейших святынях Советской Родины — наших коммунистических идеях, нашей национальной советской гордости, нашей непримиримости к врагу. Хранителем этих святынь является школа. Осмысливая и переживая борьбу за эти святыни как за самую сущность социалистического строя, подростки проникаются чувством гражданского уважения к школе.

Я стремлюсь к тому, чтобы утвердить в сознании детей, подростков и юношей отношение к школе как к детищу, творению и важнейшей духовной ценности *народа*. Чтобы на всю жизнь сохранилось в каждой душе трепетное, благоговейное чувство при воспоминании о школьном звонке и школьной парте, об учебнике и строгой тишине классов. Чтобы, проходя мимо школы, каждый взрослый снял шапку, чтобы школьные годы вспоминались с щемящим чувством любви и благодарности.

Я считаю исключительно важным воспитание у юношества взгляда на школу как на важнейший очаг духовной жизни народа. Школа должна быть хранилищем духовных ценностей — и рукотворных, и нерукотворных. Как только построена школа и ее порог переступил первый воспитанник, как только началось тонкое прикосновение мысли и сердца педагога к сердцу ребенка, а с этого, собственно, и начинается школа, на полку школьной библиотеки пусть ляжет книга, которая хранится здесь *вечно*. Это не обычная библиотека, в которой книги выдаются для чтения. Это в широком смысле школьное хранилище духовной культуры народа. Триста, пятьсот, тысячу лет будет жить школа, столько же лет пусть живет в ней книга. Камень, положенный в основание фундамента, кирпич, вмурованный в стену, могут выветриться и превратиться в прах через тысячелетие, книга же никогда не должна превратиться в прах. Школа как колыбель народа, колыбель духа и культуры народной живет прежде всего в книге. Как важно, чтобы это поняли не только учителя, но и питомцы школы. У каждой школы должно быть свое неповторимое лицо: свои обычаи, традиции, свой праздник. Праздник нашей школы — это Народный Праздник Книги. Он проводится перед началом учебного года. Каждый отец, каждая мать приобретают в этот день своему сыну, дочери памятный подарок — книгу. Этой книгой пополняется семейная библиотека. Но наиболее значительным, символичным актом этого праздника является торжественный вклад в Вечную Библиотеку одной или нескольких книг, вышедших в течение года (или нескольких последних лет). На полку ставятся книги, которые будут стоять вечно. Эта мысль тем глубже осознается и переживается, чем больше старых книг видят дети, подростки, юноши и девушки на полках Вечной Библиотеки. Вот буквари, по которым учились их деды и прадеды. Вот первые книги по истории нашего Отечества. Вот первые издания произведений выдающихся писателей. Вот книга, которая вошла в золотой фонд отечественной литературы, а в год выхода в свет она была мало кому известной. Отобрать для Вечной Библиотеки самое лучшее, почувствовать и осмыслить то, что никогда не может быть предано забвению, — в этом как раз и проявляется лицо школы, ее неповторимость. Отбирая книги для Вечной Библиотеки, мы чувствуем ответственность перед будущими поколениями. Невозможно допустить, чтобы в эту библиотеку попала хоть одна «однодневка», в то же время нельзя пропустить ни одной ценной вещи.

В этих книгах, стоящих на полках Вечной Библиотеки, — живые и бессмертные корни народа. Если нам удастся в каждой юной душе утвердить именно такое отношение к книге, каждый наш ученик будет нашим воспитанником уже потому, что он учится у нас в школе. Когда юный гражданин чувствует, что школа — это колыбель народа, его культуры, славы и величия, тогда и *стены воспитывают*, тогда у него тянется рука, чтобы снять шапку у порога школы. Став отцом, матерью, наш питомец сумеет внушить своему ребенку не только почтительное, уважительное отношение к школе, но и убеждение, являющееся сердцевиной коммунистической нравственности: и колыбель, и большой мир общественной жизни,

в который человек выходит из колыбели, — все это и есть Родина; я готов отдать за нее все, что у меня есть, она дороже моей личной жизни, я готов положить за нее голову.

Школу немыслимо представить без Вечной Библиотеки, как народ без имени, без памяти, без истории. Время от времени дверь Вечной Библиотеки открывается. Сюда приходят ученики — посмотреть книги (для чтения такие же книги, более поздних изданий, есть в общей ученической библиотеке). Они убеждаются, что в духовной жизни народа есть вещи, существующие только для того, чтобы посмотреть на них, и чем дольше они существуют, тем дороже они для народа и для каждой личности.

Только книга создает школу. Только отношение к книге как к важнейшей и вечной, непреходящей духовной ценности создает отношение к школе как к колыбели народа.

Школа славна своими питомцами. Лицо школы создает тот, кто из нее вышел. Чем крепче крылья у птенца, чем шире их размах, чем выше взлет, тем больше гнездо манит к себе птенца. Каждый, кто вылетел из гнезда, должен оставить след в своей школе. Без этого школы как очага воспитания и воспитанности нет. В школьном кабинете — первая тетрадь каждого ученика, первый его рисунок, первое сочинение об окружающей природе, первое рассуждение и размышление. Вы, сорокалетний, пятидесятилетний гражданин, вспомнив свое детство, можете прийти в школу и увидеть самого себя, каким вы видели мир много лет назад.

Школа — средоточие добрых чувств, тонких переживаний, радужных воспоминаний о золотом детстве. Мы стремимся к тому, чтобы в школе человек к человеку прикасался тонко и нежно, чтобы каждый творил и оберегал красоту. Среди школьного двора, там, где больше всего бегают и суетятся дети, стоит маленький стеклянный домик. В нем — царство цветов. Зимой, в суровые морозы, здесь цветут тюльпаны и гвоздики, ландыши и хризантемы. Сюда влечет детей красота, здесь рождаются мысли о прекрасном, великое чувство восхищения красивым, мудрая способность видеть себя, радость творения красоты.

Школа — вечный очаг красоты. В воспоминаниях каждого юноши она сохраняется как красота детства, красота мира, красота мудрости, красота познания, красота благородного поступка. Школа не могла бы стать народным очагом воспитания, если бы каждый человек не чувствовал себя здесь красивым и не переживал в связи с этим возвышенных чувств.

Мы придаем очень большое значение тому, чтобы школа осталась в памяти каждого питомца как его забота, труд, созидание. Каждый по велению своей совести должен совершить поступок, в котором овеществляется стремление умножить красоту школы, — это один из законов нашего воспитания.

NB ***Уверен, педагогические идеи В.А. Сухомлинского известны большинству учителей, а многие являются его поклонниками и последователями. И вместе с тем мы продолжаем сталкиваться с проявлением бездуховности, жестокости, эгоизма, тунеядства и пренебрежительного отношения к созидательному труду.***

Беспокоит и забвение таких качеств личности, как патриотизм, любовь к Родине, защита ее интересов. Высокие этические нормы вытесняются властью доллара, стяжательством, насилием.

В чем дело? Может быть, идеи В.А. Сухомлинского и других педагогов-гуманистов устарели и потеряли смысл? Может быть, нужна переориентация гуманистических идей воспитания подрастающих поколений на другие, которые появляются в нашем обществе при старании разного рода проповедников, при поддержке средств массовой информации, при молчаливом согласии и безразличии к воспитанию молодежи со стороны органов власти?

Я твердо убежден, что гуманистические идеи В.А. Сухомлинского — результат многовековых традиций наших народов, в которых заложены основы нашей, исконно народной мудрости, сохранение и умножение которой равносильно сохранению независимости, чести и достоинства нашего Отечества.

Сегодня, как никогда, необходимо возвращение к идеям В.А. Сухомлинского, осмысление их в новых условиях, творческое использование в практике работы массовой школы, а самое главное — материальная и моральная поддержка школы и учителя на всех уровнях власти.

УМСТВЕННОЕ ВОСПИТАНИЕ И ВОПРОСЫ МЕТОДИКИ ОБУЧЕНИЯ

Многолетний опыт приводит к заключению, что все общедидактические методы обучения можно разделить на две группы.

Первая — методы, обеспечивающие первичное восприятие знаний и умений учащимися: рассказ, объяснение, лекция, описание; толкование понятий, инструктаж, беседа; самостоятельное чтение книги с целью первичного восприятия знаний; демонстрация и иллюстрация (кино, схемы, картины, телевидение, диаграммы, макеты, таблицы, муляжи, модели); показ трудового процесса, умения; самостоятельное наблюдение, экскурсия, практическая и лабораторная работа в процессе самостоятельного овладения знаниями; показ физических упражнений.

Вторая — методы осмысливания, развития и углубления знаний: упражнения (устные, письменные, технические); объяснение фактов и явлений природы, труда, общественной жизни; дискуссии, творческие письменные работы (сочинения, рефераты, аннотации, составление задач, программирование); изготовление учебных пособий и приборов, графические работы, лабораторные работы, эксперимент (на учебно-опытном участке, на колхозном поле, в лаборатории, в кабинете); управление машинами, механизмами, аппаратами с целью углубления, развития, применения знаний и умений; продолжительная трудовая деятельность, сочетающая цели практического труда и цели совершенствования умений и углубления знаний (в мастерской, на учебно-опытном участке, на колхозном поле, на ферме).

В зависимости от специфики предмета и содержания материала каждый метод имеет свои особенности. Лекция на уроке литерату-

ры имеет одни особенности, на уроке математики — другие. Показ трудового процесса или умения зависит от специфики связи труда и теоретических знаний. Наблюдение, связанное с изучением естествознания, отличается от наблюдения при изучении физического процесса не только способами восприятия знаний, но и характером умственного труда. Успех умственного воспитания зависит от творческого применения методов обучения, от разнообразия тех деталей, которые обусловливаются конкретной обстановкой и не могут быть предусмотрены заранее теорией обучения. Практика — неисчерпаемый источник теории как раз потому, что в практике раскрывается вся многогранность теории.

Очень важным условием полноценного умственного воспитания является соответствие методов обучения, структуры урока и вообще всех его организационных и педагогических элементов учебной и воспитательной цели материала, задачам всестороннего развития учащихся. Знания приобретаются для того, чтобы они в какой-то форме применялись в жизни, чтобы убеждениями, сформировавшимися в процессе обучения, человек руководствовался в нравственных, трудовых, общественных, эстетических отношениях с людьми. Как раз в этом, в характере применения знаний — самая сущность единства нравственного и умственного развития. Готовясь к уроку, опытный педагог всегда продумывает, какое преломление сообщаемые им знания найдут в умах его учеников. В зависимости от этого учитель выбирает и методы обучения.

На уроках истории в V классе изучаются греко-персидские войны. Знание конкретных фактов играет в данном случае большую роль в формировании взглядов и убеждений. Но дальнейшее умственное и нравственное развитие учеников, их моральный облик зависят не от того, насколько прочно они запомнят, заучат детали исторического события. Применимость знаний здесь опосредствованная: применяется не знание каждого конкретного факта в отдельности, а идейная, нравственная оценка исторических событий, проявляющаяся в субъективном отношении ученика к окружающему миру, в характере его активной деятельности.

Опытный учитель стремится к тому, чтобы в сознании и чувствах ребенка на всю жизнь сохранилось восхищение патриотической борьбой греков с иноземными захватчиками. Анализ фактов, на которых раскрывается идейное содержание материала, учитель подчиняет воспитательным целям: чтобы у детей утвердилось чувство любви к Родине, чтобы исторические факты не только познавались в свете идей современности, но и углубляли эти идеи. Учитывая это, учитель приводит в изложении материала яркие факты, которых дети не найдут в учебнике. Он не выделяет в сообщаемом материале событий, которые ученики должны запомнить, не прибегает на уроке к приемам, которые способствовали бы запоминанию этих фактов (как это иногда необходимо делать), — здесь вступают в действие закономерности непроизвольного запоминания, и чем больше использовал учитель дополнительного материала — ярких фактов, тем глубже осмысливается и запоминается главное, основное. Для того чтобы создать яркое представление о героизме

греков — защитников родины, учитель использует дополнительный материал о мужестве и самопожертвовании спартанских воинов в битве за Фермопилы.

Исторический рассказ всегда должен быть насыщен яркими фактами, раскрывающими политические и нравственные идеи. В отличие, например, от математического рассказа в историческом рассказе нет надобности проводить при первичном восприятии материала специальную работу для произвольного запоминания. Это снизило бы, ослабило бы идейное влияние материала на сознание и чувства. Чем больше использует учитель в рассказе (или лекции) на уроке истории, литературы дополнительные факты, тем глубже осмысливаются политические, нравственные, эстетические идеи, тем глубже они переживаются, а где есть эмоциональное восприятие идей, там вступает в действие могучий союзник учителя — непроизвольное запоминание.

Идея защиты Родины близка и дорога детям, им хочется выразить и свои мысли и чувства. Чем ярче исторические события освещаются нравственными и политическими идеями, тем больше возможностей для сочетания рассказа с беседой. Вообще метод беседы опытный историк, словесник ставит в тесную зависимость от воспитательных целей материала. Дети высказывают свои мысли и чувства о героизме, отваге, мужестве защитников Родины; важные политические идеи утверждаются в их сознании как личные убеждения. Дети — не пассивные «потребители» знаний, они глубоко заинтересованы в судьбах защитников своей Родины. На уроках истории, литературы беседа играет особую роль: она способствует формированию нравственных убеждений.

На таких уроках истории нет надобности прибегать к самостоятельному чтению учениками учебника с целью заучивания. (Это делается, если требует учебно-воспитательная цель.) Нет надобности на этих уроках составлять таблицы, чертежи, схемы — все это снизило бы идейную направленность урока. (Это целесообразно перенести на период повторения и систематизации знаний.) В такой же мере нет смысла на уроках литературы, насыщенных анализом идейно-эстетической стороны произведений, повторять попутно другие разделы программы.

Совершенно другими условиями определяются методы обучения на уроках грамматики. Если знания по данному разделу истории ученики получают главным образом в процессе первичного восприятия на данном уроке, а дальше идет развитие, углубление знаний, то первичное восприятие знаний по конкретному разделу грамматики — это только как бы программа для многих уроков, на которых сущность знаний все время повторяется, происходит как бы постоянное возвращение к первичному восприятию. Процесс обучения, а следовательно, и запоминания здесь заключается в постепенном осмысливании многих однородных фактов, которые раскрывают одно и то же обобщение — правило. И это осмысливание имеет своей целью прежде всего запоминание — запоминание на всю жизнь, твердое до такой степени, что сама формулировка обобщения (правила) может и забыться, но многочисленные факты, которые прошли че-

рез сознание, осмыслились, помогут сохранить сущность обобщения. В связи с этим в изучении грамматики большое значение имеет домашняя практическая работа: чтение, периодическое выполнение упражнений на одно и то же правило. Усвоение грамматики — длительный процесс применения полученных знаний.

На уроках языка в начальных и средних классах у нас преобладают методы работы, учитывающие длительный характер, постепенность осмысливания грамматических правил. Осмысливание правила сочетается с упражнениями, с самостоятельным объяснением фактов живой речи. Вот почему в системе методов мы особо выделяем такой метод, как объяснение фактов и явлений. В этом методе углубление знаний тесно связывается с их применением, благодаря чему усиливается непроизвольное запоминание. Чем глубже надо сохранить в памяти материал, тем на больший отрезок времени распределяется его изучение. Если правило, формулу или другое обобщение, применяемое в жизни для объяснения или анализа многих фактов, учитель стремится «пройти» на одном или нескольких уроках, сразу же добиться, чтобы ученики прочно его усвоили, неизбежны не только поверхностные знания, но и притупление умственных способностей, сковывание творческих сил разума. Неумение пользоваться грамматическим правилом («ученик правило знает, но пишет с ошибками») как раз и есть результат такого форсированного прохождения материала.

Преобладающий метод работы на уроках грамматики у нас — объяснение фактов и явлений живой речи в процессе самостоятельного выполнения упражнений. Объясняя факты и явления, ученики постепенно осмысливают сущность обобщения (правила). Учитель подбирает по каждому правилу систему упражнений, рассчитанных на длительное выполнение, а также на дополнительную индивидуальную работу для тех, кто может осмыслить правило, лишь продумав больше фактов. Этим ученикам даются карточки с текстом, насыщенным соответствующими орфограммами.

Преподаватели языка, математики, физики, химии — тех предметов, в которых изученные ранее правила, законы, формулы применяются для овладения новыми правилами, законами, формулами, — особенно заботятся о том, чтобы важнейшим методом повторения было их практическое применение.

Соответствие методов обучения задачам умственного развития определяет и структуру уроков, взаимозависимость их различных этапов. Наш педагогический коллектив выработал структуру урока для начальных, средних и старших классов. В построении урока мы исходим из принципов:

1. Сочетание, объединение, слияние практической работы, выполняемой учениками, с первичным восприятием знаний, с их углублением, развитием, применением. В связи с этим закрепление знаний не является этапом урока. Закрепление знаний — это длительный процесс, охватывающий не только специальные упражнения, лабораторные работы и другие виды самостоятельной работы, но и овладение новыми знаниями.

2. Применение знаний (в разнообразных формах) как важнейший, главный путь не только углубления, развития знаний, но и их

выявления, проверки, учета. Путем применения знаний мы стремимся обеспечивать постоянную обратную связь: получение учителем информации о том, как ученики думают, каких результатов достигает каждый ученик. Своевременное получение учителем информации об умственном труде каждого ученика зависит от того, насколько правильно подобраны задания для применения знаний, насколько учитываются индивидуальные силы и способности и особенно самостоятельность, индивидуальный характер умственного труда.

3. Длительность и постепенность процесса овладения знаниями. Если на изучение того или иного раздела программой предусмотрено три часа, это совсем не означает, что после этих трех часов ученики полностью овладели знаниями. Знания развиваются, углубляются постепенно и в течение длительного времени. Развитие, углубление знаний — длительный процесс, который протекает и на уроке, и во время выполнения домашних заданий, и в ходе самообразования (чтение литературы, подготовка докладов и рефератов и т. д.). Практическая работа, необходимая для закрепления, развития, углубления знаний, распределяется на продолжительное время.

Уроки, основанные на этих принципах, характерны большим разнообразием структуры. На подавляющем большинстве уроков грамматики и математики в I—IV классах работа начинается с практического применения знаний, полученных ранее: в ходе этой работы углубляется понимание правил, закономерностей, определений и других обобщений. Если, например, в данное время на уроках грамматики изучается правописание безударных гласных, то учитель выбирает один из методических приемов, способствующих обдумыванию учениками сущности правила: ученики или записывают ряд предложений, объясняя в них слова с безударными гласными, или выбирают предложения со словами этого рода из книги для чтения, или группируют слова с безударными гласными по признакам, особенностям, или, наконец, самостоятельно составляют предложения со словами с безударными гласными.

Какой бы прием выбран ни был, практическая работа сочетает углубление знаний с их проверкой. За ответы на отдельные вопросы оценок не ставят. Оценки такого рода, как показывает опыт, создают атмосферу случайности, лотереи. В младших и средних классах оценка ставится только за определенный период наблюдения учителя над всей работой ученика — классной, домашней, творческой. Одним ученикам оценка ставится за неделю их работы, другим — за две недели (это зависит от многих индивидуальных особенностей). Опыт убеждает, что чем ярче выступает в работе учащихся применение, практическое приложение знаний в процессе их развития и углубления, тем больше возможностей для проверки знаний и тем меньше надобности в специальной их проверке. Учитель I—IV классов составил систему задач, в процессе решения которых практически применяются все знания мер длины, веса, объема, площади, которые дети должны прочно усвоить в начальной школе. Если, решая эти задачи, ребенок что-нибудь забыл, он здесь же сам ищет то, чего не знает.

Это очень важный методический прием, который у нас используется и в младших, и в средних, и в старших классах: то, что необходимо навсегда усвоить, запомнить, сохранить в памяти, вспоминается, повторяется не в отрыве от конкретных практических знаний, а с какой-то целью, при выполнении какого-то дела (решение задач, составление творческой письменной работы, измерения на местности и т. д.). Учитель математики составил систему задач по тригонометрии, решая которые ученики без заучивания запоминают тригонометрические функции.

Структура урока в начальных классах определяется особенностью знаний, которыми дети должны овладеть на этой ступени обучения. Эти знания органически сочетаются с умениями. Главная задача начального этапа обучения и заключается в том, чтобы дети умели читать, писать, думать, наблюдать, выражать свою мысль. Поэтому все структурные этапы уроков грамматики, математики, развития речи включают активный труд: дети обязательно что-то делают — пишут, читают, составляют и решают задачи, измеряют, наблюдают явления природы или трудовой процесс, составляют сочинения. Для того чтобы успешно учиться дальше, письмо ребенка должно стать полуавтоматическим: его умственные силы должны быть обращены в основном на понимание смысла того, о чем он пишет, на обдумывание, а не на процесс письма. Многолетний опыт убедил нас: чтобы научиться достаточно быстро, четко и грамотно писать, чтобы письмо стало средством, инструментом учебного труда, а не его конечной целью, ученик должен написать в начальных классах не меньше 1400—1500 страниц в тетради. Для этого необходимы специальные упражнения по выработке техники и темпа письма.

На каждом уроке, где происходит углубление, развитие, применение знаний, имеет место творческая работа учащихся. Грамотным ученик становится лишь тогда, когда он научился пользоваться словом — составлять сочинения. Решать задачи ученик научится успешнее всего тогда, когда он сам будет уметь составлять их (особенно важно творчество при составлении уравнений). Наши учителя начальных классов проводят специальные экскурсии в поле, в лес, главная цель которых формулируется словами «сумей подметить задачу». Мы убедились, что, если даже самый слабый, трудный и неблагополучный по математике ребенок стал составлять задачи, значит, дело у него пойдет успешно.

Важное место на уроках в начальных классах занимают те виды работ, для которых характерно единство, во-первых, слова учителя, во-вторых, наглядного образа (предмет, картина и др.), который видят дети, и, в-третьих, практической деятельности детей. Начальный этап обучения открывает детям первое окно в мир; все им надо объяснять, показывать, толковать, учить делать. Мы придаем очень большое значение объяснению (разъяснению) с целью создать у детей представление, описанию, толкованию понятия, показу действия (чтение, письмо, трудовой процесс). Во время экскурсий в природу обогащается словарный запас детей — они овладевают словами, выражающими тончайшие оттенки явлений и признаков (например, оттенки цветов, запахов). Учитель объясняет

смысл абстрактных понятий, у каждого учителя начальных классов сложился словарь этих понятий (например, таких, как природа, организм, вещество и др.), и он постепенно разъясняет их детям на все новых и новых фактах.

В начальных классах мы придаем очень большое значение технике чтения, добиваясь, чтобы умственные силы во время чтения сосредоточивались не на процессе чтения, а на содержании прочитанного. На каждом уроке дети слушают образцовое, эмоционально насыщенное, выразительное чтение учителя. Потом они читают сами, причем не только заданное по учебнику, но и полюбившуюся книжку. Многолетний опыт привел наш педагогический коллектив к выводу: чтобы научиться выразительно, бегло, сознательно читать, чтобы, читая, ребенок думал не о процессе чтения, а о содержании прочитанного, ему надо в годы обучения в начальных классах затратить на чтение вслух не менее 200 часов (в классе и дома) и на чтение про себя, глазами, не менее двух тысяч часов. Учителя распределяют эту работу во времени.

В средних классах еще больше возрастает роль осмысливания, развития, углубления знаний в процессе овладения новыми знаниями. В рассказ, описание, объяснение все в большей мере вводятся элементы инструктажа — как работать самостоятельно, и в то же время инструктаж все более начинает занимать особое место как самостоятельный метод. Среднему звену обучения мы придаем исключительное значение в подготовке как к дальнейшему образованию (особенно самообразованию), так и к труду. Рассказ в средних классах отличается от рассказа в младших классах стремлением учителя пробудить у подростков интерес к чтению литературы. Уже в VI—VII классах практикуется самостоятельное чтение как первичное восприятие знаний: детям даются отдельные разделы (средней трудности) для самостоятельного изучения; при этом чтение сочетается с другими методами самостоятельного труда (опыты в лаборатории и на учебно-опытном участке, наблюдения, просмотр дополнительных источников — диаграмм, макетов, таблиц и др.).

На уроках грамматики, математики, физики, биологии важнейшим путем углубленного осмысливания материала является применение знаний. Особенно важно это в тех случаях, когда самая сущность приобретенных знаний заключается в выработке умений, основанных на понимании теоретического материала. В системе работы каждого учителя средних и старших классов выработались пути, формы, приемы сочетания изучения нового материала с применением знаний и умений. Преподаватели грамматики раздают ученикам на уроке индивидуальные карточки со специально подобранным фактическим материалом, анализ которого, углубляя знание ранее изученного и в то же время выявляя знания, подводит к изучению нового материала. У учителей ботаники изучение нового класса или семейства растений начинается с рассматривания живых объектов (стеблей, цветов, корней и т. д.). Учитель физики предлагает задуматься над сущностью того или иного явления, которое ученики наблюдали; при этом анализ нового, непонятного выливается в применение знаний. Учитель истории начинает урок с по-

становки проблемы, в которой есть значительная доля неясного, но в то же время для понимания ее сущности можно применить ранее приобретенные знания.

Особое место в средних и старших классах отводится (обычно в начале урока, когда ученики приступают к овладению новыми знаниями) использованию материала предварительных наблюдений над явлениями природы и процессами труда. Этому методу мы придаем исключительное значение. Например, перед изучением корней растений дети в течение сравнительно длительного времени наблюдают, как развиваются корни у различных растений. Перед изучением видов механических движений (физика) они наблюдают работу машин и механизмов на ремонтно-технической станции, в бригаде дорожного строительства, на строительстве жилого дома, на животноводческой ферме. Учителя дают задание для предварительных наблюдений с таким расчетом, чтобы ученики задумались над причинно-следственными связями явлений. Использование этих наблюдений на уроке и представляет собой раскрытие этих связей. Чем больше подмечено известного и неизвестного, тем активнее умственный труд на уроке.

В средних классах еще большее значение, чем на начальном этапе, приобретает работа, имеющая целью заучивание и сохранение в памяти. Мы добиваемся того, чтобы формулы, обозначения, единицы измерения, особенности и свойства веществ и другие обобщения повторялись в процессе практической работы, связанной как с углублением, развитием, применением знаний, так и с трудом. Стремясь выработать в определенной мере автоматизм умений и навыков, учителя алгебры дают, например, такую систему задач и примеров, решая которые ученик в течение трех-четырех часов повторяет все формулы сокращенного умножения. Преподаватели грамматики дают ученикам такую систему творческих и зрительных диктантов, выполняя которые ученики за годы обучения в V—VIII классах несколько раз повторяют важнейшие орфографические правила. При этом время на повторение формулировки самих правил не выделяется. Подготовка к этим урокам требует перспективности, умения видеть труд учеников в течение года, распределить его, во-первых, во времени, во-вторых, между классной и домашней работой.

В начале учебного года словесники намечают, сколько раз ученики V—VIII классов ежегодно будут выполнять упражнения для припоминания правил, для выработки автоматизма письма. Преподаватели математики и физики каждый учебный год дают ученикам практические задания на местности, в мастерской, на участке, в лаборатории, в ходе которых ученики повторяют единицы измерения, формулы, свойства и другие обобщения. Эти задания связаны с физическим трудом. Так, закладка парников, приготовление траншей и ям для плодовых деревьев, разбивка плодовых и декоративных питомников — все это преследует кроме производственно-трудовых целей также и цель закрепить знания и умения по измерению объемов, площадей. На школьной фабрике удобрений ученики самостоятельно вычисляют процентное отношение различных

веществ, входящих в состав приготовляемых ими удобрений. Ученики, работающие здесь, хорошо знают не только биологию и химию, но и математику. Им на каждом шагу приходится устно вычислять количество и процент веществ. Мы убедились, что лучше всего проценты знает тот, кого заставляет вычислять их повседневный труд.

В средних классах мы придаем большое значение методам показа трудовых и технологических процессов, управления машинами и механизмами, изготовления учебных пособий и приборов. Учителя математики, физики, химии, биологии, астрономии показывают, как пользоваться приборами и пособиями; при этом каждому ученику дается необходимое время для самостоятельной наладки (иногда для размонтирования и монтирования) приборов. Особое место занимает показ в мастерских и на учебно-опытном участке. Овладение трудовым процессом начинается с показа, при котором ученики видят образец мастерского, совершенного труда. На уроках труда ученики VIII класса проходят специальный практикум по управлению двигателем внутреннего сгорания, электромотором, по использованию измерительных приборов. Каждому ученику на годы его обучения в I—VIII классах устанавливается минимум наглядных пособий и приборов, которые он должен изготовить в рабочей комнате, в мастерской, в домашнем рабочем уголке.

Большое значение в средних классах мы придаем таким формам творческого умственного труда, как составление аннотаций на прочитанные книги, элементарные расчеты конструкторского характера, составление рефератов (в VII—VIII классах).

Задача старшего концентра средней школы — дать ученикам широкое политехническое образование, высокую культуру умственного и физического труда, твердые практические умения и навыки, воспитать любовь к труду и к знаниям, подготовить к сознательному выбору специальности. Этим целям соответствуют специфика методов обучения, структура и система уроков, удельный вес самостоятельной работы на уроках и самообразования, характер практического приложения знаний. Общей особенностью всех методов обучения в старших классах является более самостоятельное и более осмысленное по сравнению с начальной и средней ступенями обучения добывание новых и применение уже приобретенных знаний, разнообразие методов и приемов самостоятельного умственного труда и — это характерно лишь для старших школьников — передача знаний и умений как своим ровесникам, так и младшим товарищам. Круг теоретических умений и навыков в старших классах настолько широк, что если бы приобретение знаний на каждом шагу не сочеталось с их применением и передачей, самостоятельными поисками, добыванием, старшеклассники не могли бы успешно учиться.

На первом месте в старших классах у нас стоят методы обучения, в которых ярко выражены следующие черты умственного труда: 1) приложение ранее приобретенных знаний и умений для «добывания» новых знаний; самостоятельный анализ фактов, предметов, явлений с этой целью; 2) самостоятельная выработка умения

применять знания, полученные на уроке; формирование, развитие, углубление необходимых для этой цели умений и навыков; выполнение с этой целью практических заданий — упражнений, расчетов, задач; монтирование действующих моделей машин и механизмов и т. п.; 3) исследование явлений, процессов как в естественных условиях, так и в лаборатории.

В старших классах более ярко выступает зависимость специфики методов обучения от специфики содержания материала и применимости знаний. В начале 50-х годов в старших классах нашей школы сложилось лекционно-лабораторная система уроков*. Главной особенностью этой системы является разнообразное сочетание методов изложения (добывания, обобщения) теоретических знаний и методов практической работы, имеющих целью углубление, развитие, выявление знаний. Это сочетание намечается, планируется при подготовке учителя к системе уроков. Никакой стандартной структуры урока здесь не может быть, невозможно найти что-то универсальное для всех предметов или всех разделов данного предмета. Один раздел (тема) по литературе, истории, математике или физике требует, например, вводного урока, т. е. урока, на котором ученики готовятся к изучению всего материала, входящего в раздел (тему), в другом случае надобность во вводном уроке отпадает.

При лекционно-лабораторной системе уроков большую роль играет метод лекции — исторической, литературной, географической, естественнонаучной. В зависимости от содержания темы и удельного веса практической работы, необходимой для осмысливания, развития, углубления знаний, на лекцию отводится один, два или несколько уроков; остальная часть времени (в пределах темы, раздела) отводится на самостоятельную практическую работу, целью которой — это я считаю необходимым подчеркнуть — является не только углубление, развитие знаний, выработка умений и навыков, но и добывание новых знаний, подготовка к изучению нового материала. В одних случаях лекция охватывает все важнейшие теоретические вопросы темы; в других берется лишь часть материала — лекция преследует цель дать ученикам только образец анализа, научить самостоятельно изучать теоретические вопросы. Лекция первого типа больше характерна для естественнонаучных предметов (особенно для физики, химии), лекция второго типа — для гуманитарных предметов (особенно для литературы).

Предметом особого внимания всего нашего педагогического коллектива является правильная взаимосвязь между лекцией и дальнейшей самостоятельной практической работой. Лекция дает направление для самостоятельной работы, раскрывает не только содержание теоретических вопросов, но и методику исследования, эксперимента, чтения литературы. Особенно большое значение имеет это для основ наук естественнонаучного цикла. У опытного преподавателя физики, химии составной частью лекции является практический показ методов самостоятельной работы.

---

* Общие черты этой системы описаны в книге: Сухомлинский В.А. Система работы директора школы (на укр. яз.). Киев: Радянська школа, 1959.

Особенные черты, свойственные только этому предмету, имеет лекция по математике. На уроках математики у нас лекций в чистом виде, строго говоря, почти не бывает. Слушая изложение теоретического материала, ученики у опытного математика думают над записями (как правило, в черновике), представляющими собой задания (построение, зависимость) для осмысливания закономерностей, о которых идет речь в лекциях. Работая над этими заданиями, ученики применяют знания и умения, приобретенные ранее. Осмысливание лекции выражается, таким образом, в самостоятельной работе, в ходе которой углубляются, развиваются знания.

Особенностью лекций по гуманитарным предметам, в частности по истории, является обобщающий характер изложения материала. Опытные учителя истории выбирают для лекции наиболее важные, коренные вопросы темы, от понимания которых зависит формирование научного мировоззрения. При этом перед учениками ставятся проблемы, которые им предстоит исследовать, уяснить в процессе самостоятельной работы. Например, при повторении темы «Германия в XIX веке» ученики самостоятельно работают над проблемой «Процесс ликвидации феодальных отношений в Германии». В обзорной лекции по этой теме учитель рассказывает, как самостоятельно работать над проблемой, какую литературу использовать.

Особенность лекции по географии — широкое использование дополнительного материала, характеризующего экономические и политические условия развития страны или группы стран.

В лекциях на уроках литературы большое значение мы придаем художественному, эмоционально-эстетическому элементу. Учителя литературы в центре своих лекций ставят анализ художественного образа, стремясь в максимальной мере передать изобразительные средства писателя. В их лекциях часто есть непосредственное обращение к мыслям и чувствам юношей и девушек; учитель пробуждает стремление вдуматься в отдельные общественные явления, в духовно-психологические отношения между людьми. Лекция по литературе часто включает также художественное чтение.

При лекционно-лабораторной системе уроков изучение новой темы может начинаться не с лекции, а с практической работы, выполняемой параллельно в классе и дома; в таком случае лекция учителя (или реферат лучшего ученика) завершает изучение темы. Этот путь целесообразен, в частности, при изучении гуманитарных предметов, особенно литературы. Изучение художественного произведения в ряде случаев начинается с работы над текстом-первоисточником; при этом ученики не только перечитывают наиболее значительные части изучаемого произведения, но и высказывают свои мысли, взгляды, суждения по общественно-политическим, нравственным, эстетическим проблемам, затрагиваемым в произведении. Нередко изучение темы по литературе начинается с диспута (дискуссии). Преподаватели биологии, физики, химии в отдельных случаях перед изучением нового материала предлагают одному из лучших учеников выступить с рефератом. В этом реферате обобщаются понятия, теоремы, выводы, правила, закономерности, которые подводят к изучению нового материала.

Практическая работа, следующая за лекцией (рефератом одного из лучших учеников) или предшествующая ей, осуществляется самыми различными методами и приемами — в зависимости от содержания материала, характера знаний и формы их применения. На уроках математики — это решение задач и примеров, составление задач, графиков, расчетов; практические измерительные работы на местности (или в мастерской, в кабинете, в лаборатории); анализ различных вариантов доказательства теорем, программирование (для моделей с программным управлением); составление характеристик работы машин и механизмов (например, на основе указанных скоростей вращения рабочего вала, редуктора, рабочих органов и т.д.); анализ статистических и других цифровых данных с целью определения закономерностей, выводов; изготовление моделей, иллюстрирующих доказательство теоремы; занятия старшеклассников с юными математиками — наиболее способными учениками младших и средних классов.

Учителя математики добиваются того, чтобы, решая задачи, каждый ученик трудился самостоятельно, осмысливал теоретические обобщения, изложенные в лекции учителя или в реферате их товарища. Для самостоятельной работы подбирается несколько вариантов задач, как правило, четыре. Первые три варианта разной трудности исходят из требований программы. Четвертый же вариант включает что-нибудь выходящее за пределы программы; он дается в расчете на сильных, талантливых учеников, с которыми ведется индивидуальная работа в кружках, а также в расчете на воспитание новых талантов. Дифференциация заданий вызывает у школьников большой интерес, раскрывает их способности, побуждает к соревнованию, помогает учителю изучать и оценивать знания в процессе работы. Ученики стремятся выбрать более трудный вариант и решить задачу оригинальным способом. Часто, справившись с более легким вариантом, ученик берется за более сложный, преодолевает трудности и справляется с работой. Благодаря работе над заданиями в нескольких вариантах у учеников развивается чувство соревнования. Наиболее удачные, оригинальные решения задач помещаются затем в школьном математическом журнале.

В процессе практических занятий, по мере развития, углубления знаний отдельных учеников по данной теме, учитель дает на уроке двум-трем ученикам (иногда четырем-пяти) несколько вариантов заданий с пометкой «зачетные». Ученик выбирает для себя посильный вариант, решает задачу. В отдельных случаях вместе с решением задачи в зачетное задание включается составление новой задачи (чертежа, схемы, расчета, диаграммы). Для всего класса продолжается обучение, а для отдельных учеников происходит учет знаний. К концу изучения большого раздела (темы) оценивают, как правило, знания всех учеников. Тому, кто уже получил отметку, учитель дает более трудные задания из предыдущих разделов (тем) или же предлагает самостоятельно переходить к изучению следующего раздела.

При изучении отдельных тем по математике, физике, химии, биологии как заключительный этап работы проводится урок прак-

тического применения знаний. Цель такого урока — научить учеников самостоятельно пользоваться знаниями в практическом труде, в овладении машинной техникой, в овладении новыми знаниями, в теоретическом исследовании, эксперименте, лабораторной работе. К уроку практического применения знаний учитель готовит учащихся заблаговременно (иногда эта подготовка входит в практическую работу на занятиях, посвященных углублению знаний). Группам учащихся и отдельным ученикам даются задания, связанные с измерениями, составлением расчетов, характеристикой технологических процессов. Так, в процессе изучения по стереометрии темы «Цилиндр и конус» ученикам были даны следующие задания:

1. Измерить объем водонапорной башни; вычислить количество воды, которое можно накачать в нее. 2. Измерить объем земляных работ, выполненных при рытье колодца (цилиндрической формы). 3. Вычислить объем железобетонных столбов — опор для электрификации железной дороги, имеющих форму усеченного конуса. Вычислить количество цемента и металла, нужного для производства тысячи кубических метров этих столбов. 4. Измерить объем и вес нефти в цистерне цилиндрической формы. Определить потери нефти, остающейся после сливания из цистерн на ее стенах. 5. Вычислить отходы металла при изготовлении шестерен из заготовок, имеющих форму усеченного конуса. 6. Вычислить объем и вес металла при изготовлении шестерен из заготовок, имеющих форму усеченного конуса. 7. Вычислить объем и вес металла, идущего в стружку при чистовой обработке детали цилиндрической формы. 8. Исследовать наиболее эффективные конструкции водонапорного бака (в смысле тепловой изоляции в зимнее время); вычислить, сколько необходимо различных материалов для утепления бака.

Выполнив одно или несколько этих заданий (по выбору), ученик пишет отчет. Лучшие решения помещаются в математическом журнале.

Большое значение мы придаем урокам практического применения знаний в сельскохозяйственном производстве. Так, при изучении раздела «Азот и фосфор» ученикам даются задания, связанные с выбором комплекса удобрений для данной почвы, с исследованием жизнедеятельности бактерий, собирающих в почве азот воздуха.

В старших классах важное место занимает эксперимент. Преподаватели биологии, химии, физики уже в начале учебного года намечают разделы программы, по которым ученикам будут даны задания экспериментального характера.

Особое место в лекционно-лабораторной системе занимают уроки, на которых ученики совершенно самостоятельно изучают новый материал. Здесь на первое место выдвигается самостоятельная работа над несколькими источниками; чтение сочетается с исследованием явления в процессе выполнения практических работ.

Лекционно-лабораторная система способствует тому, что ученики сами активно участвуют в добывании знаний. При этой системе ученик, его внутренний духовный мир — это не только объект методики обучения, но и главная сила методики.

Глава 3

УЧИТЬ УЧИТЬСЯ

ДАЙТЕ РЕБЕНКУ РАДОСТЬ УМСТВЕННОГО ТРУДА, РАДОСТЬ УСПЕХА В УЧЕНИИ

Умственный труд ученика, успехи и неудачи в учении — это его духовная жизнь, его внутренний мир, игнорирование которого может привести к печальным результатам. Ребенок не только узнает что-то, усваивает материал, но и переживает свой труд, высказывает глубоко личное отношение к тому, что ему удается и не удается.

NB ***Воспитание любви к знаниям и учению — извечная проблема педагогики. В.А. Сухомлинский сумел решить ее.***

Очевидцы констатировали:

— В Павлышской школе больше всего изумляло то, что десятиклассники на уроках тянут руки, хотят отвечать, как первоклашки. Продвигаясь по лестнице вверх, ребята не утрачивали интереса к знаниям, а, наоборот, расширяли и углубляли его. Это, во-первых. Во-вторых, в Павлыше научились учить всех детей с первого до выпускного класса, не разделяя их на способных и неспособных. Ибо, как подчеркивал В.А. Сухомлинский, от этой очень трудной проблемы никуда не уйти. И наконец, павлышский педагог со всей убедительностью показал всей общественности, что только та школа имеет будущее, которая уважает в ребенке Человека.

К сожалению, сегодня в массовой школе идет обратный процесс. Заметно снижается интерес к знаниям, многие дети остаются на второй год и отсеиваются из школы до ее окончания. Вызывают большую тревогу нравственность школьников, рост правонарушений.

В чем причины, что надо сделать, чтобы учение стало желанным и привлекательным для всех детей?

Одна из причин — ослабление внимания к воспитанию у каждого ребенка с раннего возраста (детсад, начальная школа) любознательности, пытливости, наблюдательности и интереса к окружающему миру, развитию и совершенствованию его мыслительной деятельности и прежде всего техники чтения. Недооценка общего развития ребенка в раннем возрасте создает большие трудности в освоении учебной программы. И как результат этого — потеря интереса к учению.

Не менее важной причиной является и перегрузка школьников учебными занятиями. Многопредметность, большой объем учеб-

ного материала при том, что возможности детей его усвоить не безграничны, несовершенство учебников ставят учителя в условия, когда он, давая новый материал, вынужден сокращать время на его осмысление и закрепление на уроке, увеличивать объем домашних заданий.

Вопреки здравому смыслу появляется тенденция торопливости при изучении учебного материала, когда преобладают пассивные методы обучения, ориентированные на запоминание, а не на развитие способности, интереса и понимания.

При такой системе обучения осваивают учебные программы наиболее способные и старательные дети, но очень часто за счет своего здоровья и многих детских интересов. Большинство же школьников теряют интерес к учебе, а некоторые покидают школу.

Лишь небольшая часть учителей, как правило, наиболее опытных, смелых и независимых, успешно преодолевает проблемы перегрузки школьников и старается привить им интерес к учебе.

И тем не менее система образования развивается. Реальностью становится вариативное образование, образование по выбору, школы переходят на базисный учебный план, вводится региональное содержание образования. Появляются лицеи, гимназии, учебно-воспитательные комплексы.

Правда, эти преобразования пока не стали массовыми. Многие школьники по-прежнему лишены элементарных возможностей, позволяющих учиться с интересом. Думаю, что это обстоятельство заслуживает глубокого изучения и осмысления. Безотлагательной проблемой становится сегодня совершенствование работы начальной школы; создание условий для интересной и здоровой жизни детей, чтобы они не только овладевали знаниями, но и занимались спортом, искусством, творческой деятельностью и любимым делом. Нам нужно не только образованное поколение, но и здоровое, как физически, так и нравственно.

Учитель для маленького ребенка — живое воплощение справедливости. Посмотрите в глаза ученику I класса, получившему неудовлетворительную оценку... Ребенок не только чувствует себя несчастным, но и испытывает чувство неприязни, а нередко и вражды к учителю. Учитель, ставящий двойку по существу за то, что ребенок чего-то не понял, представляется детям несправедливым человеком.

Одна из важнейших воспитательных задач состоит в том, чтобы в процессе овладения знаниями каждый ребенок переживал человеческое достоинство, чувство гордости. Учитель не только открывает мир перед учеником, но и утверждает ребенка в окружающем мире как активного творца, созидателя, испытывающего чувство гордости за свои успехи. Обучение происходит в коллективе, но каждый свой шаг на пути познания дети делают самостоятельно; умственный труд — это глубоко индивидуальный процесс, зависящий не только от способностей, но и от характера ребенка и от многих других условий, часто не всегда заметных.

Дети приходят в школу с открытой душой, с искренним желанием хорошо учиться. Малыша пугает даже мысль о том, что на него могут смотреть как на лодыря или неудачника. Желание хорошо учиться — красивое человеческое желание — кажется мне ярким

огоньком, озаряющим весь смысл детской жизни, мир детских радостей. Этот огонек, слабый и беззащитный, ребенок несет вам, учителю, с безграничной доверчивостью, и если вы не замечаете детского желания, значит, вам недоступно волнующее чувство ответственности за настоящее и будущее своих воспитанников. Этот огонек легко потушить неосторожным прикосновением к детскому сердцу — резким словом, вызвавшим обиду, или же равнодушием. Живительным воздухом для слабенького огонька жажды знаний является только успех ребенка в учении, только гордое осознание и переживание той мысли, что я делаю шаг вперед, поднимаюсь по крутой тропинке познания.

NB ***Дети приходят в школу с большим желанием учиться. Стимулом этого желания, подчеркивает павлышский педагог, является переживание ребенком радости учебного труда, радости успеха в учении. Создание таковых — это, по его твердому убеждению, должно быть первой заповедью для каждого учителя. Ибо «интерес к учению есть только там, где есть вдохновение, рождающееся от успеха». Вот почему В.А. Сухомлинский жизнедеятельность буквально всех составляющих школьного организма напрямую связывал с успехами в учении. Таковые же будут лишь при условии, когда в учении воспитанник «чувствует радость», «обретает человеческую гордость». Важнейшим источником познания, как мы можем убедиться, знакомясь с опытом павлышского педагога, является «переживание и чувствование» учеником того, что знания — это плоды напряжения его человеческого духа, плоды его поиска и творчества. Иными словами, радость познания приходит лишь тогда, когда ребенок «испытывает радость рождения мыслей, постижения истины, углубления в тайны мира», когда ощущает себя мыслителем.***

Напрасный, безрезультатный труд и для взрослого становится постылым, отупляющим, бессмысленным, а ведь мы же имеем дело с детьми. Если ребенок не видит успехов в своем труде, огонек жажды знаний гаснет, в детском сердце образуется льдинка, которую не растопить никакими стараниями до тех пор, пока огонек опять не загорится (а зажечь его вторично — ой как трудно!); ребенок теряет веру в свои силы, застегивается, образно говоря, на все пуговицы, становится настороженным, ощетинивается, отвечает дерзостью на советы и замечания учителя. Или еще хуже: чувство собственного достоинства у него притупляется, он свыкается с мыслью, что ни к чему не имеет способностей. Сердце охватывает гнев и возмущение, когда видишь такого равнодушного, безропотного ребенка, готового терпеливо слушать хоть целый час назидания учителя, абсолютно безразличного к словам товарищей: ты отстающий, ты останешься на второй год... Что может быть безнравственнее, чем подавить в человеке его чувство собственного достоинства!

От того, как ученик относится в годы детства и отрочества к самому себе, каким он видит себя в мире труда, в огромной мере зависит его моральный облик. К. Ушинский писал, что ребенок от природы не имеет душевной лености, он любит самостоятельную

деятельность, хочет все делать сам. Надо научить детей трудиться, научить думать, наблюдать, понимать, что такое умственный труд, что значит хорошо трудиться, — и лишь потом можно ставить оценки за успехи. Ребенок, никогда не познавший радости труда в учении, не переживший гордости от того, что трудности преодолены, — это несчастный человек. Несчастный человек — бóльшая беда для нашего общества, несчастный ребенок — во сто крат большая беда. Я далек от умиления детством; мне не дает покоя то, что уже в годы детства человек нередко становится лодырем, который ненавидит труд, с презрением относится даже к мысли о том, чтобы трудиться в полную меру своих сил. Но почему ребенок становится лодырем? Потому, дорогие товарищи педагоги, что он не знает *счастья труда*. Дайте ему это счастье, научите дорожить им — и он будет дорожить своей честью, будет любить труд.

Дать детям радость труда, радость успеха в учении, пробудить в их сердцах чувство гордости, собственного достоинства — это первая заповедь воспитания. В наших школах не должно быть несчастных детей — детей, душу которых гложет мысль, что они ни на что не способны. Успех в учении — единственный источник внутренних сил ребенка, рождающих энергию для преодоления трудностей, желание учиться.

NB ***Очень важная мысль. Педагог должен стремиться к тому, чтобы каждый его воспитанник пережил хотя бы однажды радость первенства, усматривая в этом важный стимул в преодолении трудностей, посредственности. И если мудрость воспитателя докопается до творческой жилки в каждом воспитаннике, то в школе не будет ни одной посредственности, а значит, в жизни не будет ни одного несчастливого человека, утверждал новатор.***

В успехе в учении педагог видел главный источник внутренних сил ребенка, дающих энергию для преодоления возникающих трудностей и развития желания учиться. Отсюда и первая заповедь в воспитании, сформулированная В.А.Сухомлинским, сводилась к следующему: «Дать детям радость труда, радость успеха в учении, пробудить в их сердцах чувство гордости, собственного достоинства».

Все наши замыслы, поиски и построения превращаются в прах, в безжизненную мумию, если нет детского желания учиться. Оно приходит только вместе с успехом в учении. Получается как будто парадокс: для того чтобы ребенок успевал, надо чтобы он не отставал. Но это не парадокс, а диалектическое единство процесса умственного труда. Интерес к учению появляется только тогда, когда есть вдохновение, рождающееся от успеха в овладении знаниями; без вдохновения учение превращается для детей в тягость. Усидчивость я бы назвал вдохновением, помноженным на уверенность ребенка в том, что он достигнет успеха.

Такое, на первый взгляд, простое дело, как оценка знаний учащихся, — это умение учителя найти правильный подход к каждому ребенку, умение лелеять в его душе огонек жажды познания. В течение 4 лет обучения детей в начальных классах я никогда не ставил

неудовлетворительных оценок — ни за письменные работы, ни за устные ответы. Дети учатся читать, писать, решать задачи. Один ребенок уже достиг положительных результатов в своем умственном труде, другой пока еще нет. У одного уже получается то, чему его хочет научить учитель, у другого еще не получается, но это не значит, что он не хочет учиться. Я оценивал умственный труд лишь тогда, когда он приносил ребенку положительные результаты. Если ученик еще не достиг тех результатов, к которым он стремится в процессе труда, я ему не ставлю никакой отметки. Ребенок должен подумать, собраться с мыслями, еще раз переделать свою работу. <...>

Одни дети стали получать отметки через 4, другие через 6 месяцев после начала школьных занятий. Петрик и Миша получили первые оценки только в начале второго учебного года. С ними я проводил дополнительную работу, добиваясь того, чтобы дети сегодня работали хоть немножко лучше, чем вчера, не теряли веры в свои силы.

Учение — не механическая передача знаний от учителя к ребенку, а прежде всего человеческие отношения. Отношение ребенка к знаниям, к учению в огромной мере зависит от того, как он относится к учителю. Если ученик почувствовал несправедливость, он потрясен. А неудовлетворительную оценку маленькие дети всегда считают несправедливостью и глубоко переживают ее, потому что почти никогда не бывает так, чтобы ребенок не хотел учиться. Ему хочется учиться, но он не умеет, у него еще нет способности сосредоточиться, заставить себя работать.

NB ***Эмоциональное пробуждение — гениальная находка Сухомлинского. С помощью этого метода павлышские учителя, обращаясь к чувству детей, пробуждали их ум. Новатор опроверг мнение о том, что путь «знания учителя — знания ученика» наиболее верный и краткий. «Знания учителя — чувство учителя — чувство ученика — знание ученика» — такой путь намного облегчает усвоение знаний. Чувства, являясь проводником знаний, делают учебный процесс намного продуктивнее.***

Если же дитя переживает несправедливость и сегодня, и завтра, и так в течение всего года, его нервная система вначале возбуждается, затем наступает торможение — угнетенность, ослабленность, апатия. Резкие скачки — возбуждение и торможение — приводят к тому, что ребенок заболевает. Это странные, с первого взгляда, заболевания — школьные неврозы, или дидактогении. Парадоксальность дидактогений заключается в том, что они бывают только в школе — в том священном месте, где гуманность должна стать важнейшей чертой, определяющей взаимоотношения между детьми и учителем. Дидактогении — детище несправедливости. Несправедливое отношение родителей или учителя к ребенку имеет множество оттенков. Это прежде всего равнодушие. Нет ничего опаснее для становления нравственных и волевых сил ребенка, чем безразличие учителя к его успеваемости. Затем — окрик, угроза, раздраженность, а у людей, не обладающих педагогической культурой, — даже зло-

радство: вот ты не знаешь, давай сюда дневник, я тебе поставлю двойку, пусть родители полюбуются, какой у них сын...

Я в течение нескольких лет изучаю школьные неврозы. Болезненная реакция нервной системы на несправедливость учителя у одних детей приобретает характер взвинченности, у других — это мания несправедливых обид и преследований, у третьих — озлобленность, у четвертых — напускная (деланная) беззаботность, у пятых — безучастность, крайняя угнетенность, у шестых — страх перед наказанием, перед учителем, перед школой, у седьмых — кривлянье и паясничанье, у восьмых — ожесточенность, принимающая иногда (очень редко, но это нельзя игнорировать) патологические проявления. Предупреждение дидактогений зависит от педагогической культуры родителя и учителя. Самой главной чертой педагогической культуры должно быть ч у в с т в о в а н и е духовного мира каждого ребенка, способность уделить каждому столько внимания и духовных сил, сколько необходимо для того, чтобы ребенок почувствовал, что о нем не забывают, его горе, его обиды и страдания разделяют.

Для ребенка наибольшей несправедливостью со стороны учителя является то, что учитель, поставив несправедливо, по его глубокому убеждению, неудовлетворительную оценку, стремится еще и к тому, чтобы за эту оценку его наказали родители. Если ребенок увидел, что учитель обязательно хочет сообщить родителям о двойке, он ожесточается и против учителя, и против школы. Умственный труд становится для него ненавистным. Огрубение чувств переносится на отношения с другими людьми и прежде всего с родителями.

Трудно представить что-либо другое, в большей мере уродующее душу ребенка, чем эмоциональная толстокожесть, порожденная несправедливостью. Испытывая безразличное к себе отношение, ребенок теряет чуткость к добру и злу. Он не может разобраться, что́ в окружающих его людях доброе и что́ злое. В его сердце поселяется подозрительность, неверие в людей, а это — самый главный источник озлобленности.

В среде педагогов сейчас можно нередко услышать разговоры о поощрении и наказании. Рождаются и умирают, как однодневные мотыльки, заманчивые теории... А между тем самое главное поощрение и самое сильное (но не всегда действенное) наказание в педагогическом труде — это оценка. Это наиболее острый инструмент, использование которого требует огромного умения и культуры.

Чтобы иметь право пользоваться этим инструментом, надо прежде всего любить ребенка. Не говорить ему о своей любви, а выражать любовь в заботе о нем. «Если учитель имеет только любовь к делу, он будет хороший учитель. Если учитель имеет только любовь к ученику, как отец, мать, он будет лучше того учителя, который прочел все книги, но не имеет любви ни к делу, ни к ученикам. Если учитель соединяет в себе любовь к делу и к ученикам, он — совершенный учитель»*, — писал Л. Толстой.

---

* *Толстой Л. Н.* Полн. собр. соч. М.: ГИХЛ. Т. 4. С. 26.

Душевная чуткость — это качество, которое невозможно достигнуть только обучением. В основе человеческой чуткости педагога лежит общая интеллектуальная, нравственная, эстетическая и эмоциональная культура в их органическом единстве, а это единство достигается и образованностью, и общественным опытом нравственных отношений в коллективе. Учитель должен знать и чувствовать, что на его совести — судьба каждого ребенка, что от его духовной культуры и идейного богатства зависят разум, здоровье, счастье человека, которого воспитывает школа.

...Урок грамматики во II классе. После изучения правила и разбора упражнений дети выполняют самостоятельную работу, цель которой — углубление знаний и в то же время контроль. За работу ставятся оценки. Проверив тетради, я вижу, что Миша и Петрик плохо выполнили задание. Если бы я поставил двойку, дети, всеми силами желающие хорошо учиться, восприняли бы ее как приговор: «Ваши товарищи сделали шаг вперед, а вы остались на месте». Исправив ошибки, дав образцы красивого письма, я не ставлю Мише и Петрику никаких оценок. Раздавая тетради, говорю детям: Миша и Петрик еще не заработали оценки. Надо вам, дети, хорошо потрудиться. Выполните самостоятельно другое упражнение. Постарайтесь заработать оценку.

Дети уже привыкли к тому, что за неудовлетворительную работу нет оценки. В их сознании постепенно складывается убеждение в том, что выполненное задание не является пройденным этапом, завершившимся окончательным «приговором» учителя. Перед ребенком не закрывается дорога к успеху: то, что он не смог сделать, он сделает в будущем, может быть, уже сегодня или завтра. Миша и Петрик не переживают того чувства обреченности, когда ребенок, получив неудовлетворительную оценку, остается как бы на шаг сзади от своих товарищей. Здесь же, на уроке, ребята просят: «Дайте, пожалуйста, упражнение». Я даю. В течение школьного рабочего дня они находят время выполнить его (рабочий день у нас регламентируется таким образом, что каждый ученик ежедневно имеет в своем распоряжении полчаса для выполнения той работы, которую считает нужным сделать в первую очередь). Мальчики стараются изо всех сил, чтобы заработать оценку, доказать, что они не хуже других. Проверяю работу — она, как почти всегда в таких случаях, заслуживает положительной оценки.

Бережливо пользоваться оценкой как стимулом, побуждающим к труду, особенно важно в тех случаях, когда учебное задание требует творческих умственных усилий, размышления, исследования. У одного процесс мышления протекает быстро, стремительно, у другого — медленно, но это не значит, что один ребенок умнее другого или трудится больше, чем другой. Уроки арифметики в начальной школе, решение задач — это пробный камень первой заповеди воспитания: дать ребенку радость успеха в умственном труде, пробудить у него чувство гордости и достоинства. И надо добиваться того, чтобы первые трудности не стали для ребенка камнем преткновения. Я не ставил оценок за решение задач до тех пор, пока дети не научились самостоятельно думать, разбираться в

условиях задания, находить путь к его выполнению — другими словами, пока не пережили радости успеха в этом труде. Здесь особенно недопустим шаблонный подход: один ребенок за месяц может получить три оценки по арифметике, а другой — ни одной, но это не значит, что другой ученик ничего не делает и не продвигается вперед. Он учится понимать задание, и первая сравнительно сложная арифметическая задача, которую ученик решил самостоятельно, — важная ступенька в развитии ребенка.

Уже много лет я внимательно присматривался к ученикам, не успевающим по математике, и убедился, что в начальных и средних классах отстающие никогда не решают самостоятельно ни одной задачи. Они как бы плывут за волной, ставят ногу в то место, куда уже стали их товарищи: списывают готовое с доски или у соседей по парте, но, по существу, не представляют себе, что такое самостоятельное выполнение задания.

Нельзя устранить этого зла поисками каких-то приемов совершенствования дидактического мастерства. Умственный труд на уроках математики — пробный камень мышления. Причина зла в том, что ребенок не научился думать; окружающий мир с его вещами, явлениями, зависимостями и взаимосвязями не стал для него источником мысли. Опыт подтверждает, что в классе не будет ни одного неуспевающего по математике ребенка, если «путешествия» в природу уже в раннем детстве станут подлинной школой умственного труда. Вещи должны учить ребенка мыслить — это исключительно важное условие того, чтобы все нормальные дети были умными, сообразительными, пытливыми, любознательными. Я советовал учителям: если ученик не понимает чего-то, если его мысль бьется беспомощно, как птица в клетке, присмотритесь внимательно к своей работе: не стало ли сознание вашего ребенка маленьким пересыхающим озерцом, оторванным от вечного и животворного первоисточника мысли — мира вещей, явлений природы? Соедините это маленькое озерцо с океаном природы, вещей, окружающего мира, и вы увидите, как забьет ключ живой мысли.

Но было бы ошибкой считать, что окружающий мир сам по себе научит ребенка думать. Без теоретического мышления вещи останутся скрыты от глаз детей непроницаемой стеной. Природа становится школой умственного труда лишь при условии, что ребенок отвлекается от окружающих его вещей, абстрагирует. Яркие образы действительности необходимы для того, чтобы ребенок научился познавать взаимодействие как важнейшую черту окружающего мира. <...>

Самостоятельный умственный труд в процессе решения задачи дает плоды еще и тогда, когда в памяти ребенка постоянно и прочно хранятся обобщения, без которых немыслимо мышление (таблица умножения, состав натурального ряда чисел).

Петрик долго не мог понять смысла (условия) арифметической задачи. Я не спешил с объяснением. Главное — чтобы мальчик напряжением собственных умственных усилий понял сущность взаимозависимостей между вещами и явлениями. Но живая мысль не забьет ключом, если ребенок не подготовлен к теоретическому мыш-

лению, не умеет сравнивать, анализировать. Я вел детей в природу, учил снова и снова наблюдать, сопоставлять вещи, качества, явления — учил видеть взаимодействие. Обращал внимание Петрика на те явления окружающего мира, которые формируют в детском сознании представление о величине, числе как об одном из важнейших качеств предметов. Добивался того, чтобы ребенок понял числовые зависимости, убедился в том, что они не придуманы кем-то, а существуют реально. Здесь очень важно не то, чтобы ученик сразу же научился вычислять, оперировать цифрами, — он должен осмыслить самую сущность зависимостей.

Вот мы сидим в курене на баштане и наблюдаем, как комбайн убирает пшеницу. Время от времени от комбайна отходит машина с зерном. За сколько минут наполняется бункер комбайна? Дети с интересом смотрят на часы, оказывается — за 17 минут. Как же люди рассчитали свою работу так, что комбайн не останавливается? До наполнения бункера осталось 5, 4, 3 минуты — дети встревожены: наверное, комбайн все-таки остановится. Осталось 2 минуты, и вот из-за леса выезжает автомашина. А до заготовительного пункта она едет ровно час. Значит, люди рассчитали зависимость между расстоянием и временем. Поставили на вывозку зерна как раз столько машин, сколько надо для безостановочной работы комбайна. А если бы к заготовительному пункту машина шла не час, а два часа, больше или меньше автомашин надо было бы поставить на вывозку зерна?

— Конечно, больше, — говорит Петрик, и глаза его радостно горят. — Ведь сейчас в пути постоянно находятся три автомашины, да одна нагружается, а одна разгружается на пункте. А если бы дорога была длиннее, то больше машин находилось бы в пути.

Ребенок напрягает умственные усилия, я вижу, что он уже думает над тем, сколько машин понадобилось бы, если бы дорога была в 2 раза длиннее. Но не это сейчас главное. Главное — он понял, что задача — не пустая выдумка. Задачи существуют в окружающем мире, потому что существуют движение, жизнь, человеческий труд.

Петрик уже перешел в III класс, но с задачами у него пока что ничего не получается. Он еще не решил самостоятельно — без помощи товарищей или учителя — ни одной задачи, и это меня тревожит. Но я все-таки верю, что мальчик научится думать. Я готовлю его к абстрагированию не только путем мысленного анализа явлений, которые являются основой арифметической задачи. Мыслитель, не умеющий считать, не может овладевать знаниями. Очень важно, чтобы у Петрика постепенно закреплялись в памяти элементарные вещи, без которых невозможно мышление. Мальчик усаживается за «арифметический ящик» и тренируется, проверяет себя. Я внимательно слежу за тем, чтобы ученик не думал над тем, сколько будет $12 - 8$, $19 + 13$, $41 - 19$ (если в III классе ученик будет думать над этим, то он не сможет понять задачу).

Жизнь убедила меня в том, что нередко ученик оказывается бессильным перед алгеброй лишь потому, что не осмыслил состава натурального ряда чисел, не осмыслил до такой степени, чтобы не задумываться больше над элементарными вещами, а все силы свое-

го ума направить на абстрактное мышление. Как чтение не может стать полуавтоматическим процессом, если ребенок тысячи раз не прочитал слогов, из которых состоят слова, так и абстрактное математическое мышление останется для ученика книгой за семью печатями, если он не запомнил десятки, сотни примеров, над которыми люди в повседневной практике никогда не задумываются, потому что ответы на эти примеры запомнились навсегда. Я добивался, чтобы тугодумы, и в первую очередь Петрик, овладели как можно большим количеством простейших инструментов математического мышления — примеров на сложение, вычитание, умножение, деление.

Мы идем в природу, я обращаю внимание мальчика на множество задач, которые люди решают в процессе труда. И вот пришел день, в который я твердо верил: Петрик решил задачу совершенно самостоятельно. У мальчика загорелись глаза, он стал объяснять, о чем идет речь в задаче, его объяснение было сбивчивым, но я видел, что перед ребенком, наконец, открылось то, что было покрыто мраком. Петрик был рад. Я тоже вздохнул с облегчением: наконец-то. Мальчик не мог дождаться окончания уроков, побежать домой, чтобы поделиться радостью с матерью. Матери не было дома. «Я сам решил задачу», — радостно сказал он дедушке. Петрик гордился своим успехом, а чистая нравственная гордость — это родник человеческого достоинства. Без гордости за свой труд нет настоящего человека.

Этот случай был предметом раздумий в нашем педагогическом коллективе. Мы в ином свете увидели тех детей, которым трудно дается учение. Никогда нельзя спешить с окончательным и категорическим выводом: у ребенка ничего не получится, такова уж его судьба. Год, два, три года у него что-нибудь может не получаться, но придет время — получится. Мысль — как цветок, который постепенно накапливает жизненные соки. Дадим же корням эти соки, откроем перед цветком солнце — и он расцветет. Будем учить ребенка думать, откроем перед ним первоисточник мысли — окружающий мир. Дадим ему величайшую человеческую радость — радость познания. <...>

Нельзя допускать, чтобы оценка превращалась для ребенка в оковы, сковывающие его мысль. Я всегда давал возможность самому слабому ученику, самому, казалось бы, безнадежному тугодуму подумать над тем, что у него пока не получается. У детей никогда не пропадал интерес к учению. Пробуждая чувство гордости, чести, собственного достоинства, я добивался того, что дети стремились работать самостоятельно.

Дать ребенку подумать... — это далеко не такое простое дело, как кажется с первого взгляда. Присмотритесь хорошенько к умственному труду учеников I—IV классов — и вы увидите, что в подавляющем большинстве случаев (бывает — почти всегда) ребенок не дал ответа на ваш вопрос (или не выполнил задания) просто потому, что он не успел подумать, сосредоточиться (а бывает иногда и так, что вопрос застал врасплох, как бы ошеломил ребенка). Мы, учителя начальных классов, специально собирались посоветовать-

ся о том, как дать возможность ребенку подумать. Пришли к заключению: никогда нельзя спешить с выводом — знает или не знает ребенок. Часто бывает так: учитель сказал ребенку: «Садись, не знаешь!» Ребенок сел и в то же мгновение у него все в голове «прояснилось» — оказывается, он все знает... Он в большой обиде на учителя. Почему это так происходит? Мы не могли сразу же найти ответ на этот вопрос. Надо было наблюдать, наблюдать и еще раз наблюдать, изучать множество фактов.

Ребенок, достигнув цели напряжением воли и мысли, чувствует отвращение к подсказке, шпаргалке, списыванию. Между мной и детьми всегда были отношения взаимного доверия и доброжелательности. Ученик никогда не боялся сказать мне, что у него что-нибудь не вышло, сколько он ни бился над заданием. Все свои сомнения, радости и горести дети несли учителю. Я никогда не был для ребенка вестником горя — а ведь неудовлетворительная оценка — это для него большое горе. Как извращается детская душа, когда учитель чуть ли не ежедневно говорит ребенку: «У тебя двойка». Как мало нужно ребенку горя, чтобы он чувствовал себя несчастным. Трагедия усугубляется тем, что маленький человек, привыкая к своему горю, становится равнодушным ко всему окружающему, его сердце черствеет. А черствое сердце — это благодатная почва для жестокости. Если в классе есть несчастные дети и товарищи не стремятся облегчить их участь, никогда не будет хорошего, дружного, доброжелательного коллектива.

Но нельзя допускать и того, чтобы оценка баловала учащихся, как это, к сожалению, нередко бывает в школах. Сказал ребенок слово — ему уже ставят пятерку. Нередко бывает, что один и тот же вопрос ставится нескольким ученикам, и каждый из них получает отметку. В результате у детей складывается легкомысленное отношение к учению. Ребенок всегда должен осознавать оценку как результат умственных усилий.

Ученик должен убедиться в том, что умственная деятельность — это труд, требующий больших усилий волевой сосредоточенности, умения заставить себя отказаться от многих удовольствий. Именно в атмосфере труда формируются настойчивость, сила воли. Ребенок, который научился критически относиться к достигнутым результатам, пережил неудовлетворение своей работой и стремится сделать ее лучше, никогда не станет лодырем.

Познавая на собственном опыте, как достигаются успехи в умственном труде, дети приучаются к самоконтролю. Привычка упорно трудиться, добиваться лучших результатов воспитывает у ребенка нетерпимость к небрежно выполненной работе, к безделию и нерадивости.

Когда для детей радость труда, успеха в учении является главным стимулом, побуждающим к учению, то в классе нет лодырей. Подлинные мастера воспитания редко прибегают к борьбе с отдельными лодырями, они борются с ленью как следствием спячки ума.

Система, в основе которой лежит оценка только положительных результатов умственного труда, постепенно внедрялась в работе всех учителей начальных, средних и старших классов. У читателя может

возникнуть вопрос: а как же быть в конце четверти или учебного года, если окажется, что у учащегося нет оценки по какому-нибудь предмету? В том-то и дело, что отсутствие оценки для ребенка несравненно бóльшая беда, чем двойка. В сознании ученика утверждается мысль: если у меня еще нет оценки, значит, я еще не потрудился как следует. Поэтому у нас почти не было таких случаев, чтобы к концу учебного года ученик не имел оценок. За 4 года я 6 раз не поставил детям оценки в конце четверти. Родители знают: если у сына или дочери в дневнике нет оценок — значит, не все благополучно. Знают они и то, что отсутствие оценок — это не вина ребенка, а его беда. А в беде надо помогать. И мы совместно помогаем ученику. Я убедил родителей, чтобы они никогда не требовали от детей самых высоких оценок, не рассматривали неудовлетворительную оценку как показатель лени, нерадивости, недостаточного усердия.

С оценкой — этим тонким педагогическим инструментом — отдельные учителя обращаются бездумно. Во многих школах к тройке сложилось отношение как к чему-то предосудительному. «Будем учиться без троек!» — эти призывы раздаются не только на пионерских сборах. Их можно прочитать и в детских газетах. Поощряя такое отношение к удовлетворительным успехам в учении, учитель, по существу, рубит сук, на котором сидит: воспитывает у детей верхоглядство, легкомыслие.

Во II классе, через несколько недель после начала учебного года, дети завели дневники, в которые записывали оценки, полученные на уроках. И не было ни одного случая, чтобы ребенок пытался скрыть от родителей оценку. Иначе и быть не может, если оценка отражает радости успеха. Никакой подписи учителя в дневнике не надо — это остаток старой школы с ее атмосферой взаимного недоверия и подозрительности между учителем и учеником. Если в классе нет взаимного доверия, если ребенок пытается обмануть учителя, если оценка превращается в кнут, которым взрослые подгоняют ребенка, — рушится сама основа правильного воспитания.

С несправедливо поставленной двойки начинается одно из самых больших зол школы — неправдивость ребенка, обман и учителя и родителей. К каким только ухищрениям ни прибегают дети, чтобы скрыть от матери и отца свои неудачи в школе, а от учителя — нерадивость. Чем больше недоверия к ученику, тем больше ребенок проявляет изобретательности в обмане, тем благоприятнее почва для лени и нерадивости. Лень — это дитя недоверия. Тот, кого я учу, — это прежде всего живой человек, ребенок, а потом — ученик. Оценка, которую я ставлю ему, — это не только измеритель его знаний, но прежде всего мое отношение к нему как к человеку.

Я советую всем учителям: берегите детский огонек пытливости, любознательности, жажды знаний. Единственным источником, питающим этот огонек, является радость успеха в труде, чувство гордости труженика. Вознаграждайте каждый успех, каждое преодоление трудностей заслуженной оценкой, но не злоупотребляйте оценками. Не забывайте, что почва, на которой строится ваше педагогическое мастерство, — в самом ребенке, в его отношении к

знаниям и к вам, учителю. Это — желание учиться, вдохновение, готовность к преодолению трудностей. Заботливо обогащайте эту почву, без нее нет школы.

ЛЮБОВЬ К ЗНАНИЯМ, К ШКОЛЕ, К УЧИТЕЛЮ

У входа в науку, как и у входа в ад, должно быть выставлено требование: «Здесь надо, чтоб душа была тверда: здесь страх не должен подавать совета» (*Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. 13. С. 9). **Будь мыслителем. Умей думать читая и читать думая. Будь искателем и пытливым добывателем знаний. Мышление — это самый сложный труд. Знания тебе даются в школе для того, чтобы ты умел добывать новые знания. Живи в мире мыслей, постигай идеи. Кто остерегается идей, теряет в конце концов и понятия** (см.: *Гете И.* Избр. философские произв. М., 1964. С. 349).

Cogito, ergo sum (думаю, значит, существую). Жить без мысли — влачить жалкое существование. День без мысли, без чтения — напрасно прожитый день. Расточительство времени — расточительство бесценных богатств человеческой жизни. Опасайся в юные годы пустоты души, легкости в мыслях, дешевых развлечений. Презирай все, в чем минимум напряжения и максимум удовольствия. Легкие удовольствия в конце концов несут убогость мысли и души.

Незаменимым источником знаний и неисчерпаемым источником твоего духовного богатства является книга. Создавай свою библиотечку. Умей не только читать, но и перечитывать. Чтение — это труд, творчество, самовоспитание твоих духовных сил, воли.

NB ***Василий Александрович добивался, чтобы чтение и раздумья над книгой становились интеллектуальной потребностью каждого воспитанника, рассматривая этот процесс как один из путей развития тяги к учению, стремления овладеть новыми знаниями, как эффективное средство в решении проблемы «учить детей учиться».***

Среди значительной части практиков укоренилось мнение, что якобы для облегчения учения слабоуспевающих детей надо несколько снизить им планку умственного труда. Подчас таким ученикам говорят: «Вам хотя бы учебник осилить, не отвлекайтесь на чтение другой литературы». У Сухомлинского на сей счет была диаметрально противоположная точка зрения: «Не дополнительные занятия, не бесконечное «подтягивание», а чтение, чтение и еще раз чтение — вот что играет решающую роль в умственном труде тех, кому трудно учиться». (Избр. произв.: В 5 т. — Киев, 1979. Т. 2. С. 507). Вот оно умение — найти то основное звено, за которое можно вытащить всю цепь!

Никогда не откладывай работу на завтра. Заставь себя сделать сегодня часть того, что надо сделать завтра. «Если хочешь, чтобы у тебя было мало времени, ничего не делай» (*Чехов А.П.* Полн. собр. соч. М., 1949. Т. 12. С. 260).

Вызывает удивление примитивный взгляд некоторых педагогов на труд и трудовое воспитание. Кое-кому кажется, что труд начи-

нается там, где человек взял в руки лопату или веник. Неправильный взгляд на сущность труда, проникающий в практику, приносит большие беды: к лопате и венику, к плугу и рулю трактора у подростков возникает пренебрежительное отношение, потому что они не познали (с самых первых дней своего пребывания в школе) всей многогранности труда. Труд — это не только лопата и плуг, но и мысль. Как важно, чтобы питомцы наши постигли на собственном опыте, что мысль — это нелегкий труд и как раз его сложность, трудность и приносит человеку большую радость. Гармония умственного и физического труда — вот благодаря чему можно воспитать у детей, подростков, юношей и девушек искреннее стремление быть умным, образованным, культурным. Воспитывать гражданина уже за школьной партой — это значит учить детей, подростков, юношество по-ленински добывать знания, по-ленински сосредоточиваться. Я считаю исключительно важной воспитательной задачей пробудить в юных сердцах восхищение ленинским трудолюбием, верностью подлинной науке, любовью к книге. В условиях осуществления общего среднего образования особенно важно, чтобы наши воспитанники на собственном опыте убеждались, что *трудно* — это не только *нужно*, но и прекрасно, восхитительно.

В каждой школе на видном месте я бы написал слова К. Маркса, сравнивающие вход в науку с входом в ад. Не для запугивания, а для воспитания мужества мыслителя. Воспитание действительно просвещенных людей — это дух истинного труда в школе, дух пытливой и настойчивой, ищущей и беспокойной мысли. Мы всегда культивируем, всячески поддерживаем, углубляем мысль и претворяем ее в убеждение: чем труднее учиться, тем почетнее быть победителем в преодолении трудностей. Прочные знания по математике, физике, химии — это в наше время острое оружие в руках патриота: только этим оружием можно в наши дни утверждать честь и достоинство нашего социалистического Отечества; идти в битву идей без знаний или с плохими знаниями — это значит быть не только плохим солдатом, но и плохим патриотом. Уместно вспомнить слова А.М. Горького: «Патриотом быть не худо, вовсе не худо, но — быть тупым и глупым патриотом — это беда! И всегда необходимо помнить, что «чужой дурак — нам веселье, а свой — бесчестье» (*Горький М.* Письма к сыну // Комс. правда. 1968. 21 марта). Разговоры об идейном воспитании превратятся в болтовню, если не будет влюбленных в математику и физику, химию и биологию.

В юной душе не должна даже зародиться мысль о том, что учение — легкое дело. Подросткам, юношам и девушкам — зачастую так бывает — очень трудно учиться потому, что в их жизни был очень длительный период, когда им учиться было очень легко. Для того чтобы учиться было легко (в том смысле, что трудности учения преодолеваются настойчивым трудом), надо, чтобы учиться было трудно, чтобы человек не стремился идти легким путем, обходя трудности.

Ежедневно, на каждом уроке ученик должен что-то добывать своими усилиями — это не только правило дидактики, но и важная закономерность воспитания. У лучших учителей желание питомцев

узнать и знать никогда не угасает потому, что они всегда чувствуют себя добывателями знаний, переживают чувство гордости оттого, что они, думая, работают. Если вы хотите, чтобы ученик никогда не потерял интереса к знаниям — а только при этом условии он не просто ваш ученик, но ваш воспитанник, — умейте утвердить отношение к думанью, к мысли как к труду. Если вам удастся этого достигнуть, знания станут самим существом вашего питомца, а вы, преподаватель своего предмета, станете талантливым воспитателем. Кое-кому думается, что правильное воспитание на уроках арифметики уже достигается решением задач, в которых речь идет о перевыполнении планов (о чем решать задачи — это очень важно, но это далеко не все). А в одной школе решили даже проводить «ленинские диктанты» и «ленинские пятиминутки» на уроках литературы. Припомним, как Владимир Ильич ненавидел политическую трескотню, голую фразу. Нельзя допускать, чтобы великое, святое опошлялось игрой, трескотней. Единство обучения и воспитания в том, что человеку хочется овладевать знаниями, хочется отдать свои знания людям, обществу, народу. Это самые тонкие, нежные и чуткие корни единства обучения и воспитания. Если их нет, не может быть ни идейности, ни политической заостренности знаний.

NB ***Проблема правильного отношения к умственному труду сегодня особенно актуальна. К сожалению, неумелый переход к рыночным отношениям нанес непоправимый ущерб умственному труду, обесценил его, поставил экономику и культуру России на грань катастрофы. Необходим поиск включения знаний в духовную жизнь коллектива в целях «...воспитания долга и дисциплины, дружбы и ответственности».***

Мышление становится трудом только тогда, когда в школе создаются взаимоотношения, при которых знания не мертвый, неподвижный багаж, все время накопляемый и сохраняемый. Знания должны быть в движении, входить в духовную жизнь коллектива, затрагивать отношения долга и дисциплины, дружбы и ответственности. За партой сидят люди с паспортами и свидетельствами призывника — они должны чувствовать себя завтрашними тружениками и воинами, отцами и матерями. Многие беды школьной жизни, в частности нежелание отдельных подростков и юношей овладевать знаниями, лень, безделье, имеют своим источником осознание того, что знания существуют независимо от гражданской жизни ученического коллектива, от взаимоотношений школы и трудовых коллективов взрослых, школы и общества. Мы стремимся, чтобы юноши и девушки не только овладевали знаниями, но и делились ими в своем коллективе: читали доклады, рефераты своим товарищам, шли с докладами и лекциями в коллективы взрослых тружеников, тракторную бригаду и на животноводческую ферму, в поле. Мы считаем успехом воспитательной работы, когда отношения дружбы, товарищества строятся на общности умственных интересов. Интеллектуальная жизнь ученического коллектива — это еще очень малоисследованный вопрос школьного воспитания. Лишь при том условии, если в школе богатая умственная жизнь коллектива, если знания живут во взаимоотношениях, можно говорить о

выработке настоящих убеждений. Убеждения не передаются механически вместе с знаниями, не задаются домой одновременно с соответствующими параграфами учебника, не заучиваются и не запоминаются — они вырабатываются и только вырабатываются. Богатая, многогранная, идейно насыщенная интеллектуальная жизнь коллектива является тем воздухом, на котором держатся крылья убеждений.

Но и интеллектуальная жизнь становится воспитательной силой лишь там, где в школе царит дух труда. *Трудовая жизнь* в годы детства, отрочества и ранней юности — одно из важнейших условий того, чтобы в стенах школы формировался гармонический человек.

Речь идет не просто о выполнении определенной нормы труда, а о трудовой жизни. Подлинное воспитание немыслимо без жизни в мире труда. Труд лежит в основе и нравственного, и эстетического, и эмоционального воспитания. Те взаимоотношения в коллективе, которые мы называем интеллектуальной жизнью, это тоже прежде всего труд. Первую заповедь коммунистического воспитания мы видим в том, чтобы человек уже в годы детства постиг истину: без труда немыслима жизнь. Вывести маленького человека на дорогу гражданской жизни можно только тропинкой труда. Первое понятие о коллективе формируется и утверждается благодаря тому, что дети объединяют свои усилия для того, чтобы вырастить сад или виноградник, дубовую рощу или плодопитомник, *создать* несколько десятков квадратных метров плодородной почвы или защитить гектар чернозема от эрозии. Благодаря духу труда в школе живут трудовой коллектив, трудовые отношения. И умственная жизнь коллектива становится богатой благодаря тому, что идея труда для людей, общества, народа одухотворяет коллективную мысль, коллективные стремления. Нет трудового коллектива — ученики ваши никогда не станут вашими воспитанниками. Жизнь убеждает, что человек становится в полном смысле этого слова воспитанником лишь тогда, когда он имеет трудовые интересы, а трудовые интересы личности немыслимы без коллективного одухотворения трудом для общества.

Только тогда, когда коллектив воспитанников держится на трудовой жизни, каждый осознает себя как частицу общества. Понятия о долге и ответственности не могут утвердиться иначе, как через труд, в котором есть идея — материальный результат, дающий людям жизнь, добро, радость, есть напряжение усилий, есть усталость и пот. Здесь мы подходим к важнейшей закономерности воспитания действительно просвещенных людей: только тогда, когда человек на собственном опыте постиг, что такое долг и ответственность, он может выработать свои убеждения, взгляды, свою трудовую позицию. Трудовая жизнь коллектива — это тысячи нитей долга и ответственности, идущих от человека к человеку. Труд делает эти нити прочными и неразделимыми. От того, насколько прочно связывают эти нити людей, зависит и характер интеллектуальной жизни коллектива.

Отрочество и юность — возраст мечты о будущем. Подросток, юноша, мысленно строя свое счастье (а умение благородно строить

счастье в мыслях — это тоже очень большое духовное богатство молодого человека), видит свой идеал в труде на благо Отечества. Учить мечтать так, чтобы идеал личный гармонически сливался с идеалом общественным, — это в наши дни одна из самых сложных проблем воспитания юношества. Вершина мастерства воспитателя в том, чтобы знания, мысль, способность, талант, труд, творчество каждого сидящего ныне за партой юного гражданина, как ручеек, питали полноводную реку — наше любимое Отечество: чтобы, отдавая свой ум, мудрость, трудолюбие во имя великих идеалов коммунизма, каждая человеческая личность находила в этом свое счастье.

Как практически решать эти сложные воспитательные задачи? Как достигнуть того, чтобы питомец наш уже в годы раннего отрочества стремился к трудному и презирал путь наименьшего сопротивления? Настоящий умственный труд требует большой духовной твердости, настойчивости, несгибаемости. Чтобы мысль стала привлекательным трудом, чтобы человек чувствовал *роскошь и великолепие* мышления, он должен *властвовать над собой*. А властвовать над собой ваш питомец сможет лишь тогда, когда вы, воспитатель, — его единомышленник, когда ваша умственная жизнь, ваши интеллектуальные интересы для него — путеводная звезда. Многолетний опыт убедил, что властвовать над умами и волей, поднять человека на такую вершину нравственного развития, чтобы он сам властвовал над собственной волей, воспитатель сможет, только убедив в *привлекательности трудного*. Я властвую над думами и волей своих питомцев своими убеждениями, мыслью и книгой. Других способов и средств воспитать веру в авторитет воспитателя, уважение, почитание учительского труда, послушание (это тоже очень нужная вещь) нет. Мыслителем ваш воспитанник станет лишь тогда, когда вы приходите к нему с мыслью, зажигаете его своей пытливостью, жаждой и ненасытностью познания, передаете ему чувство гордости мыслителя.

Урок — первый очаг, согревшись у которого человек стремится стать мыслителем. Я вижу важнейшую воспитательную цель урока в том, чтобы зажечь у маленького человека огонек жажды познания. Если после моего урока подросток не испытывает желания узнать больше, чем я ему рассказал, если это желание не превращается в стремление, в стимул, побуждающий многие часы сидеть над книгой, — значит, воспитательная цель урока не достигнута. Прийти в класс с мыслью — это значит, образно говоря, принести изумление. Питомец мой должен пережить чувство изумления при виде безграничного океана знаний, почувствовать себя не бессильной пылинкой, а смелым мореплавателем. Мой урок должен одухотворить его смелостью, необходимой для того, чтобы плыть в океане знаний. Лишь книга может претворить изумление в пытливость, любознательность. Только чтение открывает перед человеком роскошь интеллектуальной жизни. От того, как и что читает человек в годы отрочества и ранней юности, зависит становление в нем мыслителя-труженика. Какой бы предмет вы ни преподавали подросткам или юношам, вы должны пробуждать тяготение к книгам, проникнутым идеями, возвышающими, облагораживающими челове-

ка, стоящего на пороге самостоятельной жизни. В основе книг, которые читают подростки и юноши, должны быть идеи:

смысл человеческой жизни — в служении народу, Отечеству, возвышенным идеалам;

верность Родине, несгибаемость и мужество в борьбе за ее могущество — высшая доблесть, во имя которой настоящий человек преодолевает любые трудности;

«воля и труд человека дивные дивы творят» (*Н.А.Некрасов*); с малых лет человеку надо быть властелином своего разума и воли;

знания, которыми обладает сейчас человечество, достались ему в нелегкой борьбе, путь к знаниям обильно полит кровью борцов против невежества, мракобесия, религии;

разум человеческий могуч и непобедим; разум — это большая сила и большое богатство; готовься служить своему Отечеству разумом, мыслью, творчеством.

Если школьник только учит уроки по учебнику, если этим ограничиваются его учение, умственная жизнь его бедна. Как большого несчастья, опасайтесь того, чтобы умственные силы подростка, юноши шли лишь на *запоминание*, заучивание. Это опасный враг гармонического развития. Подлинная интеллектуальная жизнь возможна лишь тогда, когда человек читает без установки на запоминание. Наш педагогический коллектив заботится, чтобы у каждого ученика было чтение, не связанное непосредственно с уроками (но, конечно, вызванное интересом и вопросами, которые пробудились на уроке). *Читать из потребности думать* подросток, юноша должен в два, в три раза больше, чем задано ему по учебнику выучить, — к такому выводу приводит многолетний опыт. Чтение из потребности думать, без установки на запоминание — главное условие развития умственных способностей, становления творческого ума. В чтении из потребности мыслить, узнавать, изумляться величием и силой разума и заключается смысл интеллектуальной жизни личности. Без такого чтения сидение над учебником неизбежно превращается в зубрежку, отупляет ум, превращает учение в тягостную повинность. Там, где нет чтения из потребности мыслить и узнавать, овладение учебником становится непосильным трудом. Нежелание учиться появляется из-за отсутствия богатой, насыщенной интеллектуальной жизни. Это тревожное явление, если только правильно поняты его истоки, заставляет нас, воспитателей, искать единственно правильный путь предотвращения серьезных пороков школьной жизни: лени, безделья, пустого времяпрепровождения. Этот путь — в пробуждении интереса к мысли, книге, чтению. Обязательный материал учебника с интересом овладевается тогда, когда у ученика есть чтение из потребности думать и узнавать.

В наши дни подростков и юношей окружает богатый мир удовольствий. Приятно поиграть в футбол или баскетбол, послушать радио, посмотреть телевизионную передачу, особенно спортивное соревнование, — поглазеть и поболеть. Приятно просто побездельничать. Если эти удовольствия поглотят все духовные силы человека, он вырастет убогим и опустошенным. Богатство удовольствий — очень важная и сложная проблема воспитания. Решить ее можно

только общими усилиями семьи, школы и общественности. Самое главное здесь вот что: в годы детства, отрочества, ранней юности в духовном мире человека должно утвердиться стойкое чувствование, переживание привлекательности самого сильного удовольствия — чтения, уединения над хорошей, интересной и нужной книгой. Никакие другие удовольствия не должны идти в сравнение с роскошью мысли, с радостью жизни в мире книг. Это опять-таки зависит от того, с чем приходит к детям учитель. Наиболее яркими часами духовного общения детей с учителем должны быть часы, посвященные книге и мысли.

Есть дети слабомыслящие, малоспособные к учению. Овладение знаниями связано для них с неимоверными трудностями. Они страдают, понимая ограниченность своих способностей. Их нельзя отправить в специальные школы, и в то же время они не могут учиться так, как учится подавляющее большинство детей. Как быть с такими воспитанниками? Как добиться, чтобы эти люди не чувствовали себя неполноценными, как это часто бывает, не уходили из школ недоучками и нравственными невеждами?

Самое главное, к чему я стремился, — это воспитание у слабомыслящих, малоспособных детей чувства человеческого достоинства и постепенное развитие их умственных способностей. Для духовной жизни этих воспитанников особенную важность имеет чтение из интереса, из желания узнавать, знать, мыслить. Самое пагубное для таких подростков — ограничивать мир их интеллектуальных интересов учебником, а умственный труд сводить к заучиванию, запоминанию. Слабомыслящие, малоспособные должны как можно больше думать читая и читать думая. От прочитанного из интереса, из желания думать в их памяти все-таки остаются какие-то крупицы, и чем ярче мысль, сопровождающая чтение, тем прочнее сохранение в памяти, — но без установки на заучивание! Чем больше запомнил такой ученик, не стремясь запомнить, тем крепче становится нить его мышления. Исключительно важно, чтобы с малоспособными детьми учитель проводил специальные беседы, посвященные прочитанной книге. Цель этих бесед — заботливо лелеять детскую мысль, развивать интерес к познанию. Опыт убеждает, что, если для слабомыслящего, малоспособного ребенка чтение стало духовной потребностью, развиваются его способности к овладению обязательными знаниями, он воспитывает в себе силу воли, настойчивость.

«ДВЕ ПРОГРАММЫ ОБУЧЕНИЯ», РАЗВИТИЕ МЫШЛЕНИЯ ШКОЛЬНИКА

У учителя не хватает времени прежде всего потому, что детям трудно учиться. Много лет я думал над тем, как облегчить труд школьника. Практическими умениями как фундаментом знаний эта проблема только начинается. Запоминание и сохранение знаний в памяти — продолжение проблемы. Я советую каждому учителю: *анализируя содержание знаний, четко выделяйте в них то, что ученики должны твердо запомнить и прочно хранить в памяти.* Очень важ-

NB *Этот методический прием Сухомлинского (выделение в изучаемом материале «узелков» знаний — наиболее существенных выводов, обобщений, формул, правил, законов и закономерностей) очень интересен для облегчения труда учащихся. В Павлыше получила развитие идея опоры, берущая начало еще в Древнем Риме. Заметим, что многие современные педагоги и учителя-практики также используют опорные конспекты в своей работе.*

но умение учителя правильно определить в программе те «узлы» знания, от крепости которых зависит развитие мышления, умственных способностей, умение пользоваться знаниями. Эти «узлы» — важные выводы и обобщения, формулы, правила, законы и закономерности, отражающие специфику предмета. У опытных педагогов ученики ведут специальные тетради для записи материала, который надо твердо запомнить и прочно хранить в памяти.

Чем сложнее материал, который надо запомнить, чем больше обобщений, выводов, правил, которые необходимо хранить в памяти, тем значительнее должен быть «интеллектуальный фон» процесса учения. Другими словами, чтобы прочно запоминались формулы, правила, выводы и другие обобщения, ученику надо прочитать, продумать много материала, не подлежащего запоминанию. Чтение должно быть тесно связано с учением. Если оно является углублением в факты, явления, предметы, представляющие собой основу для обобщений, сохраняемых в памяти, то такое чтение помогает запоминанию. Это чтение и можно назвать созданием *интеллектуального фона*, необходимого для учения, для запоминания материала. Чем больше ученик читает только из интереса к материалу, из желания узнать, продумать, осмыслить, тем легче ему запомнить обязательный для заучивания и сохранения в памяти материал.

NB *Успех в учебе, по убеждению Сухомлинского, в немалой степени зависит от умения учителя протянуть незримые нити от урока к внеурочным занятиям. В Павлыше, как нетрудно заметить, две программы обучения. Первая — обязательная, вторая — для внеурочных занятий. Василий Александрович постоянно практиковал перед изучением каждой новой темы, и в первую очередь курсов естественных дисциплин, внеклассное чтение познавательной литературы. Последнее вызывало у ребят вопросы, развивало любознательность и желание быстрее разобраться в непонятном. Таким образом осуществлялось на практике классическое правило Аристотеля: «Мышление начинается с вопроса, удивления».*

Учитывая эту очень важную закономерность, я в своей практической работе всегда имею в виду *две программы* обучения: первая — это обязательный для заучивания и сохранения в памяти материал, вторая — внеклассное чтение, а также другие источники информации.

Физика — один из предметов, самых трудных для запоминания, сохранения в памяти, особенно в VI—VIII классах. Программа на этом этапе обучения содержит множество понятий. В течение шести лет я преподавал этот предмет и всегда стремился к тому, чтобы каждому вновь усваиваемому понятию соответствовало внеклассное чтение. Чем сложнее понятие, которое изучается в данный момент, тем интереснее, увле-

кательнее должны быть книги, которые читает ученик. При изучении законов электрического тока я составил специальную библиотечку для внеклассного индивидуального чтения. Она включала 55 книжек о явлениях природы, в основе которых — самые разнообразные электрические свойства материи.

Я добивался подъема, большой интенсивности мышления ребят. Они буквально засыпали меня вопросами: что? как? почему? Среди всех заданных вопросов примерно 80% начинались словом *почему*? Дети очень многого не понимали. И чем больше в окружающем мире было для них непонятного, тем ярче выражалось желание знать, тем острее проявлялась *восприимчивость к знаниям*. Дети буквально «схватывали на лету» все, что я рассказывал им. Когда пришло время дать первое научное понятие об электрическом токе как потоке свободных электронов, оказалось, что у подростков множество вопросов именно об этом сложном физическом явлении. Ответы на них представляли собой как бы кирпичики для тех пустот, которые были в картине мира, уже сложившейся в представлении школьников на основе чтения, а также на основе другой информации, полученной ранее.

Три года я преподавал биологию в старших классах. Этот курс изобилует множеством теоретических понятий, очень трудных для понимания и, конечно, тем более трудных для запоминания, сохранения в памяти. В те моменты, когда ученики изучали первые научные понятия *жизнь, живое вещество, наследственность, обмен веществ, организм* и др., я подбирал для них специальный материал из научных и научно-популярных журналов, книг, брошюр. «Вторая программа обучения» включала в себя чтение таких брошюр, книг, статей, ознакомление с которыми вызывало волну интереса к ряду сложных вопросов науки, а следовательно, и к новым книгам. У юношей и девушек, изучавших биологию, пробуждался интерес к явлениям окружающей природы, в частности, к такому явлению, как исключительное разнообразие форм обмена веществ. Чем больше было вопросов, тем глубже были знания моих воспитанников. Не было у них ни одного ответа, который оценивался бы баллом ниже «4».

Советую всем учителям: создавайте интеллектуальный фон для запоминания, заучивания, сохранения в памяти программного материала. Ученик прочно усваивает лишь тогда, когда он думает. Думайте над тем, как сделать предметом мышления, анализа, наблюдения то, что в данный момент изучается или будет скоро изучаться на уроках.

О РАБОТЕ С «ТРУДНЫМИ» ШКОЛЬНИКАМИ

Вряд ли кто из учителей не согласится с тем, что один из наиболее «крепких орешков» нашего педагогического творчества — работа с «трудными» школьниками. С теми, кому надо в три-пять раз больше времени для осмысливания и запоминания материала, чем основной массе учащихся, кто на второй день забывает изученное, кому упражнения для предотвращения забывания надо выполнять не через три-четыре месяца после изучения материала, а через две-три недели.

Свыше тридцати лет педагогического труда убедили меня в том, что для этих детей как раз «вторая программа», о которой шла речь выше, играет исключительно важную роль. Для этих детей ограничение обучения материалом, обязательным для заучивания, особенно губительно — оно отупляет их, воспитывая привычку к зубрежке. Я испытывал много средств облегчения умственного труда этих школьников и пришел к выводу, что наиболее эффективным средством является расширение круга чтения. Да, этим детям необходимо как можно больше читать. Работая с III—IV и V—VIII классами, я всегда заботился о том, чтобы для каждого «трудного» ребенка подобрать книги и статьи для чтения, в наиболее яркой, занимательной, увлекательной форме раскрывающие смысл понятий, обобщений, научных характеристик. У этих детей должно возникнуть как можно больше вопросов о вещах и явлениях окружающего мира, с этими вопросами они должны обратиться ко мне — это очень важное условие их умственного воспитания.

В том, что читает «трудный» ребенок, с чем он встречается в окружающем мире, время от времени должно открываться что-то такое, что удивляло бы, изумляло его. Этого требования я всегда придерживался в воспитательной работе с «трудными» детьми и это мой совет всем учителям. Вялость, инертность, хилость нервных клеток коры полушарий головного мозга можно излечить удивлением, изумлением, как вялость мускулов излечивают физическими упражнениями. Трудно сказать, что происходит в голове ребенка, когда перед ним открылось что-то изумившее, удивившее его. Но сотни наблюдений привели к выводу: в момент удивления, изумления вступает в действие какой-то могучий стимул, как бы пробуждающий мозг, заставляющий его усиленно работать.

Я никогда не забуду маленького Федю. Мне довелось учить его пять лет — от III до VII класса. Камнем преткновения для него были арифметические задачи и таблица умножения. Я убедился, что ребенок просто не успевает запомнить условие задачи, в его сознании не успевает сложиться представление о предметах, вещах, явлениях, положенных в основу условия: как только ребенок мысленно пробует перейти к последующему, забывает предыдущее. Дети, в чем-то похожие на Федю, были и в других классах, хотя их было в общем и не так много. Я составил специальный задачник для этих детей. В нем — около двухсот задач, взятых главным образом из народной педагогики. Каждая из этих задач — это увлекательный рассказ. Подавляющее большинство из них не требует арифметических действий; решить такую задачу означает прежде всего размышлять, думать. Вот две задачи из моего *«Задачника для рассеянных и невнимательных»*.

1. Три пастуха, уставших от летнего зноя, легли под деревом отдохнуть и уснули. Шаловник-подпасок вымазал спящим лбы дубовыми «чернильными шариками». Проснувшись, все трое стали смеяться. Но каждый думал, что два других смеются друг над другом. Вдруг один пастух перестал смеяться — он догадался, что и его лоб также вымазан. Как он мыслил?

2. В широких украинских степях недалеко одно от другого были в старые времена два села — Правдуны и Брехуны. Жители Правдунов

всегда говорили правду, а жители Брехунов — всегда лгали. Если бы кому-нибудь из вас удалось вдруг перенестись в древние времена и попасть в одно из этих сел, вы могли бы, поставив лишь один вопрос к первому встретившемуся местному жителю, узнать, в какое село вы попали. Какой вопрос вам надо было бы поставить?

Сперва мы просто читали задачи, как маленькие увлекательные рассказы о птицах и животных, насекомых и растениях. Прошло немало времени, пока Федя понял, что рассказы — задачи. Над одной из самых простых мальчик задумался и с моей помощью решил ее. Его изумила простота решения. «Значит, каждую из этих задач тоже можно решить?» — спрашивал Федя. Он целые дни не расставался с задачником. Каждое решение переживал как большую победу. Решенную задачу переписывал в специально заведенную для этой цели общую тетрадь, рядом с текстом *рисовал* задачу — птиц, животных и растения.

Для Феди я укомплектовал специальную библиотечку. В ней было около ста книжек и брошюр, которые мальчик читал с III по VII класс. Потом была создана другая библиотечка (около двухсот книжек), которой, кроме Феди, в течение двух лет пользовались еще три ученика. Одни книжки и брошюры имели прямую связь с содержанием того, что изучалось на уроках, в других непосредственной связи не было, и их чтение я рассматривал как своеобразную гимнастику ума.

Уже в V классе успеваемость Феди выровнялась: он стал решать такие же арифметические задачи, как и другие школьники. В шестом классе у мальчика неожиданно появился интерес к физике. Федя стал одним из активистов кружка юных конструкторов. Чем больший интерес вызывал у мальчика творческий труд, тем больше он читал. У него встречались затруднения в учении и дальше, особенно по истории, литературе. И каждое затруднение облегчалось чтением.

После окончания VII класса Федя поступил в техникум, стал хорошим специалистом высокой квалификации — мастером по наладке станков.

Никогда, ни разу я не проводил ни с этим, ни с такими же другими учениками дополнительных занятий, цель которых сводилась бы к выучиванию того, что не усвоено на уроках. Я учил ребенка читать и думать. Чтение как бы индуктировало, пробуждало мысль.

Помните, что чем труднее ребенок, чем больше, казалось бы, непреодолимых затруднений встречает он в учении, тем больше ему надо читать. Чтение учит его мыслить, мышление становится стимулом, пробуждающим силы разума. Книга и живая мысль, пробужденная книгой, являются самыми сильными средствами, которые предупреждают зубрежку — большое зло, отупляющее разум. Чем больше ученик думает, чем больше видит в окружающем мире непонятного, тем восприимчивее становится он к знаниям, тем легче вам, учителю, работать. <...>

NB ***Чтение, как и письмо, — основной вид учебной деятельности. Поэтому научить ребенка уже в начальных классах бегло и сознательно читать, довести процесс письма до такой степени авто-***

матизма, при которой ученик не думает над тем, как соединить буквы в слово, какую букву написать, в центре его внимания становится содержание — самый надежный способ облегчения процесса обучения. Так в Павлыше проявляли истинную заботу об ученике. Облегчить любой труд можно, прежде всего научив труженика хорошо делать свое дело, т. е. сделав его профессионалом. Сухомлинский это хорошо понимал.

Любовь к чтению, книге пробуждает силы разума. Но вот проблема, как привить ребенку эту любовь сегодня? Что надо сделать в век электроники, видео- и радиотехники для выработки у ребенка приоритетного отношения к книге и чтению? Думаю, что эта проблема для глубоких размышлений и исследования.

О ДОБЫВАНИИ ЗНАНИЙ

Об активности умственного труда учащихся говорят много и часто. Но активность может быть разная. Ученик бойко отвечает, заучив прочитанное или запомнив рассказанное учителем, — это тоже активность, но вряд ли она может способствовать развитию умственных способностей. Педагогу надо стремиться к активности мысли ученика, к тому, чтобы знания развивались благодаря их применению.

Учить так, чтобы знания *добывались* с помощью уже имеющихся знаний, — в этом, на мой взгляд, заключается высшее мастерство дидакта. Посещая и анализируя уроки, я делаю вывод о педагогическом мастерстве учителя как раз по этой черте умственного труда школьников.

NB *Это давняя истина дидактики. Но она нуждается в дальнейшем развитии, поиске новых, более рациональных форм и методов работы, прежде всего индивидуального творческого поиска учителя.*

Как же достигнуть того, чтобы учение было работой мысли — добыванием знаний? Что здесь наиболее важно?

Добывать знания — это значит открывать истину, отвечать на вопрос. Добивайтесь того, чтобы ученики ваши увидели, почувствовали, ощутили непонятное — чтобы перед ними предстал вопрос. Если вам удалось этого достигнуть — налицо половина успеха.

Но достигнуть этого не просто. Готовясь к уроку, надо продумывать материал под этим углом зрения — найти те незаметные с первого взгляда узелки, где происходит сцепление причинно-следственных связей, из которых и рождаются вопросы. Ведь вопросы пробуждают желание знать.

Вот передо мной материал урока «Фотосинтез». Надо рассказать ученикам, что происходит в зеленом листке растения. Можно все это изложить с научной достоверностью, теоретической и дидактической последовательностью, но не будет выполнена задача: достигнуть определенной умственной активности школьников. Я вдумываюсь в материал: где узелки сцепления причинно-следственных связей? Вот он, самый главный узелок — превращение неорганического вещества в органическое. Изумительная, таинст-

венная картина: растение берет из почвы и воздуха неорганические вещества и превращает их в своем сложном организме в вещества органические. Что представляет собой этот процесс строительства органического вещества? Что происходит в растительном организме, этой непостижимо сложной лаборатории, превращающей на солнечном свету мертвое вещество минеральных удобрений в сочную мякоть помидора, в благоухающий цветок розы?

Я рассказываю так, чтобы *подвести* учеников к осознанию этого вопроса, чтобы каждого взволновало: как же это так — все происходит на моих глазах, а я и не задумывался над этим?

Как подвести учеников к вопросу?

Для этого необходимо знать, что надо рассказать, а что оставить недосказанным. Недосказанное — это как бы «затравка» для мышления школьников. Здесь нет никаких рецептов, подходящих на все случаи. Все зависит от содержания конкретного материала и от фактических знаний, уже имеющихся у школьников. В одном классе надо недосказать одно, в другом — другое (по тому же самому материалу).

Но вот перед сознанием школьников предстал вопрос.

Дальше я стремлюсь к тому, чтобы из всего запаса знаний, которыми овладели ученики и на предыдущих уроках биологии, и в процессе труда, и при чтении книг, извлечь знания, необходимые для получения ответа на вопрос. Вот это привлечение уже имеющихся знаний для ответа на вопрос и есть добывание знаний. Здесь не обязательно вызывать одного за другим школьников и выслушивать, кто что говорит, чтобы из разрозненных ответов складывался общий ответ. При таком подходе к делу есть видимость активности, но не всегда есть действительная мыслительная активность каждого ученика: одни припоминают, отвечают, другие же только слушают. Мне же надо, чтобы думали, напрягали умственные силы все. Поэтому чаще всего бывает так, что, подводя учеников к вопросу, я объясняю материал сам, без вызовов для ответа на отдельные частные («маленькие») вопросы.

Для того чтобы ученики добывали знания думая, учителю надо хорошо *знать их знания*. Один очень хорошо помнит изученное, другой кое-что забыл. Вот здесь мне надо быть таким руководителем умственного труда, чтобы каждый, вслушиваясь в мое объяснение, следовал своим путем, извлекал из кладовых сознания то, что там хранится, а если в ином месте этих кладовых — пустота, если нить мысли у кое-кого обрывается, мне надо заполнить пустоту дополнительным объяснением, устранить разрыв в мысли. Но это тоже требует большого искусства и мастерства. Я искал такие формы повторного объяснения уже изученного раньше, чтобы самый сильный ученик находил здесь что-то новое. Там же, где никаких пустот и разрывов в знаниях нет, я прибегаю к сокращенному объяснению. Здесь нет показной активности, ученики молчат, не отвечают на вопросы, не дополняют друг друга, но это — добывание знаний. Такую форму их добывания я бы назвал экскурсом школьника в собственные мысли, «исследованием» своей кладовой знаний.

КАК ВЕСТИ УЧЕНИКОВ ОТ ФАКТОВ К АБСТРАКТНЫМ ИСТИНАМ

Вам, конечно, приходилось встречаться с таким явлением: ученик хорошо запомнил (заучил) правило, закон, формулу, вывод, но не умеет пользоваться своими знаниями, применять их, а бывает и так, что не понимает сущности того, что заучил. Это зло особенно сказывается в изучении грамматики, арифметики, алгебры, геометрии, физики, химии, т.е. предметов, содержание которых представляет собой систему обобщений, а знания по которым выражаются прежде всего в умении применять эти обобщения в практической работе.

Обычно в таких случаях говорят: ученик вызубрил не понимая. Но почему же он вызубрил? Что необходимо для предотвращения зубрежки — этого большого зла?

Запоминание (заучивание) должно основываться на понимании. Ведите учеников к запоминанию через осмысливание (осознание), понимание многочисленных фактов, вещей, предметов, явлений. Не допускайте запоминания того, что еще не понятно, не осмыслено. Путь от осмысливания фактов, вещей, явлений до глубокого понимания абстрактной истины (правила, формулы, закона, вывода) лежит через практическую работу, которая как раз и представляет собой овладение знаниями.

Опытные учителя умеют учить детей так, что запоминание происходит в процессе осмысливания — мысленного углубления в факты, предметы, явления. Вот перед учениками правило о правописании твердого знака в русском языке. Учитель ведет к запоминанию правила и сознательному умению пользоваться им путем анализа многочисленных фактов — разбора слов, в которых пишется твердый знак, объяснения написания этих слов. По существу, правило много раз осмысливается на все новых и новых фактах. Ученики постепенно убеждаются, что они имеют дело с истиной обобщающего характера. Применение этой истины ко многим словам понимается как правило. Оно и запоминается благодаря тому, что осмысливается много раз.

У опытного учителя правило, вывод запоминается без специальной работы по заучиванию: осмысливание фактов является в то же время постепенным запоминанием обобщения. И чем ярче выступает единство осмысливания и заучивания, тем более сознательные знания, тем больше умеет ученик применять знания в практике. Умение применять знания в практической работе вообще зависит от того, как, каким путем ученик пришел к запоминанию знаний. Если они заучены без осмысливания, анализа фактов, явлений, ученик не умеет их применять.

Это очень важная закономерность педагогического процесса. Многолетний опыт привел меня к выводу, что если ученик уже в начальной школе овладевает абстрактными истинами в процессе осмысливания фактов, явлений, он приобретает очень важную черту умственного труда — умение мысленно охватывать ряд взаимосвязанных вещей, предметов, фактов, обстоятельств, явлений, событий, другими словами, он *умеет думать* над причинно-следст-

венными, функциональными, временны́ми и другими связями. Я на многочисленных фактах убедился, что умение думать над условием арифметической задачи (особенно в IV—V классах) как раз и зависит от того, как ребенок овладевает абстрактными обобщениями. Не умеют думать над задачей, не умеют мысленно охватывать зависимость между величинами те школьники, которые заучивают абстрактные обобщения без осмысливания достаточного количества фактов. И наоборот, если запоминание абстрактной истины в умственном труде школьника основывается на мысленном углублении в факты, если он, *не заучивая, запомнил* — он видит в арифметической задаче не какую-то комбинацию цифр, а зависимость между величинами. Читая условие задачи, осмысливая его, он вначале отвлекается от чисел, решает задачу в общем виде, без конкретных арифметических действий.

На многочисленных фактах, на судьбах детей я убедился, что отставание учеников по арифметике (а потом и по алгебре) — это результат трудно уловимых недостатков в умственном труде, о которых идет речь. О межпредметных связях говорится очень много. Каждому учителю ясно, что надо искать в своем предмете точки соприкосновения с материалом других предметов. Но межпредметные связи заключаются не только в этом. Наиболее глубокие связи — я в этом твердо убежден — лежат не столько в содержании фактического материала, сколько в характере умственного труда. Построенный на научных основах умственный труд школьников приводит к тому, что математика помогает детям усваивать историю, а история содействует развитию математических способностей.

Известно, что камнем преткновения для многих учителей начальных классов и преподавателей языка и литературы является борьба за сознательное усвоение грамматических правил. Неграмотность значительной части учеников — большое зло для школы. Я знаю такой факт: ученик при первом изучении материала по русскому языку не усвоил твердо правописания приставок *раз-, без-* и *рас-, бес-*. Он допускал много ошибок на это правило. Стремясь устранить отставание, учитель время от времени давал ученику упражнения на соответствующие правила. Он учил: сначала повтори хорошенько правила, а потом выполни упражнение. Как будто бы эта работа должна была привести к положительному результату, но этого не происходило: ученик X класса допускал ошибки и в экзаменационном сочинении написал: *«разцветает», «расбежался»*.

В чем же дело? Где причина этого странного явления? Многолетний опыт привел к выводу: зависимость между умением (или неумением) применять знания и осмысливанием фактов в процессе овладения знаниями наиболее ярко проявляется при изучении грамматики. Здесь решающее значение имеет *первое ознакомление* с абстрактной истиной, обобщением (грамматическим правилом). Не допустить, чтобы при первом изучении материала ученик наделал много ошибок и в то же время добиться, чтобы он заучил правило и правильно формулировал его, — задача не столь простая, как кажется с первого взгляда.

Поэтому о первом изучении материала надо говорить специально.

ПЕРВОЕ ИЗУЧЕНИЕ МАТЕРИАЛА

Один из корней отставания, неуспеваемости школьников — недостаточное первое изучение материала.

Что я имею в виду, говоря о первом изучении материала, правомерен ли этот термин? По-моему, правомерен. Ведь знания постоянно развиваются, изучение материала продолжается длительное время, и каждый факт применения знаний будет в то же время и развитием и углублением их. А первое изучение — это первый значительный шаг от незнания к знанию, к пониманию сущности фактов, явлений, качеств, признаков.

С формулами сокращенного умножения, например, ученики будут иметь дело на многих уроках. Опыт убеждает, что от того, насколько глубоко осмыслил ученик формулу на первом уроке, где изучался данный материал, зависит очень многое: зависит прежде всего постоянная готовность быть средством добывания новых знаний, иначе говоря, зависит первое изучение новых, следующих понятий, истин. Это тоже одна из важных закономерностей: чем меньше в сознании ученика неясностей, туманных, поверхностных представлений, чем меньше на его плечах груз отставания, тем больше его мысль готова к первому изучению нового материала, тем эффективнее будет умственный труд на уроках.

Урок первого изучения материала должен быть особенным — в том смысле, что здесь необходима *особенная ясность*, здесь приобретает *особенное* значение эффективность самостоятельного умственного труда школьника. Стремитесь к тому, чтобы при первом изучении материала вы увидели результат умственного труда *каждого ученика*. При первом изучении материала исключительно важно видеть самостоятельную работу «трудных» школьников — тех, кто медленно мыслит, медленно соображает, тех, кому для осмысливания сущности материала необходимо сравнительно больше и фактов, и времени (нередко и факты для осмысливания им надо давать не те, что основной массе школьников).

Опытные учителя всегда стремятся к тому, чтобы на уроке, посвященном первому изучению материала, увидеть, как ученик самостоятельно выполняет работу. Обязательно должна быть на таком уроке самостоятельная работа, в процессе которой осмысливаются факты и происходит переход к обобщающей истине (речь идет об уроках естественного цикла, а также об уроках грамматики).

Очень важно, чтобы в осмысливании был уже и элемент применения знаний. Вот здесь и должна проводиться работа с «трудными» школьниками. К каждому из них надо подойти, у каждого надо увидеть его трудность, каждому необходимо дать только для него предназначенное задание. Иногда на уроке выясняется, что тому или другому ученику необходимо дать индивидуальное домашнее задание; опытный учитель обычно и дает его здесь же, на уроке. Эффективность умственного труда трудноуспевающего школьника зависит прежде всего от того, насколько регулярно, систематически работает он при первом изучении материала именно *на уроке*; нельзя допускать, чтобы он только слушал хорошие ответы учени-

NB *Школьный урок. Сколько сказано и напечатано о его роли, совершенствовании, а проблема остается. Может, пора пришла не только совершенствовать урок, а поискать более рациональные формы и методы обучения вместо существующей многие десятилетия классно-урочной системы?*

ков, списывал с доски; надо обязательно заставлять его самостоятельно думать и побуждать — терпеливо, тактично — достигать на каждом уроке хотя бы незначительного успеха в умственном труде.

Преподавая грамматику, я всегда добивался, чтобы уже на уроке первого изучения материала и непосредственно после этого урока ученик не допускал в своих письменных упражнениях ошибок. Может, это звучит несколько парадоксально, но это истина: ученик станет грамотным, когда он на уроках не будет делать ни одной ошибки. А если нет ошибок в классе, то не будет их и в домашних упражнениях (или же будет очень мало). Одна из основных причин трудностей работы словесника — то, что ученики допускают уже на уроках ошибки в своих письменных работах; ошибка учителя в том, что он не ставит цели добиться, чтобы ошибок не было.

Как же практически достигнуть безошибочного письма и этим заложить прочную основу знаний? Это зависит от очень многого, и, может быть, прежде всего от беглости чтения школьника. Чтобы грамотно, безошибочно писать, ученик должен уметь бегло читать. Есть и другие зависимости — от структуры урока, методов и приемов работы на нем. Готовясь к урокам грамматики, я стремился предвидеть, где, в каком слове ученик может допустить ошибку и кто конкретно может ее допустить. Ни одно «сомнительное» слово не оставалось без предварительного разъяснения.

Советую: не допускайте, чтобы при первом изучении материала ученик поверхностно осмыслил факты, явления, закономерности, чтобы уже при первом изучении, например, грамматического правила он делал ошибку, при первом изучении математической закономерности неправильно выполнил пример, неправильно решил задачу и т. д.

ОСМЫСЛИВАНИЕ НОВОГО МАТЕРИАЛА КАК ЭТАП УРОКА

Наверное, каждому учителю приходилось встречаться с таким явлением: вчера на уроке все очень хорошо поняли правило (определение, закон, формулу), хорошо отвечали, приводили примеры; а сегодня, смотришь, добрая половина класса представляет изученное как-то туманно, а кое-кто уже и забыл материал. Оказывается, что, выполняя домашнее задание, многие ученики встретились с большими затруднениями. В классе же этих затруднений не замечалось.

Понять — это еще не означает *знать*, понимание — еще не знание. Для того чтобы были твердые знания, необходимо *осмысливание*.

Что значит осмысливание? Ученик думает над тем, что он воспринял, проверяет, насколько правильно он понял материал, пробует применять приобретенные знания на практике.

Приведу пример. На уроке геометрии ученики получают первое представление о тригонометрических функциях. Учитель дает определение двух функциональных зависимостей — синуса и косинуса. Материал не представляет трудностей, как будто бы сразу все понятно. Но понятно — еще не означает, что прочно усвоено. После объяснения дается время для обдумывания нового. Ученики открывают тетради для черновых записей, чертят прямоугольные треугольники, записывают все то, что объяснял учитель, повторяют определения синуса и косинуса, на собственных примерах показывают функциональные зависимости. Здесь как бы сливается повторение знаний с их первым, элементарным применением. Оказывается, что при самопроверке многие учащиеся не могут воспроизвести ход объяснения, повторить его. Убедившись, что забыл то или иное звено в объяснении, ученик прибегает к помощи учебника, но прежде чем сделать это, он старается все сам припомнить.

Особенно необходим этап специального осмысливания нового материала для самых «слабых», трудноуспевающих учеников. Опытные педагоги уделяют большое внимание тому, чтобы трудноуспевающие ученики сосредоточили свое внимание на тех «точках» материала, которые, по существу, являются причинно-следственными связями, то есть основой знаний. Многолетний опыт убедил: источник непрочности знаний у трудноуспевающих учеников — в том, что они не видят, не понимают сцепления фактов, явлений, истин, закономерностей — «точек», где рождаются причинно-следственные, функциональные, временные и другие связи. Вот на эти «точки» и надо обращать внимание трудноуспевающих учеников.

Ученикам, например, объясняется деепричастный оборот. Трудноуловимой «точкой» является в данном случае то, что деепричастие служит как бы вторым, второстепенным сказуемым при главном сказуемом — глаголе. Дав ученикам время для осмысливания, я обращаю внимание трудноуспевающего ученика на то, что, составляя предложения с деепричастным оборотом, он должен представлять два действия, выполняемых одним и тем же предметом, причем одно действие — ведущее, главное, а другое — зависимое, второстепенное. Ученик думает над реальными действиями, составляет предложения.

Каким бы чисто теоретическим ни был материал, изученный на уроке, всегда есть возможность дать практическую работу для его лучшего усвоения. На уроках истории и литературы осмысливание нового чаще всего представляет поиски причинно-следственных, смысловых связей в материале, который только что объяснен. Например, учитель рассказал об освобождении крестьян в России от крепостной зависимости в 1861 году. Для осмысливания нового (5—7 минут) даются вопросы: по какому пути пошло бы развитие сельского хозяйства России, если бы царское правительство не освободило крестьян? Какая взаимосвязь существовала между развитием капитализма в сельском хозяйстве и в промышленности России до 1861 года и как эта взаимосвязь проявилась после освобождения крестьян? Что продолжало тормозить развитие капитализма в России после 1861 года? Каковы причины живучести феодальных пере-

житков в сельском хозяйстве России — даже после реформы 1861 года? Эти вопросы написаны на большом листке бумаги, который вывешивается на доске сразу же после объяснения. Начинается, по моему твердому убеждению, один из наиболее напряженных, интересных этапов урока. Ученики припоминают материал изученных раньше разделов, «роются» в учебнике (кстати, учебник на уроке гуманитарных предметов нужен прежде всего для осмысливания нового). Происходит самое нужное, на мой взгляд, самое полезное в процессе учения — повторение изученного ранее материала *без чтения всего подряд.* Такое повторение наиболее эффективное, потому что по самой сущности своей оно — думанье.

Итак, не бойтесь выделять на каждом уроке как можно больше времени на освоение нового! Это окупится сторицей. Чем эффективнее умственный труд во время осмысливания знаний, тем меньше времени необходимо ученику на выполнение домашнего задания, тем меньше времени расходуется на проверку домашнего задания на следующем уроке, тем больше времени остается на объяснение нового материала. Поймите сущность этой зависимости — и вы разорвете заколдованный круг: времени на изучение нового материала не хватает потому, что оно уходит на проверку домашнего задания, а проверка домашнего задания требует много времени, так как материал недостаточно хорошо изучен.

КАК ПРОВЕРКУ ВЫПОЛНЕНИЯ ДОМАШНИХ ЗАДАНИЙ СДЕЛАТЬ ЭФФЕКТИВНЫМ УМСТВЕННЫМ ТРУДОМ

Не один год меня беспокоило неблагополучное положение с проверкой домашних заданий: время зачастую уходило впустую. Получалась знакомая каждому из нас картина: как только вызванный ученик начинал отвечать, все занимались своим делом, во всяком случае, думал над ответом только тот, кто ожидал вызова. Мне не давала покоя мысль: как же добиться того, чтобы во время проверки задания над поставленными вопросами думали все ученики и чтобы учитель имел возможность проверять работу всего класса?

На помощь пришла черновая тетрадь. Урок геометрии; класс готов к проверке домашней работы. Всему классу учитель дает задания: вывести формулу площади круга, составить задачу на площадь круга и решить ее, кратко сформулировать признаки равенства треугольника. Все ученики записывают задания в черновую тетрадь. Тетрадь заменяет здесь доску, к доске не вызывается пока никто. Учитель внимательно наблюдает, как работает каждый ученик. Если ему надо убедиться, насколько глубоко понимает тот или иной ученик формулу, которую выводит, учитель предлагает ученику объяснить, что делается, для чего, как и т.д. При этом нет надобности вызывать ученика. Каждый работает так, как будто он вызван к доске. Учитель каждую минуту — на том или ином этапе выполнения задания — может прекратить работу всего класса или части учеников.

Преимущества этой формы работы заключаются прежде всего в том, что знания проверяются без повторения вслух всего, что зна-

ют ученики. Учитель имеет возможность получить информацию о знаниях учеников как бы в сокращенном виде. При этом каждый работает совершенно самостоятельно. Важны здесь еще два момента: во-первых, то, что проверка знаний является активным применением их; во-вторых, то, что учителю предоставляется возможность внимательно следить за работой трудноуспевающих учеников, учитывать их индивидуальные силы и возможности.

У нас в школе во время проверки домашнего задания в III—X классах все ученики используют черновые тетради. Без этого мы не представляем теперь проверки заданий. Опыт убеждает, что такая проверка, приучая к сжатому, экономному выражению мысли, предостерегает от зубрежки. Тот, кто стремится вызубрить, никогда не сможет ответить на вопрос кратко, сжато, сказать самое главное. Наша проверка заданий приучает школьников думать читая, заучивая.

Эффективность умственного труда во время проверки знаний значительно возрастает, если знание обобщений (правил, формул, законов, выводов) проверяется новым осмысливанием обобщений на новых фактах. В начальных классах у нас, как правило, не выделяется специально время для проверки знаний в начале урока. Проверка знаний сливается с их углублением, развитием, применением. Учителю, например, надо проверить, как ученики усвоили определения: главные и второстепенные члены предложения, грамматические связи между подлежащим и сказуемым, главными и второстепенными членами. Ученики открывают тетрадь для черновых записей. Учитель дает задание практического характера: составить 6 предложений, в которых бы слово *дорога* стояло в именительном и во всех косвенных падежах, определить грамматические связи между главными и второстепенными членами. Для того, кто очень быстро выполнит задание, предлагается еще одна работа: составить три предложения — с одним, двумя, тремя однородными сказуемыми. Выполняя эту практическую работу, ученики применяют знания и еще глубже осмысливают их.

Не допускайте, чтобы единственной целью проверки знаний было поставить ученику оценку. Пусть как можно чаще оценивание знаний сочетается с другими целями, и, прежде всего, с новым осмысливанием, развитием, углублением знаний. Не допускайте крайности — оценивания каждого ответа, каждой письменной работы — это приводит к отрицательным результатам. Почему это так — следует объяснить специально.

ОЦЕНКИ ДОЛЖНЫ БЫТЬ ВЕСОМЫМИ

Нельзя допускать, чтобы оценивание знаний выделялось из педагогического процесса как нечто обособленное. Оценка лишь тогда становится стимулом, побуждающим к активному умственному труду, когда отношения между учителем и ребенком построены на взаимном доверии и доброжелательности. Если хотите, оценка — это один из наиболее тонких инструментов воспитания. По тому, как относится ученик к оценке, поставленной учителем, можно

сделать безошибочный вывод о том, как он относится к учителю, насколько верит ему и уважает его. По поводу оценивания знаний хотелось бы дать несколько советов.

Во-первых, пусть оценок будет меньше, но каждая из них пусть будет весомее, значительнее. Мне приходилось за свою долгую педагогическую жизнь преподавать почти все предметы учебного плана средней школы (за исключением черчения), и я никогда не ставил оценку за ученический ответ на одном уроке (пусть даже на два, три и больше вопросов). Оценка всегда охватывала труд ученика за какой-то период и включала оценивание нескольких видов труда — и ответ (может быть, несколько ответов), и дополнение к ответу товарища, и письменную работу (небольшую), и внеклассное чтение, и работу практического характера. Определенный период времени я изучаю знания школьника, и он чувствует это. Приходит время, и я говорю: «Вот теперь я тебе ставлю оценку». Начинается следующий период изучения знаний, и ученик знает: ничто не ускользнет из моего внимания. Кое у кого из читателей может возникнуть вопрос: разве удержишь все в памяти? Возможно, кто-то и затрудняется помнить все, касающееся умственного труда школьника, но мне всегда это казалось самым важным. Разве можно воспитывать обучая и обучать воспитывая, забыв о чем-то заслуживающем внимания?

Во-вторых, я никогда не ставил неудовлетворительной оценки, если ученик *не мог* в силу тех или иных условий, обстоятельств овладеть знаниями. Ничто так не угнетает ребенка, как сознание бесперспективности, мысль о том, что он ни на что не способен. Уныние, удрученность — эти чувства накладывают свой отпечаток на весь умственный труд школьника, его мозг как бы цепенеет. Только светлое чувство оптимизма является живительным ручейком, питающим реку мысли. Безрадостность, угнетенность приводят к тому, что подкорковые центры, ведающие эмоциональными импульсами, эмоциональной окраской мысли, перестают побуждать разум к труду, наоборот, они как бы сковывают его. Я всегда стремился к тому, чтобы ученик верил в свои силы. Если ученик хочет знать, но не может, надо помочь ему сделать хотя бы маленький шаг вперед, и этот шаг станет истоком эмоционального стимула мысли — радости познания.

Никогда не спешите выставлять неудовлетворительную оценку. Помните, что радость успеха — это могучая эмоциональная сила, от которой зависит желание ребенка быть хорошим. Заботьтесь о том, чтобы эта внутренняя сила ребенка никогда не истощалась. Если ее нет, не помогут никакие педагогические ухищрения.

В-третьих, вообще не ставьте никаких оценок, если вы видите, что знания учеников туманные, что в их представлении о вещах и явлениях, которые изучаются, есть какие-то неясности. В каждом классе у меня есть ученик, духовную жизнь которого я до тонкости изучил, по глазам которого вижу, понимает он или не понимает то, о чем я спрашиваю. Если глаза этого школьника говорят о том, что он не готов к ответу, я вообще не оцениваю знаний — надо сперва добиться, чтобы ученики знали.

В-четвертых, надо избегать вопросов, которые требовали бы ответа, совершенно точно повторяющего то, что излагалось учителем или заучено из книги. Есть в педагогическом процессе одна очень интересная вещь — я бы назвал ее трансформацией знаний. Имеется в виду такое постепенное мысленное углубление в знания, в результате которого ученик каждый раз, возвращаясь к изученному раньше, видит в фактах, явлениях, закономерностях что-то новое, рассматривает, анализирует какие-то новые стороны, черты, особенности фактов, явлений, закономерностей. Трансформация знаний должна быть положена в основу повторения. Об этом хочется дать отдельный совет.

СОВЕТЫ УЧИТЕЛЮ, ГОТОВЯЩЕМУСЯ РАБОТАТЬ С ПЕРВЫМ КЛАССОМ

Вы работаете в начальной школе, занимаетесь сейчас с III классом. Вскоре вам заниматься с первоклассниками. Им по пять с половиной — шесть лет. Их воспитывают семья и детский сад. Есть еще у нас часть детей, единственными воспитателями которых до поступления в школу являются мать и отец. От того, как воспитываются дошкольники именно в этот период — за год, два до школы, зависит очень многое. Вам надо хорошо знать каждого своего будущего питомца.

Что значит знать ребенка?

Это прежде всего иметь представление о его здоровье. За полтора года до начала работы с детьми передо мной был список будущих учащихся. Хорошо зная родителей, я предполагал, какие заболевания могли передаться детям в наследство. Конечно, эти предположения проверялись врачом. У меня были данные о состоянии важнейших систем организма будущих учеников: нервной, дыхательных органов, сердца, органов пищеварения, зрения, слуха.

Без знания здоровья питомцев невозможно правильное воспитание. Тридцать лет работы в школе твердо убедили меня в том, что в зависимости от состояния здоровья каждый ребенок нуждается не только в индивидуальном подходе, но в целой системе защитных мер, щадящих и укрепляющих здоровье. Опыт убедил в том, что воспитание должно способствовать исцелению человека, избавлению его от недугов, которые чаще всего зарождаются в детстве. Ребенок с нарушением деятельности сердечно-сосудистой системы требует особых методов воспитания, нуждается в специальной *медицинской* педагогике.

Я считаю, что очень важно знать, как взаимоотношения в семье способствуют предотвращению недугов и исцелению детского организма, если недуг по той или иной причине уже есть. Особенно зависит от семьи состояние нервной системы и сердца ребенка. Очень трудно воспитывать детей, вырастающих среди крика, упреков, озлобленности, недоверия, оскорблений. Нервная система у таких детей часто бывает издерганной, быстро устает. Дети с неврозами требуют особенно большой заботы, повседневного внимания. И учить, и воспитывать их надо, применяя специальные мето-

ды медицинской педагогики, рассчитанные на предупреждение вредного возбуждения, резких переходов от одного эмоционального состояния к другому.

За полтора (а если возможно — и за два) года до начала занятий в I классе я советую вам, будущему учителю первоклассников, собрать родителей — очень важно, чтобы пришли и отцы, и матери, — и поговорить с ними о взаимоотношениях в семье, способствующих формированию здоровой нервной системы, а в связи с этим положительных нравственно-психологических качеств.

Очень большое значение в развитии ребенка имеет интеллектуальная атмосфера семьи. От того, какие в семье умственные интересы, что читают, о чем думают взрослые, что оставляют они в мыслях ребенка, — в большой мере зависят его общее развитие, память. «Ум вашего ребенка зависит от ваших умственных интересов, от того, какое место в духовной жизни семьи занимает книга», — так и скажите родителям своих учеников.

По моему глубокому убеждению, необходимо по крайней мере год изучать мышление каждого ребенка — только при этом условии можно хорошо подготовиться к занятиям в I классе.

КАК В ДОШКОЛЬНЫЙ ПЕРИОД ИЗУЧАТЬ МЫШЛЕНИЕ ДЕТЕЙ

Есть два основных типа человеческого мышления — логико-аналитическое, или математическое, и художественное, или образное. Эта классификация, принадлежащая великому физиологу И. П. Павлову, имеет исключительно важное значение для решения вопросов умственного воспитания детей, формирования индивидуальных наклонностей, способностей. Соберите будущих своих первоклассников в ясный сентябрьский день, пойдите с ними в осенний лес, и вы сразу же увидите детей с этими двумя ярко выраженными типами мышления. Лес, особенно ранней осенью, всегда привлекает внимание детей, они в нем не могут оставаться равнодушными, а там, где есть волнение, восхищение, удивление, есть логическое и эмоциональное познание окружающего мира, то есть познание разумом и познание сердцем. Синее, глубокое небо, разноцветное убранство деревьев, яркие краски ранней осени — на опушке и в чаще леса — все это привлекает внимание ребят. Но к окружающему миру они относятся по-разному. Внимательно наблюдайте, и вы увидите два типа восприятия — признак двух типов мышления. Одних детей очаровывает вся гармония красоты природы. Изумленные, восхищенные красотой, они воспринимают предметы как единое целое. Они видят и восход солнца, и удивительно красивые осенние оттенки в окраске убранства деревьев, и таинственную лесную чащу. Но все это воспринимается именно как гармония в сложном звучании многих инструментов — дети не вслушиваются в отдельные звуки, они не выделяют из окружающего их мира отдельных деталей. А когда их внимание привлекает какой-нибудь один предмет или какое-нибудь одно явление, то вся гармония сосредоточена для них в этом предмете или явлении. На-

пример, ребенок обратил внимание на куст шиповника, густо усеянный янтарными ягодами и серебряными капельками росы, — кроме этого куста, ребенок больше ничего не видит, весь мир красоты для него — в этом творении природы.

Это самые характерные черты художественного, или образного, восприятия окружающего мира. Дети, обладающие этим восприятием, с интересом и увлечением рассказывают о том, что они видят. В их рассказах — яркие образы. Они мыслят картинами, образами — красками, звуками, движениями. Они очень чутки к музыке окружающей природы, вообще к красоте. В их восприятии как бы преобладает эмоциональный элемент, они больше, кажется, познают сердцем, чем разумом. Заметьте, что это накладывает отпечаток на их умственный труд в процессе учения. Дети с ярко выраженным художественным мышлением с интересом изучают литературу, любят читать, увлекаются поэтическим творчеством. В изучении математики они нередко встречают большие затруднения и, бывает, не успевают по этому предмету.

Для других детей как будто не существует гармонии красоты. Представьте себе закат солнца в теплый осенний день на опушке соснового леса: багровая вечерняя заря, как будто медные, стволы деревьев, неповторимая игра красок на поверхности застывшего пруда. Но в коллективе дошкольников всегда найдется ребенок, до которого, как говорится, не доходит эта красота. Он спрашивает: а почему это солнце на закате становится красным? Куда оно скрывается на ночь? Почему одни листья становятся осенью красными, другие — оранжевыми, третьи — желтыми? Почему на дубе листья очень долго, до заморозков, зеленые? Перед его взором открывается прежде всего не образная, а логическая, причинно-следственная сторона мира. Это логико-аналитическое, или математическое, мышление. Дети, обладающие этим мышлением, легко подмечают причинно-следственные связи и зависимости, схватывают мысленно круг предметов и явлений, объединенных той или иной связью. Они легко абстрагируются, с интересом изучают математику и другие точные науки. Логический анализ абстракций представляет для них такой же интерес, как яркие образы для детей, обладающих художественным мышлением.

Эти два типа мышления существуют объективно, учителю надо знать, какой тип преобладает у каждого ребенка. Это очень важно для правильного педагогического руководства умственным трудом. Учить мыслить, развивать мышление — значит, развивать у каждого ребенка обе мыслительные сферы: образную и логико-аналитическую, не допускать односторонности, но в то же время умело направлять умственное развитие каждого ученика в русло, в наибольшей мере соответствующее его природным задаткам.

Мышление детей различается также темпом операций, можно сказать, быстротой мысли.

У одних детей мысль очень подвижна. Только что ребенок думал о том, как пчела собирает нектар с цветка, учитель показал сложное строение цветка — и мысль ребенка легко переключается на другой объект. Или мышление во время решения арифметической

задачи: ученик охватывает мысленно все, о чем говорится в условии задачи, — и о корзинках, и о яблоках, и о деревьях в саду. У другого ребенка совсем другое мышление, я бы назвал его устойчивой сосредоточенностью. Если мысль сосредоточена на чем-то одном — ему очень трудно переключиться на другое. Вдумываясь в одно, он забывает о другом. Думает о цене каждого килограмма яблок — забывает о том, сколько килограммов яблок в каждой корзинке и сколько корзинок. Бывает, учитель ошибается, принимая эту особенность мышления за аномалию в умственном развитии. Замедленная подвижность умственных процессов бывает как у детей, обладающих образным мышлением, так и у детей с явно выраженным логико-аналитическим мышлением. Не разобравшись, в чем дело, учителя нередко делают совершенно неправильные, поспешные выводы об умственном развитии детей. Особенно огорчительными бывают недоразумения с детьми, у которых мыслительные процессы явно замедленны. Часто это очень умные, сообразительные дети, но медлительность их мышления вызывает у учителя недовольство; ребенок нервничает, мысль его как бы цепенеет, и он вообще перестает что-либо соображать.

Все это надо увидеть, узнать надо до начала обучения. Изучить особенности мышления ребенка несравненно легче тогда, когда еще обучение не началось. Я советую учителю, которому предстоит работа с I классом: в течение года проведите двадцать—тридцать путешествий к истокам мысли — в природу. Введите детей в обстановку, где есть и яркие образы, и причинно-следственные связи между явлениями, где дети восхищаются, переживают чувство изумления перед красотой и в то же время думают, анализируют.

КАК РАЗВИВАТЬ МЫШЛЕНИЕ И УМСТВЕННЫЕ СИЛЫ ДЕТЕЙ

Как развивать ум учащегося, углублять его интеллект — на мой взгляд, это одна из самых острых, недостаточно разработанных проблем школьного воспитания вообще. Дать знания — это лишь одна сторона умственного воспитания, и ее нельзя рассматривать без другой стороны — формирования, развития умственных сил. Развитие мысли и умственных сил — это развитие образного и логико-аналитического элементов мышления, а также воздействие на подвижность мыслительных процессов, устранение замедленности мышления.

Как показал многолетний опыт, необходимы специальные *уроки мышления*. Их надо проводить время от времени уже в дошкольный период. С началом занятий в I классе уроки мышления становятся частью умственного воспитания. Урок мышления — это и живое, непосредственное восприятие образов, картин, явлений, предметов окружающего мира, и логический анализ, добывание знаний, мыслительные упражнения, нахождение причин и следствий.

Если вы хотите, чтобы научились мыслить ваши «тугодумы», приведите их к такому источнику мышления, который открыл бы

цепь явления, чтобы следствие одного становилось причиной другого. Охватывая мысленно эту цепь, стремясь удержать в памяти несколько фактов, предметов, отношений, ребенок с замедленным мыслительным процессом проходит ничем не заменимую школу мышления. Дело в том, что в цепи явлений одно за другим следуют открытия, перед ребенком как бы загораются огоньки мысли, они стимулируют подвижность мыслительных процессов. Зажигается огонек — и ребенку хочется знать больше, хочется мысленно проникнуть в новые явления. Это хотение, желание и является толчком, ускоряющим подвижность мыслительных процессов.

КАК ВОСПИТЫВАТЬ ПАМЯТЬ

Воспитание памяти — тоже одна из острых проблем школьной практики. Наверное, у каждого из нас опускались руки перед ребенком с «дырявой» памятью: сегодня он запомнил, а завтра забыл. Советы и рекомендации относительно воспитания памяти, которые я попытаюсь дать, основаны на эмпирических данных, на опыте.

Чем больше знаний добыто собственными усилиями, напряжением воли, чем глубже затронуло логическое познание эмоциональную сферу учащегося, — тем прочнее память, тем в большем порядке, более стройно укладываются новые знания в сознании.

Прежде чем начать запоминать, ребенок должен пройти школу мышления, о которой я говорил. Чем сложнее и труднее задачи, которые ставятся перед памятью, тем кропотливее должно быть воспитание мышления, мысли, умственных способностей. Ребенку, который видит только поверхностную, для всех очевидную, сторону предметов, вещей, явлений, который не сделал ни одного «открытия», проникая в их глубину, в сущность, не пережил чувства изумления перед неожиданной взаимосвязью явлений, такому ребенку будет трудно запоминать.

Я твердо убежден, что о воспитании памяти особенно надо заботиться тогда, когда ребенку еще не подошло время заучивать, запоминать ни на уроках, ни дома. Дошкольные годы и обучение в начальной школе — прекрасное время для закладки фундамента прочной памяти. Надо заботиться о том, чтобы важные истины о явлениях и закономерностях окружающего мира были усвоены детьми без специального заучивания и запоминания, т. е. в процессе непосредственных наблюдений.

Каждому из нас, наверное, приходилось разводить руками перед странными явлениями: ребенок в начальных классах учился хорошо, а после начальной школы — сразу же стал учиться плохо. В чем дело, почему так бывает? Одна из причин — отсутствие в начальной школе специальной работы, имеющей целью развитие мышления, воспитание умственных сил, закладку фундамента запоминания. В начальной школе надо заложить прочный фундамент памяти, а им являются знания, добытые, приобретенные, усвоенные ребенком в процессе непосредственного познания окружающего мира под руководством учителя.

ЩАДИТЕ И В ТО ЖЕ ВРЕМЯ РАЗВИВАЙТЕ ПАМЯТЬ ПОДРОСТКОВ, ЮНОШЕЙ И ДЕВУШЕК

Зубрежка всегда вредна, но особенно недопустима она в отроческом и юношеском возрасте. В эти годы зубрежка порождает инфантильность — оребячивает взрослых людей, отупляет их умственно, задерживает формирование способностей и наклонностей. Детище зубрежки, одно из зловещих ее порождений — *школярство*. Это, по существу, перенесение в среду подростков и юношей тех методов и приемов, которые характерны для воспитания малышей. Это приводит к инфантильности ума в сочетании с попытками овладеть серьезным научным материалом. Это отрыв знаний от жизненной практики, ограниченность сферы интеллектуальной и общественной деятельности.

Одной из главных причин этого большого зла является то, что подростки, юноши и девушки таким же способом приобретают знания, как и малыши: заучивают по порции материал учебника с тем, чтобы потом по порции же «выложить» свои знания учителю и получить отметку. Гипертрофия произвольного запоминания простонапросто оглупляет человека.

Изгнать из школы школярство — одна из очень важных воспитательных задач. Но как это сделать, если значительная часть материала средних и старших классов требует именно произвольного запоминания — сядь и выучи, иначе не будешь знать, мудрствовать здесь особенно нечего.

NB ***Долгие поиски облегчения учения привели Сухомлинского к простому, но очень важному выводу. При изучении того или иного курса надо выбирать разумное соотношение произвольного и непроизвольного запоминания. Это соотношение, по мнению новатора, должно равняться 1:3. Педагог заметил, что чтение без специальной установки на запоминание, основанное на живом интересе, качественно отличается от того, что заранее чем-то обусловлено. Здесь сказывается эмоциональный момент познания. Запоминание при таком чтении происходит быстрее, а главное — оно намного прочнее. Это, во-первых. Во-вторых, читая познавательную литературу, ребята осмысливают гораздо обширнее материал, чем того требует учебник. В результате они знают больше. И тут возникает определенный парадокс: чем больше знает ученик, тем больше у него возникает вопросов, тем больше у него непонятного, и чем больше непонятного, тем больше тяга к пополнению знаний, что обусловливает всевозрастающий интерес к учению.***

А сделать это можно единственным путем: установить разумное соотношение произвольного и непроизвольного запоминания. Если количество материала, который надо запомнить ученику VIII класса, обозначить через x, то в это же время ученик должен осмыслить, продумать в несколько раз больше материала — $3x$. При этом между материалом, который заучивается, запоминается преднамеренно, и материалом, который только осмысливается, без специальной установки на запоминание, должна быть определенная связь —

не обязательно прямая, непосредственная, но желательно, чтобы это была связь проблемная. Например, по анатомии и физиологии изучается нервная система человека. В этом разделе много совершенно нового, почти все надо запомнить. Для того чтобы учение не превратилось в зубрежку, посоветуйте ученикам прочитать интересные книги о человеке — о всех системах человеческого организма, о нервной системе, об исследованиях выдающихся ученых. Многое из того, что ученики будут читать без специальной установки на запоминание, запомнится, но это совершенно другое запоминание — непроизвольное, оно качественно отличается от преднамеренного запоминания, заучивания материала учебника. Это запоминание основывается на живом интересе, на мышлении, на увлечении — здесь большую роль играет эмоциональный элемент познания. Непроизвольное запоминание — чтение интересных книг — способствует тому, что у человека пробуждается жизнь мысли. Чем активнее жизнь мысли, тем больше развивается способность произвольной памяти сохранять и воспроизводить значительный объем материала. Если человек осмысливает материал в несколько раз больший, чем надо заучить по учебнику, запоминание материала по учебнику (заучивание) перестает быть зубрежкой. Оно становится осмысленным чтением, мыслительным анализом. Многолетний опыт убедил меня в том, что, если преднамеренное, произвольное запоминание основано на непроизвольном запоминании, на чтении, думаньи, в процессе работы над учебником у подростка появляется много вопросов. Чем больше он знает, тем больше у него непонятного, и чем больше непонятного, тем легче учить уроки по учебнику.

Установление разумного соотношения между непроизвольным и произвольным запоминанием зависит прежде всего от учителя. Вам, преподавателю основ науки, надо быть не просто передатчиком знаний. Надо быть властителем дум юношества. Уже в вашем рассказе, в изложении нового материала должна быть искра, зажигающая порох пытливости, любознательности, жажды знаний. С урока вашего подросток должен пойти с твердым намерением прочитать книгу, о которой вы упомянули вскользь. Он должен мечтать об этой книге, найти ее во что бы то ни стало.

Развитие памяти подростков, юношей и девушек зависит, таким образом, от общей интеллектуальной культуры учебно-воспитательного процесса в средних и старших классах.

ВОСПИТЫВАЙТЕ У ДЕТЕЙ ЛЮБОВЬ К РИСОВАНИЮ

Прямое отношение к развитию умственных сил учащихся имеет вопрос о том, как поставлено рисование в начальной школе, какое место отводит ему учитель в учебно-воспитательном процессе. Воспитывая детей в начальной школе, я увидел в рисовании одно из средств, развивающих творческое мышление, воображение. Я твердо убежден, что детский рисунок является необходимой ступенькой на пути к логическому познанию, не говоря уже о том, что рисование помогает развивать эстетическое видение мира.

Вначале я учил детей рисовать с натуры. Мы рисовали деревья. цветы, реку, животных, насекомых, птиц. Какой бы простой ни была композиция рисунка, в нем всегда отражались индивидуальные черты восприятия, мышления, эстетической оценки. Однажды мы рисовали клеверное поле. Одни дети стремились охватить всю цветущую ниву, облака, синее небо, поющих жаворонков. У других детей я увидел цветущий стебелек клевера с опустившейся на лепестки пчелой. А у одной девочки через весь лист — крылышки шмеля, маленький лепесток цветущего клевера и солнце...

Несколько путешествий к первоисточнику мысли мы проводили специально для того, чтобы восприятие окружающего мира было пронизано яркими эстетическими чувствами. Мы рисовали утреннюю и вечернюю зарю у пруда, ночной костер на пастбище в лугу, отлет птиц в теплые края; весеннее половодье. Я пришел к радостному выводу: изображение того, что волнует, восхищает, изумляет, — это своеобразная эстетическая оценка окружающего мира. Когда ребенок рисует то, что воплощает красоту, переживание красоты как бы просится в слово, пробуждает образное мышление.

Постепенно, шаг за шагом, я прививал детям элементарные умения по технике рисунка; дети научились передавать свет и тень, перспективу. Уже в I классе большое место в детском рисовании заняло творчество. Дети составляли рассказы в рисунках, *рисовали сказку*. Рисунок стал источником игры творческого воображения. Я убедился, что между игрой воображения, развивающегося в процессе рисования, и речью ребенка есть прямая, непосредственная связь. Без преувеличения можно сказать, что рисунок «развязал язык», заставил говорить молчаливых, очень стеснительных ребят.

Во II, III и IV классах дети стали включать рисунок в творческие письменные работы — сочинения, составленные по материалам наблюдений над явлениями природы и трудом. Я заметил, что в тех случаях, когда ребенок не находит точных, емких слов для выражения своей мысли, он прибегает к рисунку. Один мальчик, стремясь передать свое изумление теми сокровищами, которые он увидел в «кладовой» ежа, нарисовал эти сокровища — яблоки, картофель, зеленые листья свеклы, разноцветные листья, опавшие с деревьев.

Я стремился к тому, чтобы рисование заняло свое место в духовной жизни ребенка. Когда мы ехали по Днепру в Киев, мальчики и девочки восхищались красотой лугов, гор, лесов, далеких курганов в степи, всю эту красоту стремились запечатлеть в линиях и красках.

Без рисования я не представляю уроков географии, истории, литературы, естествознания. Вот я рассказываю о флоре и фауне далекого континента — Австралии. Не всегда есть возможность принести на урок готовые картинки, где бы все было изображено. Поэтому многие растения и животных я быстро изображаю на доске. Это не прерывает нити мысли ребят и в то же время поддерживает игру воображения. На уроках истории, рассказывая, я одновременно рисую мелом на доске одежду людей, живших много лет назад, орудия труда, оружие. Опыт убедил меня, что на уроке истории, особенно в IV и V классах, очень большую роль играет сюжет-

ный рисунок, который рождается на доске в процессе рассказа. Например, рассказывая о восстании Спартака, я изображаю на доске лагерь восставших на вершине горы. У рисунка, рождающегося здесь же, в процессе рассказа, есть большие преимущества перед готовой, даже многокрасочной картиной. На уроках математики в младших классах иногда приходится *рисовать задачу* — об этом я уже рассказывал выше.

КАК ГОТОВИТЬ ДЕТЕЙ К БЕГЛОМУ ПИСЬМУ

Чтение и письмо — это два самых необходимых школьнику инструмента учения и в то же время два окошка в окружающий мир. Без умения бегло, быстро и сознательно читать, бегло, быстро, полуавтоматически писать ребенок остается как бы полуслепым. Я вижу очень важную задачу в том, чтобы уже в третьем, а в четвертом классе уже наверняка — ученик писал длинное слово, не отрывая пера от бумаги, чтобы он мог написать слово (и даже маленькое предложение), оторвав взгляд от тетради. Полуавтоматизм процесса письма — исключительно важное условие грамотности и вообще сознательного усвоения знаний. Ученик не должен думать над тем, как писать ту или иную букву, как ее соединять с другими буквами, — лишь при этом условии он сможет думать над применением грамматического правила, над смыслом того, что он пишет. Постепенно беглое письмо вырабатывает полуавтоматизм и в отношении грамматических правил: ребенок уже не думает, как пишется то или иное слово, потому что он много раз писал его.

Все это — быстрота написания букв и слов, постепенное приобретение полуавтоматизма в отношении орфограмм, одновременное написание и осмысливание — должно идти рядом. Выработка беглого письма прежде всего требует определенного количества тренировочных упражнений малых мышц руки. Многолетний опыт убеждает, что эти упражнения должны предшествовать письму. Я имею в виду тонкие *трудовые* движения рук — и правой, и левой. За год до начала обучения в школе детям надо давать такие виды труда, как вырезание из картона и бумаги ножиком (резцом) и ножницами, резьба по дереву, плетение, конструирование и изготовление маленьких моделей из дерева. Тонкие трудовые движения вырабатывают необходимые соразмерность и ритм движения пальцев, формируют их чуткость, чувство миниатюрного рисунка, каким в сущности и является буква.

Надо стремиться к тому, чтобы трудовые движения маленьких детей представляли собой эстетическое творчество. Пусть в том изделии, которое изготовляет ребенок, повторяются круглые, овальные, волнистые линии, пусть с малых лет ребенок привыкает к тонким, плавным усилиям, требующим большой «чуткости инструмента».

Опыт убеждает, что если ребенок выполнил достаточное количество тонких трудовых движений, он уже в значительной мере подготовлен к беглому письму. Необходима, конечно, и система письменных упражнений.

УЧИТЬ УЧИТЬСЯ

Единство обучения и воспитания...

Вдумаемся, уважаемые коллеги — учителя начальной школы, в эти слова! Ведь от того, в какой мере наш ученик является прежде всего нашим воспитанником, зависит успех всей учебно-воспитательной работы школы.

Многолетняя работа с детьми не раз убеждала меня, что тончайшие источники, из которых наполняется река единства обучения и воспитания, — это желание ребенка учиться. Но как открывать такие источники, как сделать, чтобы они не заилились? Чем предотвратить тревожное явление, с которым, к сожалению, часто приходится сталкиваться нам, педагогам: скажем, ребенок нес в школу огонек — жажду знаний, но этот огонек скоро погас, взамен родился страшнейший, злейший враг обучения — равнодушие.

Или вот такое: как построить всю учебно-воспитательную работу в классе и школе, чтобы ребенку хотелось сегодня быть духовно богаче, умнее, чем вчера, чтобы он чувствовал, переживал свой интеллектуальный, идейный рост, гордился им, чтобы эти чувства были стимулом, который побуждает преодолевать трудности? Ведь детское желание хорошо учиться неотделимо от оптимистического мировосприятия — познания окружающего мира и особенно самопознания. Ясное дело, там, где нет радостного увлечения учебной работой, взволнованного удивления перед истиной, открывающейся благодаря напряжению внутренних сил детской души (а они, эти силы, — единственная, так сказать, точка опоры педагога), не может быть и речи о любви к науке, к знаниям.

Чтобы ребенок был горячо заинтересован в учебе, ему необходима богатая, разнообразная, привлекательная интеллектуальная жизнь. Мы должны постоянно заботиться о том, чтобы с поступлением в школу мысль ребенка не была втиснута в рамки классной доски и страницы букваря; чтобы стены класса не отгораживали его от многообразия мира, в тайнах которого — неисчерпаемые источники мысли, творчества. Иными словами: чтобы ребенок охотно учился, его интеллектуальная жизнь ни в коем случае не должна ограничиваться лишь школьными, ученическими методами, требующими запоминания, заучивания и воспроизведения знаний для проверки их учителем.

NB ***Итак, не надо пытаться втиснуть ребят в рамки лишь школьной доски и букваря. Интерес воспитанников к знаниям будет развиваться в том случае, если их интеллектуальная жизнь не будет ограничиваться методами, требующими запоминания, заучивания, воспроизведения знаний при опросах и т. п. Павлышский педагог стремился к тому, чтобы малыш, прежде чем открыть «Букварь» и прочитать по слогам первое слово, вначале бы познакомился с «Книгой природы». Учитель, по его мнению, который встречает первоклашек в классе и сразу с ними начинает изучать «Букварь», начинает спектакль не с первого, а сразу со второго действия. Идея постепенности, последовательности в вопросах обучения и воспитания взрослеющей личности, выдвинутая Ж. Ж. Руссо, пронизывает все составные педагоги-***

ки павлышского новатора, который следовал его совету: «Дайте детству созреть в детях».

А впрочем, пусть у читателя не сложится впечатление, будто автор пренебрежительно относится к запоминанию и заучиванию. Нет, без этого немыслимы обучение и умственное развитие. Но если обучение превратить только в работу памяти, оно становится беспредметным, ибо подлинное умственное развитие возможно только тогда, когда соединяются усилия памяти и мысли, осмысливаются явления, закономерности окружающего мира.

Чтобы интеллектуальная жизнь учащихся начальной школы была богатой, необходима гармония мысли и усилий памяти. Позаботимся, уважаемые коллеги, чтобы ребенок в начальной школе был прежде всего думающим, активным добытчиком знаний, пытливым искателем истины, путешественником в мире познания. Только в таком случае он будет хорошим школьником.

Хочется в связи с этим поделиться некоторым опытом, приобретенным учителями начальных классов нашей школы. Обучение ребенка у нас начинается за год до поступления в первый класс (в подготовительной группе). Ребенок живет в интересном для него мире мыслей. Мы проводим с малышами специальные занятия, получившие название уроков мышления. Это, образно говоря, путешествия к первоисточникам мысли. Мы идем с детьми в сад и в лес, в поле и на берег пруда; открываем перед ними разнообразнейшие оттенки и грани предметов, явлений, отношений, зависимостей. Видение мира, благодаря которому человек становится не пассивным наблюдателем, а открывателем истины, — это и есть рождение живой мысли. Мы убеждены, что предотвратить угасание огонька любознательности в детских глазах можно лишь в том случае, если мы научим своих воспитанников активно видеть мир. Мышление начинается с удивления, как отмечал Аристотель. Первоисточником тяги к знаниям, стремления к познанию истины, как известно, является увлечение ребенка тем, что открывается ему в мире, а потом и в нем самом.

...Дети — будущие первоклассники — пришли с учителем на зеленый луг. Пахнет трава, ласкают взор цветы, греет ласковое солнышко, в голубом небе поет жаворонок, в прозрачном ручейке плавают рыбки... Перед ребенком открывается жизнь в разнообразнейших ее проявлениях. И вот тут он постигает своим разумом удивительную, поразительную истину: источником жизни является солнце. В каких бы формах она ни проявлялась, ее пробуждает только солнечный луч. Эта истина вызывает у детей глубокое волнение. Перед ними возникают десятки загадок, открываются разнообразнейшие связи и отношения, суть которых неясна, но ее хочется постичь. Охватив своим разумом одну истину, ребенок объясняет с ее помощью новые и новые явления. Но чем больше понятного, тем больше открывается и непонятного, тем активнее работает мысль, тем сильнее тянет к знаниям. С занятий на тему «Солнце — источник жизни на Земле» ребенок идет в радостно-приподнятом, взволнованном настроении. Это душевное состоя-

ние порождает особую восприимчивость ума ко всему, что надо запомнить. Человек, который много думает, собственными усилиями открывая истину, — с большой активностью, с интересом воспринимает и запоминает.

Наконец, для гармонии мысли и памяти необходима целая система уроков мышления среди природы. Вот темы, по которым наши педагоги проводят занятия на протяжении пяти лет — от подготовительной группы до окончания четвертого класса.

Лето. Первые приметы осени. Почему одни птицы улетают в теплые края, а другие остаются у нас зимовать? Листья осыпаются с деревьев. Солнышко светит, но не греет. Первые снежинки. Как мороз рисует на стеклах? Рождение летнего, осеннего дня. В голубом небе — журавлиная стая. Живое и неживое в природе. Пруд и река. Наше село. Поле и плуг. Пчела на цветке. Шмели в желтых бутончиках хмеля. Цветок и зерно. Семя и растение. Как из зерна вырастает колос? Труд и хлеб. Солнце — источник жизни. Плодовые и декоративные деревья. Розы в нашем саду. Шиповник и роза. Осенние цветы. Хризантемы — дети осени. Вечерняя заря. Тихий вечер над прудом. Вишневый садик возле хаты. Солнце заходит. Песня сверчка. Скворцы прилетели. Маленькие ягнята. Корова и теленок. Цветы в теплице. Зимнее утро. Жизнь под снегом. Ранней весной. Жаворонок в голубом небе. Пшеничное поле. Росное утро. Небо перед ветреным днем. Путешествие капли воды. Как ласточка строит гнездо. Синица ищет помощи у человека. Воробей и коршун. Вьюга. Комбайн плывет в море пшеницы. Кузнец возле горна. Как из кирпича вырастает дом? Что человек может делать лопатой? Руки музыканта и руки каменщика. Труд зимой и летом. На животноводческой ферме. Труд, усталость и отдых. Игра и труд. Моя любимая игрушка. Мое любимое занятие.

Система уроков мышления — это наша школа мысли, без которой мы не представляем полноценного, эффективного умственного труда на всех уроках не только в начальной школе, но и в последующие периоды обучения и умственного развития. Она, эта школа, является фундаментом творческих умственных сил, необходимых для овладения новыми и новыми знаниями. По мнению всех учителей начальных классов нашей школы, воспитательный смысл уроков мышления состоит прежде всего в постоянном и непрестанном применении знаний. Воспитать желание учиться как раз и можно только тогда, когда знания, которыми ребенок овладевает в начальной школе, не остаются мертвым кладом, не нагромождаются в детской голове только для того, чтобы в определенное время учитель вынимал их из «кладовой» для проверки. Развитие умственных способностей — это знания в движении, в применении. Оптимистическое самопознание — а это и является предпосылкой тяги к знаниям — начинается с того, что ребенок на собственном опыте убеждается: знания становятся орудием его мышления и труда; пользуясь ими, он выражает свой ум, самого себя. На уроках мышления происходит сложный процесс самовыражения личности в творческой мысли, в подходе к явлениям окружающего мира, в их объяснении, в глубоком осмыслении.

Вот именно здесь, в те минуты, когда пытливый детский ум непосредственно касается тончайших взаимосвязей между явлениями окружающего мира, между трудом человека и миром, пробуждаются и проявляются активные интеллектуальные силы ребенка, именно здесь он впервые чувствует себя властелином знаний, учится дорожить убеждениями, ибо как раз то, что достигнуто собственными силами, особенно дорого.

Мы убедились в том, что благодаря урокам мышления школьник становится тружеником мысли. Наши уроки мышления не являются чем-то универсальным; это не единственное средство воспитания умственных способностей и желания детей учиться. Но, наверное, это самое целесообразное, учитывая возрастные особенности восприятия и мышления, средство формирования взглядов воспитанника, его отношения к умственному труду и к самому себе. Самое главное — уже в младшем возрасте человек сознательно дорожит тем, что он — мыслящая личность. А именно без этого не может быть и речи о каком бы то ни было сознательном стремлении овладевать знаниями.

Постоянно ощущая, переживая на собственном опыте привлекательность применения знаний, гордость от того, что он — властелин их, маленький человек постепенно переносит это отношение к окружающему миру на самого себя, на книгу. Читать природу мы учим детей для того, чтобы научить их читать книгу. А воспитать школьника пытливым, вдумчивым читателем — не так просто. Это не то же самое, что научить бегло читать. Желание учиться утверждается в ребенке только в том случае, если его интеллектуальная жизнь проходит среди книг. Не самая ли большая беда многих школ — бескнижие духовной жизни? Много, очень много есть школ, где на полках библиотек нет именно того, что надо читать ребенку младшего возраста. Читать не только для того, чтобы найти какое-то средство от ничегонеделания, а чтобы жить в мире книг.

Теперь книге приходится соперничать с другими источниками информации (кино, телевизор, магнитофонные записи и т. п.). Следовательно, даже там, где хорошие книги для чтения есть, они часто стоят на полках библиотек, как спящие великаны.

Важную свою миссию как воспитателей мы видим в том, чтобы в этом своеобразном соперничестве победителем всегда была книга. Желание учиться живет и утверждается там, где она стала самой привлекательной духовной потребностью младшего школьника. Что и как читают дети, какой след оставляет чтение в духовной жизни воспитанника? Это вопрос большой важности.

Мы не ставим перед собой цели давать пространные советы по поводу содержания внеклассного чтения. Вдумчивый учитель уже с первых шагов работы с детьми продумывает, какие книги должен прочесть (и перечитать) за годы обучения в начальных классах каждый воспитанник. Эти книги обязательно должны быть в библиотеке (и не в одном экземпляре). Без этого школа может превратиться из очага интеллектуальной культуры в место, где господствует зубрежка. Внеклассное чтение — это, образно говоря, и паруса, благодаря которым корабль мысли плывет вперед, и ветер, надu-

вающий паруса. Нет чтения — нет ни парусов, ни ветра. Чтение — самостоятельное плавание в море знаний, и наша задача состоит в том, чтобы каждый воспитанник испытал счастье этого плавания, почувствовал себя смельчаком, ставшим один на один с безбрежным морем человеческой мудрости.

В начальной школе самостоятельное чтение играет особую роль в интеллектуальном, моральном и эстетическом развитии. От того, какое место занимает оно в духовной жизни школьника, зависит и его отношение к учебе. Мы стремимся, чтобы в детстве каждый ученик прочитал лучшие книги о природе, героическом прошлом родного народа, о борьбе советских людей за свободу и независимость в Великой Отечественной войне, подвигах строителей коммунизма, величии и благородстве человека-борца за счастье трудящихся, о коммунистическом идеале, нашей Родине, культуре, науке, просвещении. За десятилетия у нас составилась «Библиотечка детства» — 250 книг, которые каждый учащийся перечитывает за время обучения в начальных классах. Мы тщательно подбираем литературу в эту библиотечку: тут должны быть книги только высокой художественной и познавательной ценности. Они входят в интеллектуальную жизнь ребенка как драгоценное достояние. Особое место в этой библиотеке занимают книги о людях, которые становятся образцом, примером для подражания. Подлинное воспитание начинается там, где есть самовоспитание. А самовоспитание начинается с увлечения моральным благородством, величием человека.

Важная воспитательная задача каждого учителя начальной школы — добиться, чтобы ребенок стремился быть похожим на того, кто является для него идеалом. <...>

Нельзя представить полноценного воспитания, если человек в детском возрасте не узнал на собственном опыте волнующей радости размышления над книгой. Чтение становится могучей воспитательной силой благодаря тому, что, увлекаясь моральной красотой, стремясь подражать, человек начинает думать о себе, оценивать свои действия и поступки, измерять себя определенной мерой моральности. Чтение и раздумья над книгой становятся интеллектуальной потребностью. Это чрезвычайно важно для воспитания той культуры мысли, без которой невозможны тяга к учению, стремление овладевать новыми и новыми знаниями.

Мысль, пробужденная книгой, — словно хорошо обработанное поле, на которое падает семя знаний, прорастает, дает урожай. Благодаря размышлению над книгой облегчается усвоение программного материала. Чем больше ученик рассуждает над книгой, чем сильнее в его душе чувство увлечения, пробужденное книгой, тем легче ему учиться.

В школу нередко приходят дети с некоторыми отклонениями от нормального умственного развития (эти отклонения Г.С. Костюк называет пониженной способностью к обучению). Забота о нормальном обучении таких детей, о том, чтобы они не отставали и не чувствовали себя обреченными на интеллектуально убогую жизнь, — одна из важнейших проблем практики учебно-воспитательной работы в начальной школе. Ясное дело, чем ниже способность к обуче-

нию у школьника, чем труднее ему усвоить минимум знаний, тем важнее становится самостоятельное чтение и тем неотложнее необходимость привить ребенку радость размышления над книгой. Без преувеличения могу сказать, что самостоятельное чтение буквально спасает отдельных учеников от интеллектуальной ограниченности, предотвращает их отставание, воспитывает в них умственную активность. Индивидуальную работу с детьми, которые имеют пониженную способность к обучению, следует начинать с самостоятельного чтения. Размышления над книгой — главнейшее средство предотвращения неуспеваемости. Опытный педагог, бывает, долго раздумывает над тем, какую книгу дать ребенку, имеющему пониженную способность к обучению, как врач думает о режиме человека с ослабленным здоровьем. Никакие попытки заставить такого ребенка заучить, запомнить не дадут желаемых результатов, если учитель не воспитает в нем способности думать над произведением.

Мысли, как искры: от одной загорается другая. Вдумчивый педагог-воспитатель стремится создать в коллективе атмосферу общего увлечения книгой, знаниями; чтобы интеллектуальные интересы стали теми нитями, которые связывают отдельных школьников сокровеннейшими, сложнейшими отношениями — взаимоотношениями мышления. Уже в начальных классах надо добиться, чтобы ребенок не только сам стремился к учению, но и передавал товарищам свое увлечение знаниями, чтобы интеллектуальные чувства волновали школьников. Взаимоотношения детей, основанные на мышлении, не должны ограничиваться уроком. Опытные учителя время от времени проводят с детьми беседы, посвященные книге и творчеству. Рассказывая товарищам о том, что волнует его, ребенок утверждается в своих стремлениях быть интеллектуально богатым, и чем больше он передает своих мыслей другим, тем богаче становится сам.

Особое значение в создании полноценного детского коллектива имеет творчество. Прежде всего творчество посредством слова. Каждый учитель начальных классов систематически проводит утренники детского творчества. Дети читают свои рассказы, стихи. Это в основном художественные повествования о том, что ребенок видит собственными глазами, что его увлекает, изумляет, волнует. Ведь огонек мысли — это эмоциональная ее окраска. То, что волнует одного, начинает волновать и других. Ученик, например, читает своим товарищам сочинение о зимнем утре. Он написал его, наблюдая явление природы, восхищаясь красотой. Слушая, дети переживают увлечение мыслью. Каждому хочется испытать свои силы в творчестве.

А что делать, могут спросить, если детям тяжело достичь такого уровня творчества, чтобы мыслью одного увлекались другие и красота ее пробуждала бы стремление к творчеству? На собственном опыте я убедился, что в таком случае первой искрой должна быть инициатива учителя. Я сам пишу сочинение о том, что меня увлекает, волнует. Несу свою мысль детям, пробуждаю в их умах и душах нужные стремления.

Творчество является ступенькой самостоятельного мышления, на которой ребенок познает радость собственной мысли, пережи-

вает моральное удовлетворение творца. Как важно, чтобы этого достиг каждый ученик! Умственное воспитание, без которого немыслимо полноценное обучение, именно в том и состоит, что ребенок, творя средствами слова, чувствует себя автором, увлекается тем, что прелесть жизни, природы, человеческих отношений становится красотой мысли.

NB *В этой связи заслуживает особого внимания еще одна грань новаторства павлышского педагога. Имеется в виду тот факт, что Василию Александровичу удалось открыть буквально в каждом ученике не только слушателя, читателя сказок, но и их творца, причем таких сказок, которые могли на равных быть представлены в любой солидной антологии.*

Желание учиться — очень тонкая и капризная вещь. Оно, образно говоря, как нежный цветок, который питают тысячи корешков, неутомимо работающих во влажной почве. Мы их не видим, но заботливо оберегаем, зная, что без них жизнь и красота погибнут.

Стремление к знаниям питается тысячами бессонных, неутомимых корешков нелегкого, но радостного, привлекательного, желанного для ребенка труда. А таким труд становится только тогда, когда напряжение сил неотделимо от чувства собственного достоинства. Ребенок должен ощущать себя тружеником, гордиться результатами своего труда, достигнутыми собственными усилиями. Выработать гордость — значит утвердить в душе желание быть мыслителем. Это одна из тончайших сфер всей педагогики. Нет чувства достоинства, пробужденного умственным трудом, нет и воспитания в процессе обучения, не может быть и речи о единстве обучения и воспитания.

NB *Гуманизм педагога был и в том, что он, понимая важность стимулирования учения, много делая в этом направлении, решительно отстаивал его недопустимость. Необходимо, подчеркивает он, «открыть перед ребенком и посильные трудности», которые тот должен научиться преодолевать, и при этом «чувствовать нравственную ответственность за то, что он что-то не сделал», т. е. учение, по Сухомлинскому, должно быть напряженным и радостным одновременно.*

Чтобы наши дети всегда ощущали жажду знаний, чтобы желание учиться было главнейшим стимулом их нелегкого умственного труда, позаботимся об очень важной предпосылке всего школьного обучения: умственный труд ребенка, будучи понятным, в то же время должен иметь и соответствующие трудности. Чувство достоинства труженика-мыслителя возможно только в том случае, если умственный труд является определенным испытанием сил. Ребенок выходит из этого испытания победителем, с гордостью и радостью оглядывается на пройденный путь, говорит сам себе: «Это я нашел. Это я открыл».

Вот как утверждается чувство достоинства труженика-мыслителя. Мы читаем ученикам II класса задачу: «Построили 4 дома по 9 квартир в каждом и 9 домов по 4 квартиры в каждом. Девятую часть квартир уже заселили. Сколько осталось незаселенных?» Мы уже приучили детей к тому, что задачи такой трудности они решают во втором классе, как пра-

вило, устно. На уроке царит атмосфера сосредоточенной мысли. Запомнив числовые данные (условия), осмыслив зависимость между ними, дети приступают к вычислениям.

Ученики не берутся за ручку, пока задача не решена; только закончив работу, они пишут на маленьком листочке ответ. Мы проходим между рядами, видим, кто закончил работу, даем самым сообразительным карточки с новыми, более трудными заданиями. Уже через пять-шесть минут после того, как мы прочитали задачу, в глазах некоторых детей вспыхивают радостные огоньки: ответ правильный. Окрыленные успехом, дети берутся за более трудные задачи. Мы видим все новые и новые огоньки в детских глазах. Но в классе есть Юра — слабый, очень слабый ученик. Мы повторяем задачу еще раз — специально для него. Видим, с каким большим трудом ребенок схватывает, наконец, зависимости между величинами. Ребенок радуется уже тому, что понял задачу, — надо уметь оценить и эту победу детской мысли. Школьник с нашей помощью еще и еще раз повторяет числовые величины. Мы знаем, что память у Юры очень слабая. Минут десять мальчик просто вдумывается в условия. Для него это чрезвычайно важно. Потом переходит к вычислениям. Мы еще раз повторяем с ним числовые данные задачи. Вычисления идут правильно, ребенок радуется. Мы радуемся вместе с Юрой. Но вдруг беда: забылись какие-то числовые данные условий, рассыпался домик, который ребенок с таким трудом начал возводить. Мы снова повторяем с Юрой условия задачи, ребенок снова схватывает нить мысли. Работа почти доведена до конца — и снова что-то забыто. Мы терпеливо объясняем еще несколько раз. Ребенок снова думает.

Наконец Юра записывает на бумаге ответ. Мальчик празднует успех. В его душе невыразимая радость: ведь он добился победы! Вот эта радость открытия, радость от того, что своими силами закончил работу, и является источником человеческого достоинства. Это та могучая воспитательная сила, которая пробуждает в детской душе новую энергию мысли. Будем беречь эту силу; как огня, будем бояться того, чтобы умственный труд ребенка не остался безрезультатным. Достаточно ребенку два-три месяца не видеть результатов своего умственного труда, как у него исчезнет желание учиться, ибо исчезнет, по сути, и сам труд. Источник детского желания учиться — в напряжении умственных усилий, в радостях победы.

NB ***Главная суть основополагающего принципа гуманистической педагогики В.А. Сухомлинского в оптимальных основах разработанной им системы, позволяющей учить всех и учить хорошо (Я.А. Коменский) с первого до выпускного класса, не разделяя их на способных и неспособных. Заметим, что в те годы еще никто не умел учить до выпускного класса всех детей подряд. Но от этой трудной проблемы, как подчеркивал новатор, никуда не уйти. Ибо в общеобразовательных школах тех времен училось в пределах 2 млн малоспособных детей — будущих граждан, тружеников страны, отцов, матерей. Их надобно «вводить в мир общества, духовной жизни, красоты совершенно полноценными и счастливыми». В этом, и прежде всего в этом, видел педагог гуманную миссию школы и педагогики.***

У опытного учителя труднейшей, сложнейшей проблемой в его педагогической лаборатории является как раз то, чтобы и самый слабый ребенок видел плоды своего труда и чувствовал гордость труженика мысли. Бывает, что вести ребенка к вершине победы, как мы вели Юру, приходится неделю, две, а то и больше. Что же, наша работа требует большого терпения и большой веры в творческие силы ребенка.

Початкова школа, 1969, № 2

NB ***Поиск путей выхода из создавшегося положения идет по многим направлениям — совершенствуются методы обучения, разрабатываются новые программы и учебники, учителю предоставляется право их выбора и корректирования.***

В целях повышения ответственности учителя за результаты своего труда введена аттестация учителей (заметим, что формы и методы ее проведения нередко дают обратные результаты), делаются попытки оценить результаты труда учителя на основе стандартизации образования (хотелось бы, чтобы эта мера не стала новым способом давления на учителя), ведутся активные творческие поиски многими учителями. И тем не менее результаты этой деятельности пока остаются незначительными.

В чем причины? Их, безусловно, много. С одной стороны, нестабильность социально-экономического положения в обществе, с другой — упрощенный подход к сущности дидактических принципов обучения. К сожалению, многие учителя цель методов обучения усматривают в том, чтобы любыми способами добиться усвоения учащимися программного материала.

Против этого выступал В.А. Сухомлинский. «Мы оцениваем эффективность методов обучения по тому, насколько они способствуют процессу общего умственного развития ребенка, — писал он, — в какой мере процесс обучения является в то же время процессом умственного, нравственного, идеологического, эстетичного воспитания».

Цель дидактики В.А. Сухомлинского — общее умственное развитие ребенка. Только высокий уровень общего умственного развития выпускников школы может обеспечить подъем культуры, эффективность труда и экономики, научно-технический прогресс, обеспечит достойный человека образ жизни.

К сожалению, дидактика В.А. Сухомлинского еще не стала достоянием массового учительства. А по своей жизненности, доступности и привлекательности вряд ли можно найти сегодня что-то подобное.

Не потеряли своей актуальности мысли В.А. Сухомлинского о единстве обучения и воспитания, индивидуальном творчестве учителя, совершенствовании урока, методах обучения, умственном развитии детей и пр.

Особого внимания заслуживает учебная нагрузка школьников. Она все еще остается значительной. Сегодня стало модным вводить в школах новые предметы, спецкурсы, семинары. Количество учебных предметов в массовой школе увеличивается, а

времени на их изучение практически нет. Многопредметность, торопливость, ориентация на запоминание, а не на осмысление учебного материала, сложные, наукообразные учебники не только не способствуют умственному развитию, а тормозят этот процесс, вредят здоровью детей, вступая в противоречие с принципами гуманизма.

Умственное развитие школьников настоятельно требует усиления внимания к проблемам интеграции школы и среды, использования дополнительных принципов отбора содержания образования: народность, сохранение народных традиций быта и культуры, соответствие особенностям трудовой деятельности в регионе, эстетизация и гуманизация среды.

Глава 4

ТРУДОВОЕ ВОСПИТАНИЕ — ЭТО ГАРМОНИЯ ТРЕХ НАЧАЛ: НАДО, ТРУДНО И ПРЕКРАСНО

ТРУД В ДУХОВНОЙ ЖИЗНИ ПОДРОСТКА

ТРУД ВО ВСЕСТОРОННЕМ РАЗВИТИИ ЛИЧНОСТИ

Труд называют могучим воспитателем. Но его воспитательная сила еще не раскрывается тогда, когда руки подростка чем-то заняты. Труд, оторванный от идейного, интеллектуального, морального, эстетического, эмоционального, физического воспитания, от творчества, от интересов и потребностей, от многогранных отношений между воспитанниками, становится повинностью, которую им хочется побыстрее «отбыть», чтобы осталось больше времени на более интересные дела. Большим злом во многих школах является то, что труд не становится духовной потребностью. Это обедняет духовную жизнь человека в годы становления его взглядов, убеждений. Лень часто расцветает как тяжкая беда и порок не потому, что человек ничего не делает, а потому, что работа не вдохновляет, не одухотворяет его, не оставляет положительного следа в эмоциональной памяти.

Углубленное познание мира, самого себя и самовоспитание как определяющие черты духовной жизни в годы отрочества невозможны без самоутверждения в труде. И совершенно невозможно представить гармоничное всеобщее развитие личности без переживания, без ощущения гордости человеком за то, что он создает. В этом источник счастья и полноты жизни. В отрочестве к человеку должна прийти, овладеть его сознанием мысль: «Кто я? Где мое место в жизни? Где мой жизненный путь? На что я способен?» Эта мысль может возникнуть в человеке лишь тогда, когда он в чем-то проявил, выразил себя, чем-то увлекся, в чем-то достиг значительных для своего возраста результатов. Каждого воспитанника я помню прежде всего как личность, чем-то увлеченную, одухотворенную мечтой о цели творческого труда, одержимую стремлением постичь секреты трудового мастерства. Что означает идея: труд — основа всестороннего гармонического развития? В практической работе с детьми и подростками это означает, что от труда идут крепкие нити к интеллектуальному, моральному, эстетическому, эмоциональному, физическому развитию, к становлению идейной, граж-

данской основы личности. Обучение и труд нельзя представлять упрощенно, как практическое закрепление, проверку на практике знаний, полученных на уроке. Проблема эта глубже и тоньше: умственное развитие — труд, ум — труд. Умелое решение этой проблемы в воспитании подростков имеет исключительное значение. Найти такой труд, который бы развивал умственные силы и способности, вводил бы человека в мир творчества — одна из главных задач умственного и трудового воспитания, и успеха тут можно достичь тогда, когда их решают в единстве.

Труд становится основой гармонического развития личности также и потому, что в трудовой деятельности человек утверждает себя как гражданин, переживает чувство гражданского достоинства. Он чувствует, что способен добывать не только хлеб насущный, но и материализовать свой ум, свое творчество. Гражданское должно быть не в звонкой фразе, а в душе — это одно из важнейших правил трудового воспитания. Чувство гражданской значимости труда — это наряду с радостью познания, освоения мира очень сильный эмоциональный стимул, одухотворяющий нелегкий труд, а труд только тогда воспитывает, когда он нелегок. Один из тончайших секретов воспитания — суметь увидеть, найти, открыть гражданское, идейное начало труда.

NB ***Какова главная цель обучения и воспитания детей в школе? Подготовка человека к активной трудовой деятельности в той сфере, которая отвечает уровню его развития, образованию, природным задаткам и интересам. Нет, пожалуй, более важной задачи, чем готовить человека к труду. Современная школа практически не решает эту проблему. Прежние формы и методы трудового обучения и воспитания стали забываться, а новые пока не родились. Здесь, пожалуй, широкое поле для творческих поисков учителей и ученых. В этом смысле опыт В.А. Сухомлинского становится особенно актуальным.***

Проблему воспитания ученика новатор решал в тесной взаимосвязи с проблемой воспитания труженика. Выступив в канун 1948/49 учебного года инициатором обучения учащихся массовым рабочим профессиям, педагог уже тогда стал разрабатывать целостную систему трудового воспитания школьников. При этом он опирался на опыт А.С. Макаренко, на достижения в области политехнического обучения в нашей стране и за рубежом. Особое внимание новатор уделял младшему школьному возрасту, справедливо полагая, что элементарная подготовка к труду должна быть сформирована к 11 годам. Тогда к 16—17-летнему возрасту школьники смогут приблизиться к такому уровню технической грамотности, который до введения политехнического обучения был доступен лишь взрослому человеку. В Павлыше добивались, чтобы все учащиеся участвовали в производительном труде, чтобы «труд из занятия, имеющего оттенок какой-то школярской повинности», превращался «в дело самой жизни». Здесь, скажем, дети с 10-летнего возраста зарабатывали столько, что их денег хватало на покупку учебников и учебных пособий, а уже ребята 12—14 лет зарабатывали сумму, необходимую для приобретения одежды и обуви на зимний период, ребята же 15—17 лет — на одежду и обувь на весь год. Труд подростков, юношей и девушек в Пав-

лыше рассматривался как совершенно серьезное, взрослое дело. И это, по мнению Сухомлинского, была та основа, которая позволяла учителям школы вести разговор с родителями о зрелости мышления их детей, о самостоятельности, о гражданском чувстве ответственности.

Единство труда и эмоционально-эстетического воспитания достигается тем, что человек, познавая мир трудом, создает красоту, утверждая этим в себе чувство красоты труда, творчества, познания. Создание красоты труда — это целая область воспитания, которая тоже относится, к сожалению, к педагогической целине.

ПРИВЫЧКА ТРУДИТЬСЯ

В годы отрочества привычка трудиться объединяется с осмыслением роли труда как важной духовной потребности. Подросток задумывается над своим местом в жизни, сознательно стремится выразить свою индивидуальность. В этот период важно не только то, сколько и как работает человек, но и то, что он думает о труде. Создавая в воображении подростков картину коммунистического общества, нельзя вселять в них мысль, что при коммунизме жизнь будет легкой, рабочий день сократится до минимума и в этом будет состоять главное благо человека. К использованию самого большого блага коммунистической жизни — свободного времени — человека нужно внутренне подготовить. Полнота духовной жизни зависит от того, чем человек наполнит свое свободное время. Только труд во всей его многогранности, направленный на познание, освоение мира, на самовыражение, самоутверждение личности в творчестве, только насыщение свободного времени трудом, обогащающим духовную жизнь, может дать человеку счастье. Без труда он будет обречен на муки Тантала: в обстановке материального богатства он останется нищим и, как сказал Тарас Шевченко, «душеубогим».

Дисциплина труда в годы отрочества приобретает особое значение. В выполнении режима дня, преодолении трудностей каждый подросток должен видеть средства волевого самовоспитания. Я твердо убежден, что для умственного, трудового воспитания необходимо прежде всего свободное время. Лишь при этом условии подросток может выразить самого себя в том труде, который в большей степени раскрывает его способности и задатки. Чем больше работает подросток по собственному желанию, тем глубже входит в его духовную жизнь любимая работа, тем больше ценит он свободное время и умеет пользоваться им как источником благ и радостей.

ТРУД И ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЕ РАЗВИТИЕ

Интеллектуальное богатство школьной жизни в большинстве своем определяется тем, насколько тесно связаны умственная жизнь и физический труд. Уже в годы детства мои воспитанники видели, как богата умственная жизнь в небольших трудовых коллективах — технических и сельскохозяйственных кружках. Эти кружки — важная форма воспитания подростков. Ценность кружковой работы

состоит в том, что каждый может в течение длительного времени испытывать свои задатки, способности, выражать в конкретном деле свои склонности, находить любимую работу.

По учебному плану раз в неделю подростки работают в школьной мастерской: учатся обрабатывать дерево и металл, изготовляют модели машин и механизмов. Этим, по существу, и исчерпывается программный труд. Может ли он удовлетворить разнообразные интересы и запросы подростков? Конечно, не может. Для единения труда и интеллектуальной жизни, для насыщения свободного времени деятельностью большой духовной значимости как раз и существуют кружки юных растениеводов, селекционеров, садовников, пасечников, механизаторов, электротехников, радиотехников, слесарей-конструкторов, токарей, животноводов, цветоводов. Без кружков, в которых бурлит пытливая мысль, нельзя представить ни интеллектуального, ни эмоционально-эстетического воспитания. Если бы руки не были мудрым учителем разума, у подростков не было бы интереса к знаниям, из процесса обучения выпал бы один их самых сильных эмоциональных стимулов.

Уже в третьем и четвертом классах мальчики и девочки стали включаться в кружковую работу. На первых порах, конечно, не было и не могло быть сознательного выбора. Необходим длительный период поиска самого себя. Ученик переходит от одного дела к другому, одно увлечение сменяется другим. Это необходимо для сознательного выбора любимой работы. Наступает время, когда подросток находит то, что в большей степени отвечает его задаткам. Поспешность воспитателя в этом деле недопустима. Нельзя «прикреплять» подростка к тому или другому кружку. Но нельзя и отдавать стихии сложный процесс самоутверждения в труде. Нужно зажечь в каждом сердце огонек увлечения трудом. Это значит помочь подростку приложить руки к такому делу и таким способом, чтобы они стали учителем разума.

Юрко увлекался работой на школьной пасеке, на кроликоферме и в кружке юных селекционеров. Он научился прививать плодовое дерево к дичку, готовить семена и сеять, обрабатывать почву и ухаживать за телятами. Но по-настоящему захватила его только работа в кружке юных механизаторов. Он не мог оторвать глаз от миниатюрной автомашины, которой учились управлять его ровесники-пятиклассники. Но чтобы иметь право учиться управлять машиной, нужно было изучить двигатель внутреннего сгорания. Юрко посещал занятия одного из кружков юных механизаторов, которым руководил десятиклассник. Мальчик с интересом изучал двигатель, учился запускать его, разбирать и собирать отдельные узлы. Двигатель изучен, и Юрко учится управлять маленькой автомашиной.

А в это время в кружке появились новые интересные дела: под руководством учителя труда и старшеклассников подростки монтируют новую автомашину. Увлекся этой работой и Юрко. В ней много однообразных, ничем не привлекательных трудовых операций — нужно шлифовать металлические пластинки, очищать от ржавчины железо для рамы. Но все это подчинено интересному замыслу, который одухотворяет работу. С работой рук связывалось

интересное творчество. И чем теснее была связь мысли и рук, тем глубже входил труд в духовную жизнь, становился любимым. Творчество в труде было одним из самых сильных стимулов, которые развивали умственные силы подростков. Чем глубже вдохновлял Юрка замысел сделать красивую, удобную, послушную в управлении автомашину, тем бóльшим был интерес к книге, чтению. Уже в шестом классе у подростка была маленькая техническая библиотека, она все время пополнялась. Значительное место в духовной жизни мальчика заняло чтение, не связанное с необходимостью запоминать, удерживать в памяти, заучивать. Это было чтение, побуждаемое интересом к творческому труду, желание достичь успехов в работе рук. Оно играло большую роль в воспитании разума, в расширении кругозора и — что особенно важно — в становлении стиля, характера умственного труда в процессе обучения. Такое чтение воспитывает способность глубоко осмысливать, вдумываться в суть прочитанного. Этот подход к чтению стал характерным и для работы над учебниками. Кто увлекается творческим трудом, никогда не зубрит. Зубрежка, которая истощает умственные силы и опустошает душу, может быть там, где нет духовной жизни в труде.

Каждый кружок — центр творческого труда и полнокровной интеллектуальной жизни. Мы стремились, чтобы каждый подросток был тружеником, мыслителем и искателем, чтобы познание мира и самого себя совершалось в интересном, вдохновенном творчестве. Самоутверждение, самовоспитание в годы отрочества состоит в том, что познание истины, ее открытие сливаются с творческими силами личности: человек ощущает, что благодаря мысли, пытливости природа открывает свои тайны. <...>

NB ***Существенным условием положительного влияния трудового обучения на нравственное становление личности школьника, как видим, павлышский педагог считал интеллектуальную насыщенность трудового процесса, в частности придание трудовым заданиям проблемного, творческого характера. Это важно не только для развития умственных способностей школьников, но и в плане повышения престижности труда в глазах школьников, воспитания у них трудолюбия, любви к труду, уважения к людям труда.***

ГРАЖДАНСКОЕ НАЧАЛО ТРУДА

«Светя другим, сгорай», — гласит древняя клятва врачей. Я стремился к тому, чтобы эта истина воодушевляла мальчиков и девочек, облагораживала их сердца, пробуждала чувство собственного достоинства. Настоящее счастье — служить людям. <...>

Как же открыть воспитанникам это светлое гражданское начало труда? Здесь нужно иметь в виду ряд правил педагогической техники. Идти работать для людей нужно со свежими не только физическими, но и духовными силами. Нужно духовно подготовить воспитанника к труду, который, по замыслу педагога, имеет яркое гражданское звучание. Нужно очистить юное сердце от всего случайного,

преходящего. Плохое настроение коллектива, если в нем произошло что-то неладное, может отравить источник гражданских чувств. Перед тем как идти работать для людей, я старался достичь того, чтобы сознанием детей и особенно подростков овладели светлые мысли. Это прежде всего яркое, жизнерадостное представление о том, что́ мы создадим своими руками для людей, какую радость принесет им наш труд. Лишь тогда юные труженики оставят частицу своего сердца в том, что они сделали.

На пустыре, где через год будут строить хозяйственное здание колхоза, растет дуб. Дереву уже лет десять, нелегко уничтожать его во время строительства. Может, спасти дуб? Перенесем в другое место, где он будет доставлять радость не одному поколению? Это нелегко сделать. Нужно вместе с корнем перенести с кубометр почвы. Нелегко, но какая бы это была радость для людей. Дуб растет двести и даже триста лет. Множество людей под его ветвями будут переживать радость бытия. Яркое представление о труде — творении радости — пробуждает у мальчиков и девочек те светлые мысли, без которых невозможны энтузиазм, вдохновение. Мы идем работать. Работаем несколько дней, и чем ближе завершение работы, тем глубже чувство радости.

Очень важно, чтобы в годы отрочества мальчики и девочки видели материальные ценности, созданные собственными руками в детстве. Мои воспитанники каждый год что-то прибавляли к работе, которую они начали в первый или во второй год школьной жизни. Благодаря этому работа для людей становилась духовной жизнью коллектива.

Гражданское начало труда органически сливается с чувством собственного достоинства. Труд во имя общего блага не означает самоотречения и обособления человека. Радость труда для людей имеет в своей основе глубоко личное чувство гордости, собственного достоинства. Важное задание коммунистического воспитания состоит в том, что в обществе не должно быть ни одного бесцветного человека. Сильно выраженная личность, по определению А. В. Луначарского, — это корень общества. Важно, чтобы в основе гражданских чувств лежала трудовая гордость подростка, переживание мысли, что в своей любимой работе он непревзойденный мастер. Найти, открыть, утвердить в человеке его трудовое призвание, добиться, чтобы каждый стал настоящим мастером в какой-то работе, чтобы трудовое творчество навсегда вошло в духовную жизнь и стало самым сильным эмоциональным стимулом деятельности, — в этом состоит единство идейного и трудового воспитания.

Необходимо помочь каждому найти себя, проявить себя в любимой работе, овладеть необходимыми знаниями и умением, стать мастером. Это альфа и омега индивидуального подхода, воспитания личности и коллектива. Трудовое лицо коллектива — это не какая-то безликая масса, действующая по приказу или команде. Без ярко выраженных личностей нет коллектива. Воспитание коллектива я видел прежде всего в том, чтобы в каждом подростке раскрылась его живинка, пробудился талант. В годы отрочества подросток должен в чем-то одном добиться значительных успехов,

что-то одно должно увлечь, одухотворить его, какая-то одна работа должна стать настоящим творчеством.

Я с волнением и тревогой ждал, когда подросток настолько углубится во что-то одно, что забудет обо всем другом. Речь идет об интеллектуальном, творческом, эмоциональном углублении в тонкости работы, в секреты мастерства. Этот момент является закономерным результатом творческого труда, каким подросток занимается в течение определенного времени. Для углубления в работу необходима такая конкретная деятельность, в которой бы особенно зримо, ощутимо выступало подчинение физических усилий творческому замыслу.

Одухотворенность творческой работой, переживание чувства гордости от мысли, что я мастер своего дела, у меня «золотые руки», меня уважают за то, что я властелин труда, — все это является настоящим рождением гражданина.

У Коли было много трудовых увлечений: он с интересом работал и на учебно-исследовательском участке, и в кружке юных конструкторов-моделистов. Было у него и увлечение живописью: Коля любил рисовать, собирал коллекцию репродукций произведений изобразительного искусства. Но вот в шестом классе он начал работать в кружке юных механизаторов. Он не мог оторваться от маленького двигателя, разбирал и собирал его, чистил, смазывал. В школьной мастерской тогда монтировали установку для распиливания досок. Пилу присоединяли к электромотору. Во время ремонта электросети возникла необходимость присоединить пилу к двигателю внутреннего сгорания. Эта работа стала для Коли как бы толчком к углублению в машинную технику. По его просьбе в помещении школьной учебной электростанции (для старшеклассников) отвели уголок, где Коля установил маленький двигатель внутреннего сгорания, присоединил к нему генератор переменного тока, подключил к сети электролампы. Все это было миниатюрное, электростанция казалась игрушкой, но она стала центром кружка младших школьников. Под руководством Коли тут запылал огонек нового увлечения. Юный мастер присоединял к электродвигателю маленькие механизмы — электролобзики, вентиляторы, электроплавильную печь. В седьмом и восьмом классах Коля стал настоящим мастером электромонтажного дела, прекрасно знал двигатель внутреннего сгорания. На глазах рождался гражданин, исполненный чувства собственного достоинства. Гордое, сознательное уважение к себе и людям — таков воспитательный результат того, что человек нашел себя, задумался серьезно над своим будущим. Чувство чести, собственного достоинства, переживание в связи с этим полноты жизни — это основы гражданского самосознания, которые своими корнями уходят в трудовое мастерство.

Наверно, никто из мальчиков не пережил столько увлечений работой, как Толя. Он увлекался и цветоводством, и работой на животноводческой ферме, и выращиванием зерновых культур. Очень долго никакая работа не пробуждала в душе мальчика настоящего вдохновения. Но вот он стал отдавать предпочтение обработке ме-

талла на токарном станке, конструированию и моделированию. В конце шестого года обучения мальчик настолько увлекся металлом, что оставил иные виды труда. Обработка деталей механизмов, приборов, моделей ручным инструментом и на станке стала его любимой работой. Под руководством учителя труда подросток взялся за изготовление электролобзика. Он сам сделал чертеж, изготовил детали, смонтировал механизм. День, когда Толя соединил свой лобзик с маленьким электромотором, стал для него праздником. В глазах светилась радость. «В тот день я почувствовал себя человеком, — рассказывал Толя через несколько лет после окончания школы. — До этого мне порой казалось, что я не такой, как все, хуже других... А с того дня как-то по-другому открылся мир. Люди словно добрее стали...»

Найдя в годы отрочества свою любимую работу, каждый подросток сделал большой шаг на пути к моральной зрелости.

ТРУД И КРАСОТА

NB ***Педагог просто не представлял себе труд без красоты: красоты трудового интерьера, красоты рабочих движений, красоты изготовляемых изделий, красоты человеческих взаимоотношений в процессе коллективного труда.***

Я старался, чтобы в годы отрочества труд облагораживал чувства моих воспитанников, открывал им красоту окружающего мира и человека. Первый источник эстетических чувств в труде — это творение красоты. В уголках красоты, во время праздников труда, в мастерской, на участке — всюду создавалась человеческая красота.

В жизни каждого подростка наступал тот знаменательный, торжественный момент, когда со школьного учебно-исследовательского участка, из плодового сада, теплицы, мастерской, рабочей комнаты он переходил на колхозное поле. Этот шаг переживался как вступление в трудовую семью взрослых, как приобщение к общенародным делам. Это событие отмечалось, как трудовой праздник — Праздник первой борозды. Когда мои воспитанники перешли в шестой класс, это событие впервые было отмечено торжественным обрядом. Мальчики и девочки стали обрабатывать свой пионерский гектар. Они вышли в поле, вывезли удобрения, внесли в почву. С тех пор началась длительная, кропотливая работа на гектаре земли. Каждый год подростки выращивали тут пшеницу. Они старались как можно больше насытить землю удобрениями и влагой, хорошо подготавливали семена.

Незабываемым был Праздник возрождения плодородия. Подростки праздновали его раз за все годы отрочества. Чувство радости труда, переживаемой в этот день, добывалось особенно дорогой ценой и оставляло неизгладимый след в сердцах. Несколько лет мальчики и девочки работали на небольшом участке неплодородной, негодной земли. Цель работы — вернуть земле плодородие. В тот торжественный день, когда сеяли зерно в землю, которая несколько лет назад была мертвым пустырем, а теперь стала плодо-

родным черноземным полем, на участок приходили наиболее уважаемые в селе труженики. Они поздравляли подростков с победой.

Чувство красоты труда утверждали также праздники первого снопа, винограда, сенокоса.

В летние каникулы мальчики и девочки в течение двух-трех недель работали на сенокосе. Это были счастливые дни. Начало этой волнующей работы отмечалось традиционным Праздником сенокоса. Тихими солнечными утрами подростки выезжали в поле, каждый скашивал косой несколько десятков квадратных метров травы. После этого начинались трудовые будни: сено косили вручную и конными косилками, сушили, складывали. Жили в поле, варили еду, вечером читали, слушали рассказы бывалых людей.

ТРУД И ВОСПИТАНИЕ ВОЛИ

Радость труда своеобразна. Ее можно сравнить разве что с чувством, которое переживает человек, поднимаясь на вершину высокой горы. Тяжелый каменистый путь, каждый шаг дается ценою больших усилий, но перед человеком благородная цель — достичь вершины. Поднявшись на вершину, человек возвышает себя, утверждает собственное достоинство. Он ощущает себя сильным и мужественным, готовым к преодолению новых трудностей.

Я видел очень важную воспитательную задачу в том, чтобы в годы отрочества каждый подросток поднялся на эту вершину. Труд должен быть своеобразной волевой закалкой; в этом правиле трудового воспитания выражается единство физического и духовного. Каждый выполнял работу, которая требовала значительного напряжения физических и духовных сил.

В зимний холод, когда ветер обжигал лицо и забивал дыхание, подростки ехали в поле: нужно привезти сено для животноводческой фермы. Они понимали, что никакие трудности не могут освободить человека от труда: перестанешь работать — нечего будет есть. Жизнь на каждом шагу убеждала их, что работать н у ж н о в с е г д а. И они шли навстречу снежной буре и январскому морозу. Грузили сено, привозили на ферму. Возвращались с работы уставшие, но радостно-возбужденные, переживали большую человеческую гордость. Это чувство гордости познается только трудом, и ни при каких других обстоятельствах в школьной жизни оно недоступно. Тот, кто познал это чувство, понял азы жизненной мудрости: радости жизни оплачиваются трудом, их нужно добыть. Эта мысль становится личным убеждением каждого подростка.

НА ПОРОГЕ ЮНОСТИ

Июньским днем мы пришли в лес. Устроились на своей любимой солнечной поляне. Завтра все мои воспитанники получат свидетельство об окончании восьмилетней школы.

Я был рад: они приобрели прочные знания, полюбили науку и книгу, научились мыслить и понимать окружающий мир и самих себя. Каждый из них нашел себя — полюбил труд, пережил радость

успеха в любимом деле, стал мастером, творцом. Настоящим человеком. В каждом юном сердце утвердилась чуткость к радостям и беде других людей. Все, что происходит в окружающем мире, глубоко волнует, тревожит юное сердце, переживается как личное. Сердца моих воспитанников стали непримиримыми к злу. Добро, правда, человечность радуют, одухотворяют благородными чувствами, а зло, неправда, лицемерие возмущают, пробуждают волю к борьбе.

Мои воспитанники чувствительны к красоте, и прежде всего к красоте в человеке. Я убежден, что никто из них не обидит человека, не унизит его достоинство. Но человечество любить легче, чем по-настоящему любить одного человека. Труднее помочь ближнему, чем твердить: «Я люблю людей».

Высшей наградой за труд, за тревожные дни и бессонные ночи является для меня то, что воспитанники мои стали настоящими сыновьями своей Родины: они знают, какой дорогой ценой досталось их поколению счастье труда, материальные и духовные блага социализма. Им дорог каждый стебелек на родной земле, они готовы отдать жизнь за социалистическую Отчизну.

ТРУД ОДУХОТВОРЕН БЛАГОРОДНЫМИ ЧУВСТВАМИ

Труд становится великим воспитателем, когда он входит в духовную жизнь наших воспитанников, дает радость дружбы и товарищества, развивает пытливость и любознательность, рождает волнующую радость преодоления трудностей, открывает все новую и новую красоту в окружающем мире, пробуждает первое гражданское чувство — чувство созидателя материальных благ, без которых невозможна жизнь человека.

Радость труда — могучая воспитательная сила. В годы детства каждый ребенок должен глубоко пережить это благородное чувство. <...>

Чувство радости доступно лишь тому, кто умеет запрягать силы, знает, что такое пот и усталость. Детство не должно быть постоянным праздником — если нет трудового напряжения, посильного для детей, для ребенка останется недоступным и счастье труда. Высшая педагогическая мудрость трудового воспитания заключается в том, чтобы утвердить в детском сердце народное отношение к труду. Труд для народа является не только жизненной необходимостью, без которой немыслимо человеческое существование, но и сферой многогранных проявлений духовной жизни, духовного богатства личности. В труде раскрывается богатство человеческих отношений. Воспитать любовь к труду невозможно, если ребенок не почувствует красоты этих отношений. В трудовой деятельности народ видит важнейшее средство самовыражения, самоутверждения личности. Без труда человек становится пустым местом, — говорят в народе. Важная воспитательная задача в том, чтобы чувство личного достоинства, личной гордости каждого воспитанника основывалось на трудовом успехе.

В первую весну своей школьной жизни ребята посадили «Сад Матери» — 31 яблоню и столько же кустов винограда. «Дети, —

говорю своим воспитанникам, — это будет сад для наших матерей. Мама — самый дорогой, близкий для вас человек. Через 3 года яблони и виноград принесут первые плоды. Первое яблоко, первые гроздья винограда — это будет наш подарок матери. Принесем им радость. Помните, что у ваших матерей много забот. Заплатим за их заботы радостями».

Труд в «Саду Матери» одухотворяется мечтой — принести радость старшим, родителям. Отдельные дети еще не знали всей глубины этого благородного человеческого чувства — любви к родной матери. Я стремился у каждого ребенка пробудить это чувство. Галя посадила дерево для мачехи, Сашко — для бабушки, Витя — для тети. Никто не относился к труду равнодушно. Весной и летом дети поливали растения, уничтожали вредителей. Яблони и виноградные кусты зазеленели. На третий год появились первые цветы, завязались первые плоды. Каждому хотелось, чтобы плоды на его дереве созрели побыстрее.

Для меня было большим счастьем то, что Толя, Тина, Коля радовались: на их деревьях созревали сочные яблоки, на виноградных кустах наливались янтарные гроздья. Дети срывали созревшие плоды, несли их матерям. Это были незабываемые дни в жизни ребят. Помню, какой лаской засветились глаза у Коли, когда мальчик снял с дерева яблоки, чтобы понести их матери.

На 2-м году школьной жизни труд детей был одухотворен благородными чувствами. Каждый ребенок посадил на приусадебном участке родителей плодовые деревья для матери, отца, дедушки и бабушки. «Вот яблоня мамы, папы, бабушки или дедушки», — с гордостью говорили дети. Сашко посадил яблони в память отца и матери; Галя и Костя выращивали фруктовые деревья в память матерей, не забыли они и своих неродных матерей — им тоже посадили по яблоньке.

Ни к какой работе дети не относились с такой трогательной заботой, как к уходу за этими деревьями. Все с нетерпением ожидали, когда яблони зацветут. Дождаться первых плодов от яблони, снять их, понести матери — это не просто трудовые процессы, которые ребята выполняли один за другим. Это ступеньки нравственного развития, поднимаясь по которым дети переживают красоту того, что они делают.

Самое святое и прекрасное в жизни человека — это мать. Очень важно, чтобы дети чувствовали нравственную красоту труда, который приносит радость матери. Постепенно у нас в коллективе родилась и утвердилась прекрасная традиция — осенью, когда земля и труд дают человеку щедрые дары, мы стали отмечать осенний Праздник Матери. Каждый ученик приносил матери в этот день то, что создал своим трудом, о чем мечтал целое лето, а то и несколько лет: яблоки, цветы, колосья пшеницы, выращенные на крохотном участке (у каждого ребенка на приусадебном участке родителей был уголок любимого труда). «Берегите своих матерей», — эту мысль мы утверждали в сознании мальчиков и девочек, готовя их к осеннему Празднику Матери. Чем больше духовных сил вложил ребе-

нок в труд во имя радости матери, тем больше человечности в его сердце.

Родился у нас и весенний Праздник Матери. Мы нашли в лесу глухую поляну, которую дети назвали Земляничной — летом здесь много ягод. Большую радость переживали дети в минуты общения с этим чудесным уголком. Своей радостью им хотелось поделиться с матерями. И вот у ребят родилась мысль: первый цветок, украсивший землю, — маме. Так возник весенний Праздник Матери. Дети несли матерям в этот день не только нежные колокольчики подснежника, но и цветы, выращенные в теплице. В проведении праздников, посвященных матери, нужно избегать шумихи и «организационных мероприятий». Мы стремились к тому, чтобы чествование матери было делом семейным, интимным. Главное здесь не громкие слова, а глубокие чувства.

«Любить человечество легче, чем сделать добро родной матери», — гласит старинное украинское изречение, приписываемое народному философу XVIII в. Григорию Сковороде. В этом изречении — большая мудрость народной педагогики. Невозможно воспитать человечность, если в сердце не утвердилась привязанность к близкому, дорогому человеку. Слова о любви к людям — еще не любовь. Подлинная школа воспитания сердечности, душевности и отзывчивости — это семья; отношение к матери, отцу, дедушке, бабушке, братьям, сестрам является испытанием человечности. <...>

Труд входил в духовную жизнь моих воспитанников как радостная игра физических и интеллектуальных сил, как утверждение собственного достоинства. Очень важно, чтобы в годы детства каждый человек добился значительных успехов в любимом труде, наглядно увидел воплощение своих творческих способностей, овладел мастерством в любимом деле — конечно, в такой степени, в какой это доступно ребенку. Что-нибудь одно он должен научиться делать уже в школьном возрасте очень хорошо и красиво. Чувство гордости, переживаемое в связи с успехом в любимом деле, — первый источник самосознания, первая искра, зажигающая в душе ребенка огонек творческого вдохновения, а без вдохновения, без радостного подъема и ощущения полноты сил нет человека, нет глубокой уверенности в том, что он займет достойное место в жизни. Я стремился к тому, чтобы в школе не было ни одного ребенка, который не раскрыл бы в труде своей индивидуальности, самобытности.

Вспоминая годы детства каждого своего воспитанника, я вижу радостные глаза, горящие гордостью за успех в труде. Вот Сережа с маленьким радиоприемником. Мальчик сделал его в IV классе: 3 месяца усидчивого труда вознаграждены большой радостью. Федя стоит рядом с цветущим персиковым деревом — он привил почку персика к сливе-дичку, дождался цветения и плодоношения. Валя сохранилась в моей памяти в то радостное мгновение, когда она вынесла из помещения животноводческой фермы маленького ягненка. Девочка выходила его — слабенького, хилого. Тина широко улыбается солнцу и синему небу, смотрит на пурпурные цветы роз, — это она привила 3 почки розы к шиповнику, и вырос куст удивительной красоты. Когда называют имя Сашка, перед моими глазами встает

черноглазый мальчик с маленьким снопиком пшеницы; взвесив зерно, выращенное им на 3 квадратных метрах, мы убедились, что с гектара такие крупные зерна дали бы восемьдесят центнеров... Недалеко от школьного колодца растет ветвистая яблоня. Каждый год, когда дерево расцветает, я любуюсь неповторимыми оттенками розовых цветков и мне кажется: вот сейчас прибежит к дереву маленькая девочка с белыми косичками, улыбнется и скажет: «Это моя яблоня». Так сказала Катя, когда впервые зацвела яблоня. Костя вспоминается грустный: прижал к себе маленького теленка, а теленок не отвечает на ласки — заболел.

Так вспоминаются все дети. Я вижу ребят влюбленными в труд. Но я далек от мысли, что эта влюбленность в какой-то мере предрешает дальнейший жизненный путь каждого ребенка. Если ученик влюбился в мир живой природы, если труд в плодовом саду или на ниве доставляет ему радость, то это не значит, что он обязательно станет садоводом или агрономом. Задатки, способности и наклонности — как цветущий куст розы; одни цветы отцветают, другие раскрывают свои лепестки. У каждого ребенка всегда было несколько увлечений, иначе нельзя и представить богатой духовной жизни детей. Но в чем-то одном каждый ученик проявлял себя наиболее ярко. До тех пор пока ребенок не достигал значительных успехов в каком-нибудь виде труда, он не запоминался как личность. Но как только труд стал доставлять глубоко личную радость, появлялась человеческая индивидуальность.

Труд, в котором человек достигает совершенства, утверждает личность, является могучим источником воспитания. Чувствуя себя творцом, человек хочет стремиться быть лучше, чем он есть. Трудно переоценить значение того, что уже в годы детства, на пороге отрочества человек осознает свои творческие силы и способности. В этом осознании — самая сущность формирования личности.

NB ***Важнейшим принципом в разработанной Сухомлинским концепции трудового воспитания является более широкая по сравнению с традиционной трактовка содержания понятия «труд школьника». Не только физический, как иногда полагают, но и умственный труд, учебная деятельность, вся сфера духовной жизни — вот те факторы, которые в своем взаимодействии формируют подлинное трудолюбие. Здесь мы должны сделать одну оговорку. Хотя павлышский новатор это качество связывал с понятием «коммунистическое отношение к труду», трудолюбие вместе с тем как одна из важнейших целей нравственного воспитания остается актуальной, ибо оно имеет отнюдь не специфически коммунистическую направленность, а носит общечеловеческий характер.***

Здесь опять надо сделать оговорку, связанную с проблемой гармонии воспитательных воздействий, о которой уже шла речь выше. Труд как целенаправленное воздействие на личность особенно тесно связан многочисленными зависимостями и обусловленностями с другими воспитательными воздействиями, и, если эти зависимости и обусловленности не реализуются, труд превращается в по-

стылую обязанность, не дает ничего ни разуму, ни душе. Наш психологический семинар, содержание работы которого с каждым годом обогащалось проблемами воспитания личности, уделял много внимания гармонии труда с другими воздействиями. Особенно большой интерес вызвало обсуждение доклада о роли рук в умственном воспитании. Проблема взаимозависимости и взаимообусловленности труда и других воспитательных воздействий изучается нашим коллективом до сих пор.

Комсомольская правда, 1970, 7 июня

ГАРМОНИЯ ТРЕХ НАЧАЛ

Просматривая газеты центральные, республиканские, областные, районные, приходишь к выводу: вряд ли найдется другой участок духовной жизни страны, который привлекал бы столь пристальное внимание общества, как школа. Множество статей, принадлежащих перу рабочего и колхозника, учителя и пионервожатого, ученого и журналиста, — статей очень разных, неравноценных, но объединенных одним: беспокойством о том, чтобы дети наши учились и воспитывались лучше, чтобы советская школа стояла на уровне требований времени.

Статьи о школе, публикуемые в нашей прессе, по содержанию и характеру отражения проблем школьной жизни, по подходу авторов к материалу можно разбить на две группы.

Первая — информационный материал, проникнутый мыслью: усилия педагогических коллективов, общественности, направленные на совершенствование процесса обучения в связи с введением новых программ, приносят определенные результаты, но вместе с тем по-прежнему существуют и многие трудности. То в одном, то в другом месте обнаруживаются у детей плохие знания, а учитель работает по-старому, словно бы в школе не произошло никаких перемен.

Вторая группа — статьи, проникнутые раздумьями, часто недоумением, болью, даже обидой в связи с трудными и не совсем понятными на первый взгляд явлениями: нежеланием какой-то части учеников по-настоящему работать и учиться, неподготовленностью — и нравственной и трудовой — многих выпускников наших школ к производительному труду. Большую тревогу вызывает непослушание учеников; кажется, что они даже потешаются над беззащитностью учителя, а тот не знает, как воздействовать на нерадивого, распущенного ученика. Зачастую при этом делается в целом правильный вывод: многое зависит от учителя, от его педагогической культуры. Но вывод этот в подавляющем большинстве случаев малоубедительный; нет, как правило, глубокого проникновения в сущность педагогического процесса. Такие публикации обычно вызывают неудовлетворенность у педагогов и, бывает, дезориентируют родителей, то ли не понимающих, в чем должно заключаться их воспитательное влияние на детей, то ли не желающих брать на себя определенную долю ответственности за то, что

происходит в школе. Авторам, берущимся за школьную тему, я бы советовал не забывать: малейшая неточность в анализе школьных дел приводит к тому, что учителя и родители реагируют на публикацию очень по-разному.

И в строчках, и между строчками многих статей кричит, вопиет мысль: какая-то часть учеников, сидя за школьной партой, бездельничает, а окончив школу, не хочет по-настоящему трудиться, и обществу приходится заниматься проблемами, которые, казалось бы, должны быть решены в школе.

В статье старого рабочего «Уралмаша» Е. Горбунова, опубликованной в газете «Уральский рабочий» (в этом издании много интересных материалов о школе), приводятся тревожные факты. Старый ветеран труда, пять сыновей и дочь которого работают на родном заводе, возмущен: почему некоторые молодые люди, окончив учение, болтаются без дела? Почему восемнадцатилетнее «дитя» не хочет стать к станку? Почему парень идет на год работать курьером, чтобы «заработать стаж» и поступить в вуз, а не привязывается к заводу навсегда? Эти вопросы звучат серьезнейшим упреком школе, и от них невозможно отмахнуться, отписаться стандартными фразами о недостатках и упущениях.

Старый уральский рабочий делает горький вывод: «Видно, в чем-то неправильно воспитывается часть молодежи... В школе, если уж говорить начистоту, молодежь привыкает к мысли, что физики и математики — это люди, все остальное для тех, кому не повезло...» Е. Горбунов считает необходимым как-то исправлять недовоспитанность молодых людей, он предлагает, в частности, прикреплять к только что пришедшим паренькам старых рабочих. Совершенно правильный выход.

В чем же корень зла? Почему юноши, о судьбе которых печется рабочий Е. Горбунов, не хотят по-настоящему трудиться? Почему иным школьникам, по словам иркутского коллеги, даже пол подмести не хочется, и это становится сложной педагогической проблемой? Почему все эти Вани и Алеши, Гриши и Вити, о которых рассказывают многие областные газеты (кстати, как эти Вани и Алеши безлики и похожи друг на друга!), почему они, эти шестиклассники (чаще всего в этом возрасте — заметьте), уходят с уроков, бездельничают, шалостями своими выводят из себя учителя, порой предстающего перед нами в виде страдальца и мученика?

Вдумаемся вот во что. За партой в нашей стране сидят десятки миллионов человек — то есть вся часть населения, которая относится к возрастной группе от 7 до 17—18 лет. Это небывалое в истории человечества явление. Это великое благо социализма. Но это благо породило свои трудности, с которыми невозможно справиться без умного, мудрого подхода к ним. Общество наше вынуждено усадить за парты всех без исключения от 7 до 17 лет (а ведь в вузах на таком же положении, по существу, еще и несколько миллионов 18—25-летних), потому что без всеобщей образованности, грамотности, культуры невозможно создать всесторонне подготовленного труженика и всесторонне развитого человека.

Но почему же к этому благу многие молодые люди относятся так неуважительно? Почему — как это ни парадоксально, но факт — оно становится для какой-то части нашей молодежи бременем?

В дореволюционные годы стремление выбраться из нужды заставляло учиться. Теперь же этого всемогущего «воспитателя» нет. И очень хорошо. Но то обстоятельство, что за партой сидят миллионы семнадцатилетних людей, от неосторожных движений которых трещат парты, требует — задумаемся об этом, товарищи! — могучего морального обеспечения этого великого, небывалого в истории человечества дела. Можно сказать, здесь требуется крепчайший моральный тыл, иначе из посаженных цветочных семян вырастет чертополох.

Конечно, нелепо создавать искусственные трудности материального порядка (хотя о чувстве меры и о праве на блага мы еще будем говорить). Моральное обеспечение всеобщего среднего образования, предотвращение всех зол и бед нашего нынешнего школьного бытия — прежде всего в трудовом воспитании. До тех пор пока в школе не будет подлинного трудового воспитания, будут Вани и Алеши, уже в пятом-шестом классах увиливающие от учения, будут и юноши, требующие от матери модную куртку и хорошие часы — «иначе в школу не пойду», будет преступление, совершенное подростком.

NB ***В.А. Сухомлинский первым в отечественной педагогике во всей конкретике раскрыл и обосновал дотоле остававшийся весьма абстрактным тезис о решающей роли труда, трудового воспитания в духовном становлении и всестороннем развитии личности. «В любом труде, — по его убеждению, — основа всестороннего развития личности» (Письмо Н.С. Хрущеву // Сов. педагогика. — 1988. — № 3. — С. 169), а значит, и основа гуманизации его жизнедеятельности. Обращает на себя внимание прежде всего направленность этого концептуального положения. В его основе — судьба человека, идентификация его жизненного призвания, создание условий для самореализации личности. Трудовое воспитание, таким образом, в представлении новатора выступает в системе воспитательной работы отнюдь не в качестве элемента, расположенного составляющего воспитания, а в качестве его основы. Разумеется, это справедливо лишь в отношении труда творческого, обращенного к человеку, организация которого отвечает определенным психолого-педагогическим принципам, разработанным педагогом.***

Но трудовое воспитание нельзя представлять как применение разрозненных средств или организационных форм. Я читал немало газетных статей, авторы которых считают, что, если в сельской школе есть учебно-производственная бригада, а в городской школе мастерская, — проблему трудового воспитания можно считать решенной. Конечно, и бригада и мастерская — очень важные вещи. Но и это лишь отдельные грани трудового воспитания. Трудовое воспитание — исключительно емкое, многогранное понятие. Многие годы работы в школе твердо убедили меня в том, что трудовое воспитание — весь смысл, вся устремленность жизни школы и семьи. Тру-

довое воспитание — это, образно говоря, гармония трех понятий: **надо, трудно и прекрасно**. Может, и не было бы нужды говорить специально о трудовом воспитании, если бы в школе и семье царствовало единство этих трех начал, а наша пресса в этом была единодушна. Нет и быть не может воспитания вне труда и без труда, потому что без труда во всей его сложности и многогранности человека нельзя воспитывать.

Труд и трудовое воспитание — вещи, стоящие рядом с учением, нравственным воспитанием и развитием. Труд — это вещь всепроникающая и всеобъемлющая. К каким бы ухищрениям ни прибегали мы в школе, стремясь вовлечь ребенка (потом подростка, юношу) в другую работу, кроме учения, все-таки учение занимает и будет занимать главное место в его духовной жизни, и от этого никуда не уйдешь! И трудовое воспитание надо начинать с этого. Это начало начал. Мысль, познание мира, постижение истин, добывание знаний, формирование на их основе собственных взглядов, убеждений — вот что должно быть трудом для школьника. Именно в таком труде ярче всего раскрывается человеческое. К нему стремится ребенок всеми силами души, переступив порог школы. Но что принесет ему этот труд — радость или огорчение, станет ли вообще сидение за партой трудом, в котором раскрываются творческие силы маленького человека, в решающей мере зависит от нас, старших. Добиться этого труднее, чем заставить подметать пол, копать землю на школьном участке, пилить доску в мастерской. Страшная опасность — безделье за партой: безделье шесть часов ежедневно, безделье месяцы и годы — это развращает, морально калечит человека, и никакая школьная бригада, ни мастерская, ни школьный участок — ничто не может возместить упущенного в главной сфере, где человек должен быть тружеником, — в сфере мысли.

Как же добиться, чтобы в школе царствовал напряженный, радостный умственный труд мысли? Об этом можно написать большую книгу, и книга эта нужна учителю как воздух. Я же сейчас попытаюсь сказать главное. Поистине страшной бедой многих школ и учителей является то, что главные усилия ученика идут на пассивное приобретение знаний — запоминание готового, растолкованного учителем, заучивание из учебника. Конечно, без запоминания и заучивания в школе не обойдешься, но этот вид умственной деятельности должен стоять на втором месте. Главные умственные силы человека, пришедшего в школу не только для того, чтобы взять багаж знаний, но, главное, для того, чтобы стать умным (какая беда, что об этом многие учителя забывают!), должны направляться не на запоминание, а на осмысливание. Подлинная школа — это царство деятельной мысли. Если ученику, скажем, VIII класса задано сегодня по учебникам 10 страниц материала — значит, он станет тружеником-мыслителем лишь тогда, когда прочитает в этот день 20, 30, 40 страниц из интересной научной книги, из журнала — не для запоминания, не для заучивания, а просто из потребности мыслить, узнавать, открывать, постигать, наконец, изумляться.

А. Эйнштейн писал, что самая прекрасная и глубокая эмоция, которую мы испытываем, — это ощущение таинственности; кому эта эмоция чужда, кто утратил способность замирать в священном трепете, того можно считать мертвецом. С болью души смотришь на живых мертвецов, искалеченных непосильным сидением над уроками. Часто журналист, взявшись писать о школе, значительное внимание уделяет описанию форм и приемов работы учителя. Но я нигде не встречал постановки такой важной для школы, ученика, семьи проблемы, как чтение. Ведь примерно одна треть времени, затрачиваемого на умственный труд, идет у думающего ученика — мыслителя-труженика — на чтение учебника и две трети — на чтение необязательное, от которого, собственно, в решающей мере зависит жизнь мысли и становление мыслителя-труженика. Если ученик читает только учебник, если все делается для того, чтобы все время он расходовал на подготовку обязательных уроков, учение становится для него ненавистным бременем — от этого и множество других бед...

Жизнь в мире мысли — вот какую прелесть бытия надо раскрыть перед школьником! И на это направить учителя.

Что же необходимо для того, чтобы в школе царствовала жизнь мысли, чтобы потребность мыслить, узнавать, открывать, постигать — изумляться! стала важнейшей духовной потребностью человека?

Для этого нужен ум учителя. Порох любопытства, пытливости, жажды знаний заложен в каждой юной душе: зажечь же его может только мысль наставника. Жизнь в сфере мысли — и есть огонь любознательности, зажженный учителем. Открыть ребенку всю прелесть, привлекательность, роскошь мысли может только учитель. Он лишь тогда становится властелином юных душ, воспитателем, наставником, когда несет мысль, выражает себя в мысли, властвует — мыслью, покоряет и подчиняет — мыслью. Сила, рождающая в классе тишину, в которой дети и особенно подростки и юноши прислушиваются к каждому слову учителя, сила, пробуждающая совесть, стыд ученика, — неоспоримый авторитет учителя-мыслителя, влюбленного в свое дело. Жалок учитель, которому нечего сказать, в котором ученики не чувствуют несметных залежей мысли. Мы властвуем над юными душами мыслью и только мыслью. Наша мысль зажигает у наших питомцев желание учиться. Наша мысль пробуждает неодолимое тяготение к книге.

Необходима также целеустремленность учения. Я работаю в школе 35 лет и только лет двадцать назад понял, что на уроках нужно делать две вещи:

во-первых, давать ученикам определенный круг знаний;

во-вторых, заботиться о том, чтобы ученики становились все умнее и умнее.

Если нет гармонии этих двух вещей, учение превращается в каторгу. Необходима специальная работа для того, чтобы ребенок становился умнее. (Нельзя утверждать: если он овладевает знаниями, он уже и становится умнее. Далеко не так все просто.)

Следующая грань мысли как труда — умение учиться. Представим себе, что столяру, работающему рубанком, дают и дают работу:

строгай. А у него затупился инструмент, работа идет плохо. В таком положении оказывается ученик: ему задают выучить урок, а он не умеет читать. Чтение — очень важное и одно из самых сложных умений, которыми ребенок должен овладеть, чтобы умственно трудиться. Мысль лишь в том случае становится желанным трудом для маленького человека, если он умеет, читая, думать и, думая, читать.

Без высокой культуры чтения нет ни школы, ни подлинного умственного труда. Плохое чтение — как грязное окно, через которое ничего не видно.

Наконец, есть еще одна важная грань мысли как труда. Это желание быть хорошим. Ребенку свойственно стремление к самостоятельности. Детская потребность все делать собственными силами и есть источник желания быть хорошим. В труде человек выражает себя, свою духовную сущность, видит себя как бы в зеркале, гордится собой. Одна из тончайших воспитательных задач педагога в том и состоит, чтобы маленький человек постоянно гордился собой, видя себя в труде. Нет ничего опаснее равнодушия к самому себе. Плохо? Ну и что же, мне безразлично... Великое мастерство требуется от учителя, чтобы не перервалась эта тоненькая нить, связывающая душу ребенка со школой, учителем, товарищами, — желание учиться, желание быть хорошим. Лучшие мастера-воспитатели умеют добиться того, что эти тончайшие нити, объединяя детей в коллектив, порождают коллективное одухотворение, воодушевление: все стремятся учиться хорошо, каждому хочется выглядеть перед товарищами только с лучшей стороны. Как важны для всей жизни человека чувствительность, чуткость к тому, что видят в нем люди. Беречь эту чувствительность и чуткость — истина, которая, по-моему, должна быть одной из первых заповедей педагога; ее должна отстаивать и вся наша печать.

Усердие рождает достоинство мыслителя-труженика. Есть в нашей школе пятый класс, есть седьмой, девятый — в этих коллективах ученик сгорел бы от стыда, если бы ему кто-то предложил шпаргалку или подсказал. Можете дать контрольную и уйти — никто даже не попытается списывать или предлагать товарищу неблаговидную помощь: каждым движет чувство собственного достоинства, в каждом живет тонкое чувство стыда, у каждого в душе прочно засело то «я сам», без которого немыслимо человеческое достоинство.

Это и есть истоки, самая сущность трудового воспитания. Это и есть гармония трех вещей — надо, трудно и прекрасно. Только благодаря этой гармонии человек с малых лет живет жизнью труженика, умеет заставить себя — это исключительно важно! — и становится в полном смысле воспитываемым — способным повиноваться, подчиняться мудрой воле наставника, морально готовым к тому, чтобы его заставляли старшие.

Глубоко убежден, что, если каждый сидящий за партой стал настоящим тружеником мысли, если каждый на собственном опыте постиг эту гармонию трех начал, ни у кого не будет пренебрежения к труду слесаря или тракториста, каменщика или скотника, потому

что настоящий умственный труд — адски трудное дело, и уже за школьной партой человек поймет, что перспектива стать слесарем или дояркой — перспектива такой же нелегкой трудовой жизни, как и перспектива стать физиком или математиком. Если мысль — труд, а школа стала царством труда, у питомцев утверждается чувство уважения к любому труду и самое, казалось бы, простое дело на школьном участке, в мастерской, на колхозной ниве становится полем для приложения мысли. Единство умственной жизни и физического труда достигается лишь тогда, когда трудом стало думание, постижение мира.

Трудовому воспитанию посвящают свои статьи многие журналисты. Как правило, каждая рассказывает о чем-то конкретном: в одной идет речь о мастерской или учебном цехе, в другой — о школьной учебно-производственной бригаде, в третьей — о кружках. Невозможно требовать ни от газеты, ни от журналиста, чтобы каждая публикация содержала глубокий, всесторонний анализ проблемы трудового воспитания. Если в ней отражена только одна его грань, и от этого большая польза. Но о чем бы ни писали вы, не забывайте, что главное рабочее место школьника — парта, класс, стол в школьной лаборатории... Главный объект его труда — книга, тетрадь, главный труд в школе — учение. Пусть вы пишите только о мастерской или только о бригаде, мысль об этом самом главном должна читаться между строк. Воспитательная сила труда в мастерской, на школьном участке, на колхозном поле будет звучать в ваших раздумьях веско и убедительно лишь при условии, что в них чувствуется общий дух школьной жизни — работа везде и во всем, и прежде всего на уроках, за книгой.

В осуществлении трудового воспитания в таком смысле, как оно представляется нашему педагогическому коллективу, есть еще одно очень важное условие — единство усилий школы и семьи.

Рубрики «Семья и школа», «Педагогический университет для родителей» есть во многих газетах. Родители, особенно молодые, с нетерпением ожидают статей в этих разделах. Но именно эти статьи чаще всего и вызывают тревогу. Обращаясь к родителям, многие авторы «отталкиваются», как правило, от какого-нибудь чрезвычайного происшествия. Стряслась беда, произошла неприятность — тут-то и начинается разговор о воспитании, причем ход мысли у автора зачастую таков: если бы не были допущены такие-то и такие-то ошибки, беды не было бы...

По существу, это разговор о перевоспитании. Такие статьи, конечно, приносят пользу: многих родителей они предостерегают от ошибок и упущений. Но было бы лучше, если бы и взаимоотношения школы и семьи, и дух педагогического просвещения родителей устремились по широкому руслу — без подводных камней. Пришло время — я в это глубоко верю — создавать идеальную семью, идеальные взаимоотношения между матерью и отцом, между детьми и родителями. Я твердо убежден в том, что семья — это та сказочная пена морская, из которой рождается красота, и если нет таинственных сил, рождающих эту человеческую красоту, функция школы всегда будет сводиться к перевоспитанию.

Хочу рассказать об опыте нашей школы. Без семьи мы — я имею в виду свою школу — были бы бессильны. Десятилетия ушли у нас на то, чтобы дать родителям азбуку педагогической культуры. Нынешние родители — это наши бывшие ученики; мы готовили их к родительской миссии, еще когда они сидели за партой, — это очень важно! Безграничное уважение и доверие к школе — вот что самое главное для коллектива наших родителей. Для семьи в вопросах этической культуры, образования, воспитания нет авторитета выше, чем школа. Нам удалось достигнуть того, что в семье царит культ книги и чтения. И сейчас добрая половина наших усилий по воспитанию подростков и юношества направлена на то, чтобы подготовить их хорошими отцами и матерями. Может быть, это покажется кому-то странным, может быть, мы ошибаемся, но главное в нашей работе по «профессиональной ориентации» — воспитание будущих родителей-воспитателей уже за школьной партой...

В воспитании всегда важно, чтобы установились правильные взаимоотношения между педагогом и его питомцами. Правильно, с достоинством воспринимать горькие, но справедливые слова старшего — очень сложное дело, этому надо долго и настойчиво учить. Большая, просто нестерпимая беда заключается в том, что в разговоре учителя с подростком зачастую преобладает эмоциональный элемент — раздражение, гнев, нетерпимость. Нам, педагогам, приходится часто выражать неодобрение, осуждение в десятках, сотнях самых разнообразных оттенков, и делать это надо так, чтобы человек представал перед нами с открытым сердцем, не замыкался, не видел в наших горьких словах предубеждения. Если бы у меня спросили, какая в нашей сложной профессии самая сокровенная тайна, от овладения которой зависит способность властвовать умами и сердцами, я бы ответил: умение воспитывать у питомцев правильное отношение к моему неодобрению, осуждению.

Осуждение, неодобрение — и над этим следует призадуматься журналистам — очень тонкий и острый инструмент, и с чем меньшей силой духа, с меньшей мудростью обращаетесь вы к этому инструменту, тем опаснее последствия.

Слово — могучее средство воспитания. Глубоко ошибаются те, кто считает: если на маленького человека не воздействует слово, следует заставить его трудиться физически — ну, скажем, дать ему лопату в руки, — и это поможет. Учитель должен владеть воспитательным словом, прежде всего словом убеждения.

Что осуждать? К чему быть непримиримым? Правильный ответ на этот вопрос в значительной мере определяет успех нравственного воспитания.

Круг проблем, о которых надо говорить и писать, неисчерпаем. В разговоре о школе профессиональные детали и тонкости никогда не уводят в сторону от общегосударственной значимости школьных дел. Школа — своенравное дитя нашего общества, нянчить его надо очень умно, заботливо и терпеливо. Помнить об этом следует и журналистам.

Журналист, 1970, № 6

NB *Трудовое воспитание — проблема, над решением которой с давних пор упорно работают ученые, учителя, семья и общественность. И это закономерно. От того, как решается эта проблема, зависит настоящее и будущее общества, судьба целых поколений. На разных этапах развития общества предлагались и разные подходы к ее решению. Но в центре внимания всегда находилось воспитание трудолюбия, творческого отношения к труду, профессионального мастерства.*

И здесь мы должны особо подчеркнуть то особенное и единичное, что привнес В.А. Сухомлинский в разработку теории и методики трудового обучения и воспитания школьников. Собственно вся его педагогика построена на формировании привязанности к труду, труду творческому, обращенному к человеку. Труд для павлышского новатора — это «взаимодействие сердца, мысли, убеждений, чувств, переживаний, интересов, увлечений» (Сухомлинская О. Идея свободы // Освіта. — 1993. — 24 сент. — На укр. яз.). Немалая заслуга педагога и в том, что он сделал для реализации идеи соединения обучения с производительным трудом, выдвинутой еще И.Песталоцци и обогащенной Р. Оуэном.

Естественно, педагогические идеи В.А. Сухомлинского по организации трудового воспитания нуждаются в глубоком осмыслении с учетом меняющихся условий в стране. Тем более это важно сегодня, когда развивается тенденция сужения интеллектуального и творческого подхода к организации трудового воспитания в школе и перевода его на коммерческую основу без учета интересов и запросов школьников. В центр внимания переносится не ребенок с его интересами и запросами, а деньги, полученные любой ценой.

Речь идет не об отказе от экономического подхода к организации детского труда в школе и вне школы, не о его бесплатности, а о разумном отношении к этому процессу, о защите детей от жестокой и бессердечной власти денег, о сохранении творческой основы в трудовой деятельности, любви и верности избранной профессии, трудовой этики и нравственности.

Глава 5

ЧЕРЕЗ КРАСИВОЕ К ЧЕЛОВЕЧЕСКОМУ

ЭСТЕТИЧЕСКОЕ ВОСПИТАНИЕ

ПОЗНАНИЕ КРАСОТЫ И ВОСПИТАНИЕ ЧУВСТВ

Красота — могучий источник нравственной чистоты, духовного богатства, физического совершенства. Важнейшая задача эстетического воспитания — научить ребенка видеть в красоте окружающего мира духовное благородство, доброту, сердечность и на основе этого утверждать прекрасное в самом себе.

NB ***Система эстетического воспитания детей в школе В.А. Сухомлинского уникальна по целям, содержанию, формам и методам работы. Ее элементы пронизывают весь комплекс учебно-воспитательного процесса в школе, внеурочную работу с детьми, создавая единую воспитательную эстетическую среду.***

Педагогические коллективы с большим интересом относятся к решению проблемы эстетического воспитания, но, к сожалению, не все достигают таких успехов, как В.А. Сухомлинский.

В чем причина?

Дело в том, что многие школы проблемы эстетического воспитания решают сверху. Разрабатывают неплохие по содержанию планы и программы эстетического воспитания, доводят их до сведения исполнителей (классных руководителей, учителей, руководителей внеклассной работы и пр.).

Секрет успеха В.А. Сухомлинского состоит в том, что он решение проблемы эстетического воспитания начинал с воспитания у детей эстетических потребностей и чувств в процессе их умственного развития при непосредственном общении с природой при интеграции и эстетизации школы и среды.

Суть эстетического воспитания, по В.А. Сухомлинскому, состоит в удовлетворении эстетических потребностей детей, а не в сообщении им какого-то объема знаний по эстетике.

Одним из важных условий богатства эстетических потребностей, чувств, переживаний является глубокое интеллектуальное развитие человека. Поэтому цель эстетического воспитания — широкое ознакомление ребенка с достижениями мировой культуры, с культурными ценностями человечества.

Мы с первых же дней школьного воспитания учим детей понимать красоту окружающего мира, природы, общественных отношений. Восприятие, осмысливание красоты — это основа, стержень эстетического образования, сердцевина той эстетической культуры, без которой чувства остаются глухими ко всему прекрасному. Мы стремимся к тому, чтобы через все сферы духовной жизни ребенка: через его умственный и физический труд, через его творчество, общественную деятельность, нравственно-эстетические отношения, дружбу, любовь — проходила красной нитью мысль: красоту надо ценить и беречь.

Мы учим детей: человек выделился из мира животных и стал одаренным существом не только потому, что сделал своими руками первое орудие труда, но и потому, что увидел глубину синего неба, мерцание звезд, розовый разлив вечерней и утренней зари, багровый закат перед ветреным днем, безбрежную даль степей, журавлиную стаю в небесной лазури, отражение солнца в прозрачных каплях утренней росы, серые нити дождя в пасмурный осенний день, нежный стебелек и голубой колокольчик подснежника, — увидел и изумился, и начал создавать новую красоту. Остановись и ты в изумлении перед красотой, в твоем сердце тогда тоже расцветет красота.

Человек стал человеком, когда услышал шепот листьев и песню кузнечика, журчание весеннего ручья и звон серебряных колокольчиков жаворонка в бездонном летнем небе, шорох снежинок и завывание вьюги за окном, ласковый плеск волны и торжественную тишину ночи, — услышал и, затаив дыхание, слушает сотни и тысячи лет чудесную музыку жизни. Умей и ты слушать эту музыку, умей наслаждаться красотой.

NB ***Успехи эстетического воспитания в школе В.А. Сухомлинского объясняются высокой эстетической культурой педагогического коллектива, способного в процессе общения с детьми воспитывать у них умение видеть в повседневной жизни необычное и красивое, удивляться и восторгаться им, получать удовлетворение и счастье от добрых дел, совершенных на благо людей и Отечества.***

Познание детьми красоты невозможно без яркого, эмоционального слова учителя о красоте окружающего мира. Но слово о красоте оказывает эстетическое воздействие на ребенка, если он увидит красоту своими глазами.

Созерцание и слушание, переживание увиденного и услышанного — это как бы первое окошко в мир красоты. И мы видим очень важную задачу в том, чтобы научить ребенка видеть и чувствовать прекрасное, а когда в нем пробудятся эти способности, научить его на всю жизнь сохранить душевное восхищение и доброту.

Важную роль в нашей системе эстетического воспитания играют путешествия в мир красоты — экскурсии и походы, наблюдения, анализ явлений природы. Мы идем с детьми в поле, луга, на берег пруда и реки, в тенистую дубраву или в балку, в плодовый сад — красота есть везде, ее надо только открыть перед ребенком. Идем в разные времена года — осенью, зимой, весной, летом. Показываем, как рождается и расцветает красота. Дети видят игру красок и слушают

музыку природы. С начала осени и до наступления зимы мы несколько раз водим детей в одно и то же место в лес. Каждый раз они замечают новые оттенки в окраске листьев. К тому же эти оттенки меняются в зависимости от того, когда мы пришли в лес — утром, в середине дня или вечером; в зависимости от погоды, от того, как светит солнышко, какой ветер и т. д. Поэтому каждое путешествие в мир красоты приносит удивительные открытия: вот дети увидели, что самая богатая гамма оттенков осенней листвы на кленах и дубах, растущих на просторе, не стесненных соседством других деревьев. Эту особенность им надо объяснить, рассказать, как ее создает природа. «Солнышко освещает эти деревья со всех сторон и окрашивает листья, — говорим мы детям. — Но и среди деревьев отдельные дубы до самой зимы не сбрасывают листву, и на них переливается радугой пышное убранство». Дети долго стоят, изумленные, очарованные этой красотой, но вот учитель объяснил ее, и она дошла до их сердец.

В тихие солнечные дни «бабьего лета» мы обращаем внимание детей на удивительную прозрачность воздуха, глубину неба, особенную чистоту воды в реке. Тихо плывут серебристые нити паутины, в вечернем небе курлычут отлетающие в теплые края журавлиные стаи, в холодное утро появляются первые кристаллики инея — на все это надо обратить внимание детей. Мы показываем им несколько оттенков зеленых всходов озимых: зелень ржи не такая, как зелень пшеницы. С удовольствием дети любуются созревшими плодами в саду и на винограднике, сочетаниями изумрудной листвы и янтарных гроздьев, игрой солнечных лучей на плодах яблонь, груш, слив. В осеннем лесу мы вслушиваемся в голоса птиц, в тихий шелест опадающей листвы, подкарауливаем на зеркальной глади пруда сонные всплески рыбы. И на все это ребенок обратит внимание, ко всему будет присматриваться и прислушиваться лишь тогда, когда учитель своим словом откроет перед ним красоту окружающего мира.

В первую осень своей школьной жизни дети у нас проводят один день — с утра до ночи — в лесу, в поле, на лугу. Выбираем теплый, солнечный день. До рассвета отправляемся на окраину села. Стоим, очарованные красотой утренней зари. Дети словно и не знали, что небо может быть таким красивым, так переливаться изумительными оттенками. Одна за другой гаснут звезды, рождается день, всходит солнце. Слушаем пробуждение птиц, блеяние овец на полевом стане, рокот тракторов на далеком поле. Идем в лес, собираем опавшие листья; каждый стремится найти листья как можно более ярких оттенков. Останавливаемся на поляне: зажигается костер — мальчики бегут за водой, собирают сухой хворост, а девочки варят кашу. Отдых...

После заката солнца наблюдаем вечернюю зарю, смотрим, как загораются звезды, как меняется окраска полей, холмов, лугов, далеких курганов на горизонте. Вслушиваемся в ночную тишину — до нашего слуха доносятся голоса ночных птиц, удивительно звонкая трель кузнечиков. Этот день остается в памяти на всю жизнь; воспоминания об этом дне усиливают эмоциональную окраску новых восприятий красоты природы.

Уже первая осень школьной жизни детей убеждает нас в том, что красота — мать доброты и сердечности. Восхищение кустом шиповника, на котором горят красные ягоды, стройной яблонькой, на которой осталось несколько пожелтевших листьев, кустом помидоров, опаленным дыханием первого ночного заморозка, — все это пробуждает у ребенка ласковое, заботливое отношение ко всему живому. Растение для него — живое существо, которому будет неуютно и зябко под холодными ветрами и трескучими морозами. Ребенку хочется защитить растение от холода.

Неповторима и красота зимы. Дети любуются засыпанной хлопьями снега дубравой, восхищаются пушкинским сиянием розовых снегов, мглой январских вечеров, февральскими метелями, вслушиваются в щебетание зимних птичек. Не один раз мы выходим на рассвете на окраину села встречать зимнее солнце, любуемся переливами красок на снежных сугробах, вслушиваемся в звонкую капель, всматриваемся в расцвеченные солнцем алмазные сосульки, свисающие с крыш.

Весной дети видят пробуждение жизни. Первые весенние цветы, первые раскрывшиеся почки деревьев, первые нежные стрелочки травы, первая бабочка, первое кваканье лягушки, первая ласточка, первый гром — все это входит в духовную жизнь ребенка как красота вечной жизни. Несколько дней подряд, когда начинается движение соков в деревьях, мы выходим с детьми на холм, с которого открывается вид на долину, заросшую ивняком, и смотрим, как серые ветви почти на наших глазах покрываются зеленой пеленой, окраска которой меняется с каждым днем. Мы любуемся голубой дымкой над горизонтом, синими курганами в степи.

Настоящий праздник для детей — цветение садов. Рано утром мы приходим на школьный участок, идем в сад, восхищаемся белым, розовым, оранжевым нарядом деревьев, слушаем жужжание пчел. «Нельзя долго спать в эти дни, — учим мы детей. — Можно проспать красоту». И дети поднимаются до восхода солнца, стремясь не пропустить тех мгновений, когда первый поток солнечных лучей озаряет цветы, покрытые капельками росы. Затаив дыхание, любуется ребенок. На эту красоту ребенок сам не обратит внимания, если ее ему не показать, не рассказать ему о ней.

В летние дни дети восхищаются красотой волнующегося моря пшеницы. Мы показываем детям, как наливается и созревает пшеница, цветет подсолнечник, начинают краснеть помидоры и желтеть дыни.

С восприятия и познания красоты начинается воспитание эстетической культуры, воспитание чувств.

Все прекрасное, существующее в окружающем мире и созданное человеком для других людей, должно прикоснуться к сердцу ребенка и облагородить его. Мы читаем и перечитываем детям по три-четыре раза такие художественные произведения, как «Вечера на хуторе близ Диканьки» Гоголя, «Записки охотника» Тургенева, «Слепой музыкант» Короленко, «Степь» Чехова, рассказы Пришвина, стихи Пушкина, Лермонтова, Некрасова, Шевченко, Леси Украинки, Генриха Гейне, Адама Мицкевича. Чтению художественных

произведений, в которых воспевается красота природы, мы придаем очень большое значение. Мы выбираем для чтения обстановку, напоминающую описанные художником картины природы. Слово помогает глубже почувствовать тончайшие оттенки красоты природы, а красота природы как бы закрепляет в сознании детей, подростков, юношей и девушек эмоциональную окраску слова, доносит до сознания и сердца его музыку, аромат. Для каждого года обучения у нас отобраны произведения (или отрывки из больших произведений), которые мы читаем на лоне природы. Это чтение воспитывает чуткость к эмоциональной окраске слова, помогает слову глубже проникнуть в духовный мир ребенка, сделаться орудием его мышления.

ЭСТЕТИЧЕСКОЕ ВОСПИТАНИЕ И ВСЕСТОРОННЕЕ РАЗВИТИЕ ЛИЧНОСТИ В ГОДЫ ОТРОЧЕСТВА И ЮНОСТИ

Эстетическое воспитание, придающее определенную направленность познавательной и творческой деятельности ученика, развитию и удовлетворению его духовных запросов в процессе многогранной деятельности, охватывает все сферы духовной жизни формирующейся личности. Эстетическое воспитание неразрывно связано с формированием идейного облика личности, эстетического и нравственного идеала ребенка, подростка, юноши и девушки.

Красота — источник нравственного богатства человека. Джеймс Олдридж в одном из своих выступлений перед читателями сказал, что нельзя быть циником и одновременно любить Диккенса — это несовместимо. Задача школы заключается в том, чтобы красота стала могучим средством нравственного воспитания, источником подлинной человечности именно уже в детстве, в период младенчества нервной системы, когда душа ребенка очень чутка к эмоциональной окраске мыслей, образов — всего, что ребенок видит, воспринимает, о чем он думает.

В период младенчества нервной системы, до 7—8 лет, и позже, в годы отрочества, от 7—8 до 10—11 лет, когда продолжается становление ума, чувств и воли, исключительно важно, чтобы ребенок ощущал красоту, восторгался ею, восхищался, изумлялся дивными творениями человеческих рук и нерукотворной красотой природы. Удивление, изумление, благоговение перед красотой в детские и отроческие годы — это тот элемент человеческих отношений, без которых немыслимо подлинное воспитание, подлинное становление человеческой культуры. Человеческая культура наиболее тонко выражается в культуре чувств. В самом деле, многое из того, что изучается в школе, со временем неизбежно забудется, но все культурные ценности, к которым прикоснулась человеческая мысль, оставляют след в нашей душе, и прежде всего в чувствах, в переживаниях.

Представление о прекрасном общественном человеке, о возвышенном и величественном в его мыслях, чувствах, переживаниях мы формируем у ребенка с первых его дней пребывания в школе. Это представление мы наполняем плотью и кровью — живыми примерами высоконравственного поведения, героических поступков.

В представлении о человеческой красоте мы на первое место ставим духовную красоту — верность убеждениям, человечность, непримиримость к злу. Время от времени мы красочно переоформляем стенд «Человеческая красота». На этом стенде помещаются рассказы и очерки о поступках, жизни и судьбах; в этих рассказах ярко, понятно для детей, подростков, юношей и девушек показано единство морального и эстетического идеала. Мы добиваемся того, чтобы дети не только читали, но и мечтали о прекрасных людях, чтобы предметом их дружеских бесед были размышления о жизненном пути.

Среди достоинств, которые мы подчеркиваем в человеке как его внутреннюю духовную красоту, на первое место мы ставим идейность жизни — поступки и поведение, жизнь во имя убеждений. Поступки во имя всеобщего блага мы раскрываем не как жертвенность, а как источник подлинного счастья, настоящей полноты духовной жизни.

Все нравственные богатства, созданные человечеством и создаваемые в наши дни, должны войти в сердца детей, подростков, юношей и девушек.

На одном из стендов «Человеческая красота» был помещен портрет семьи узбекского кузнеца Шаахмеда Шамахмудова, усыновившего в годы Великой Отечественной войны 14 сирот из семей 12 национальностей. Дети с изумлением читали об этой необыкновенной человечности, любви к людям. На этом же стенде были помещены портреты героев, повторивших подвиг Александра Матросова...

Человеческая красота, входя в духовную жизнь детей, заставляет их задумываться над собственными поступками. В итоге мысли, чувства, отношения в коллективе одухотворяются нравственной красотой.

Мы все время заботимся о том, чтобы идеал духовной красоты человека — его поступков, труда на благо общества — был для воспитанников среднего и старшего возраста дорогим и священным. Особенно важно, чтобы духовно красивые люди волновали юношескую мысль, заставляли молодежь задумываться над собственной судьбой.

Уже в раннем отрочестве каждый ученик должен быть влюблен в человека, в котором воплощена красота души.

Каждому подростку мы даем читать книги о таких людях, судьбах и жизнях. Подростки, юноши и девушки влюбляются не только в выдающихся людей, известных всему человечеству, но и в духовную красоту простых людей. В юных сердцах формируется убеждение: нравственная доблесть и красота могут быть достигнуты человеком не только в героических обстоятельствах, но и в повседневной трудовой жизни.

Связь эстетического воспитания с нравственным осуществляется также в эстетическом отношении к труду. Многовековой гнет эксплуатации извратил представления людей о созданных ими ценностях: своим человек считал лишь то, что было его собственностью, то, чем он владел. Чувство собственности, обладания — одно

из самых тяжелых наследий прошлого в моральном облике современного человека. Преодоление этого пережитка — важное условие единства нравственного и эстетического идеала.

Мы стремимся поставить трудовое и моральное воспитание так, чтобы в создаваемые ценности каждый наш воспитанник вкладывал все свои лучшие духовные качества, «опредмечивал» себя в труде, чтобы он любил самый процесс труда, чувствовал красоту творчества. Вот почему в трудовом воспитании мы придаем столь большое значение индивидуальному трудовому увлечению, добиваемся, чтобы каждый подросток, юноша, девушка создали уголок любимого труда, чтобы любимый труд овладел их сердцем, душой.

Эстетическое воспитание тесно связано с воспитанием любознательности, пытливости. Стремление к исследовательскому, опытническому труду является в то же время удовлетворением эстетической потребности в красивом, интеллектуально насыщенном труде. Если умственный труд сопровождается интеллектуальной одухотворенностью, если человек, думая, чувствует себя властелином природы, он преодолевает любые трудности, его не разочаровывают неудачи. Мысль больше всего одухотворяется чувствами тогда, когда в труде участвуют одновременно разум и руки. Вот почему так важно, чтобы учеников воодушевлял физический труд, в котором исследуются и используются закономерности природы.

Эстетическая направленность преподавания естествоведческих предметов играет большую роль в утверждении материалистических убеждений. В преподавании гуманитарных предметов большое значение имеют чувства возвышенного, героического, драматического. Эти чувства переживаются тогда, когда ученик познает красоту служения Родине, красоту подвига во имя счастья народного. Преподаватели гуманитарных предметов стремятся раскрыть то или иное событие истории, явление общественной жизни прежде всего как борьбу передовых социальных сил за лучшее будущее народа, и в этой борьбе ученики чувствуют красоту. Так, рассказывая о самопожертвовании защитников Фермопил, о подвиге Ивана Сусанина, о героической смерти Николая Гастелло, о самоотверженном труде миллионов женщин и подростков в годы Великой Отечественной войны, мы раскрываем те черты духовного мира людей, в которых выражена преданность убеждениям, действенная любовь к Родине. Эстетическая направленность интеллектуального воспитания заключается в том, чтобы, освещая исторический опыт человечества, утверждать настоящее и пробуждать мечту о будущем. Важна не только умственная, интеллектуальная, но и эмоциональная оценка прошлого. От эмоционально-эстетической оценки исторического опыта в огромной мере зависит, каких духов прошлого, по выражению Маркса, вызывают себе на помощь, что из прошлого мы желаем развивать и совершенствовать, а от чего считаем необходимым избавиться.

Эстетическое воспитание тесно связано с физическим воспитанием. Мы стремимся утвердить представление о гармонически развитом теле, о красоте в труде, в движении, в преодолении трудностей. В установленный в нашей школе весенний Праздник красоты проводятся спортивные соревнования по красоте движений.

Победителям соревнования ученики младших классов преподносят цветы.

Задача школы заключается в том, чтобы чувство прекрасного, красота, созданные за многовековую историю, стали достоянием каждого человеческого сердца, претворились в эстетическую культуру личности и нравственных отношений между людьми.

ЭСТЕТИЧЕСКОЕ ВОСПРИЯТИЕ И ЭСТЕТИЧЕСКОЕ ТВОРЧЕСТВО

В воспитании эстетической культуры очень большое значение имеет взаимосвязь эстетического восприятия и эстетического творчества. В детстве, отрочестве и ранней юности каждый ученик должен восхищаться красотой во всех ее проявлениях; только при этом условии у него утверждается бережливое, заботливое отношение к красоте, стремление вновь и вновь обращаться к тому предмету, источнику красоты, который уже пробудил восхищение, оставил в его душе след.

В эстетическом восприятии как познавательном и эмоциональном процессе тесно связаны понятия, представления, суждения — вообще мышление, с одной стороны, и переживания, эмоции — с другой. Успехи эстетического воспитания зависят от того, насколько глубоко раскрывается перед учеником природа прекрасного. Но влияние на его духовный мир красоты природы, произведений искусства, окружающей обстановки зависит не только от объективно существующей красоты, но и от характера его деятельности, от того, как эта красота включается в его отношения с окружающими. Эстетические чувства пробуждает та красота, которая входит в жизнь человека как элемент его духовного мира.

Каждый человек осваивает и красоту природы, и музыкальную мелодию, и слово. И это освоение зависит от его активной деятельности, под которой мы понимаем труд и созидание, мысль и чувство, воспринимающие, создающие красоту. Чем больше в природе предметов, очеловеченных эмоциональным восприятием, пережитых как красота окружающего мира, тем больше красоты видит человек вокруг себя, тем больше волнует, трогает его красота — и созданная другими людьми, и первозданная, нерукотворная. Тех людей и подростков, для которых постоянное общение с природой стало важным элементом их духовной жизни, глубоко волнуют, трогают описания природы в художественных произведениях, изображение картин природы в произведениях живописи.

Мы добиваемся, чтобы каждый наш воспитанник с малых лет сердечно, заботливо относился к деревцу, к кусту роз, к цветам, к птицам — ко всему живому и красивому. Исключительно важно, чтобы эта забота стала привычкой. Поэтому у нас каждый ребенок ухаживает за растением в уголке красоты своего класса. У каждого есть свой скворечник или своя дуплянка для синичек, каждый оберегает гнездо ласточки. Эта сфера эстетического творчества имеет глубоко личный, индивидуальный характер. Без индивидуальных, личных чувств нет эстетической культуры.

Большое значение имеет и эстетическое творчество, связанное с восприятием художественных ценностей — литературы, искусства.

Эстетическое восприятие произведений литературы, музыки, изобразительного искусства тоже требует активной деятельности. Эта деятельность заключается в эстетической оценке, в глубоком переживании тех качеств, которыми обладает предмет восприятия сам по себе. Мы добиваемся того, чтобы с малых лет ребенок переживал красоту слова в художественном произведении, чтобы его волновало и описание природы, и изображение духовного мира героев. Ученик, который в детстве много раз пережил красоту слова, стремится выразить словами свои самые сокровенные мысли. Многолетний опыт убедил нас, что литературным творчеством — сочинением стихов, рассказов, очерков — в годы отрочества и ранней юности увлекаются те, на кого в детстве оказала большое воздействие красота, выраженная словом в произведениях выдающихся писателей.

Слушанию художественных произведений и выразительному чтению дети посвящают свое свободное время. В младших классах на чтение любимого произведения отводятся особые уроки; на этих уроках каждый ученик читает то, что ему больше всего нравится, что его волнует, — стихи, отрывки из рассказов, повестей. Учитель тоже читает свое любимое произведение. Конечно, урока не хватает, проводится утренник любимых произведений. Потом утренник посвящается одному большому произведению.

В средних и в старших классах читаются отрывки из произведений классической и современной литературы — как отечественной, так и зарубежной.

Опыт убеждает, что восприятие красоты произведений живописи (как по оригиналам, так и по копиям) пробуждает у детей стремление выразить в красках, линиях, сочетаниях оттенков свои мысли и чувства, свое отношение к окружающему миру. Это стремление мы развиваем и поддерживаем. У детей есть альбомы для рисования, и многие дети не только зарисовывают в них отдельные предметы или их сочетания, но и отражают в рисунках свои чувства.

Время от времени в школе устраиваются выставки детского рисунка. Так, в 1964/65 учебном году одна из таких выставок рисунков учащихся I—IV классов была посвящена теме «Воспоминания о летних каникулах», другая — «Наш плодовый сад и виноградник», третья — «Наступила золотая осень», четвертая — «Зима», пятая — «Мечты о полетах в космос».

На наших юношей и девушек потрясающее впечатление произвел рассказ М. Шолохова «Судьба человека». Они и до чтения этого рассказа знали о неизвестном герое, совершившем героический подвиг в нашем селе в дни фашистской оккупации.

После одной из карательных экспедиций фашисты собрали население села и торжественно объявили, что все партизаны наконец уничтожены — последний из них, взятый в плен живым, сейчас это подтвердит. Действительно, нашелся предатель, сказавший то, что хотелось врагам. Сотни крестьян стояли, подавленные этим известием. И вот в эту минуту из толпы вышел юноша, подошел к груп-

пе фашистских офицеров и попросил разрешения сказать несколько слов крестьянам. Фашисты разрешили. Юноша сказал: «Не верьте фашистам. Я — партизан. Нас тысячи, мы боремся и будем бороться. Я шел сюда на верную смерть, но эта смерть необходима: вы должны верить, что, пока жив народ, живы и борцы за его дело — партизаны».

Ошеломленные фашисты не сразу пришли в себя. Юноша был схвачен и здесь же расстрелян. Но его слова вдохнули в тех, к кому они были обращены, новые силы.

Нарисованная Шолоховым картина по-новому раскрыла нашим юношам и девушкам героический поступок неизвестного юноши, совершенный в их родном селе четверть века назад.

Маленькие дети, ученики III класса, часто плачут, когда учительница читает им рассказ польского писателя Г. Сенкевича «Янко-музыкант». Они становятся как бы непосредственными участниками событий, о которых рассказывает писатель; горе, о котором он говорит, становится их собственным горем; они вспоминают, что раньше часто не обращали внимания на эти маленькие происшествия их повседневной жизни. Мысленно ставят себя на место мальчика, стараются решить, что бы они сами сделали на его месте. Советские дети, конечно, не могут представить себе условия жизни давно ушедшего общества, они мысленно переносят в тот страшный мир свои моральные и эстетические критерии. Они с негодованием говорят о помещике-эксплуататоре; каждый утверждает, что он вместе со своими товарищами обязательно наказал бы жестокого помещика...

Особенно обогащает ви́дение мира лирическая поэзия. Чтение стихотворения Пушкина «Брожу ли я вдоль улиц шумных» всегда создает в представлении юношей и девушек картину непреходящей, бессмертной жизни, навевает мысли о преемственности поколений. Учениками овладевает грустное настроение при мысли о том, что человек смертен, что молодое становится дряхлым, но эта грусть еще больше оттеняет красоту жизни, ее радости: юноши и девушки переживают стремление как можно полнее, глубже познать в жизни все то, что связано с созиданием, с бессмертной жизнью природы и вечностью человеческих порывов к счастью. Поэтическое слово пробуждает благородные порывы души. Однажды после чтения этого стихотворения кто-то из юношей сказал: «Посадим дуб, который будет жить тысячу лет...» Посадили желудь, вырос дубок, теперь ему уже десять лет. Он еле достиг человеческого роста, но все у нас называют его тысячелетним. Так из поколения в поколение ученический коллектив передает эстафету мечты о бессмертной непреходящей жизни.

Мы придаем большое значение рассматриванию произведений живописи. В начальных классах мы делаем это на уроках чтения, в средних и старших классах — на уроках литературы. Иногда одна и та же репродукция рассматривается несколько раз — в младшем, среднем и в старшем возрасте. Первое рассматривание обычно не сопровождается широкими объяснениями, касающимися деталей картины. Ученики рассматривают репродукцию обычно в заключе-

ние беседы, в ходе которой у них создается определенное отношение к тому или иному явлению природы, общественной жизни или же после непосредственного общения с природой.

Например, совершая с детьми прогулку, мы отдыхаем на освещенной солнцем поляне в березовой роще. Дети не могут не почувствовать здесь красоту белых стволов на фоне яркой зелени, игры света и теней. Стройные деревья, голубое небо, яркое солнце, сверкающая вдали река, зеленая лужайка, жужжание пчел — все это входит в их духовный мир как очеловеченные предметы. По возвращении мы показываем им репродукцию картины Левитана «Березовая роща», и она производит на детей очень сильное впечатление, хотя это рассматривание и не сопровождается объяснениями. В гениальном произведении художника дети находят как бы самих себя; она пробуждает у них мысли и чувства, только что пережитые при непосредственном общении с природой, но теперь эти чувства возникают как воспоминание о прошлом, как желание еще и еще общаться с природой, чувствовать, переживать красоту.

Для учеников средних и старших классов у нас проводятся вечера и утренники, посвященные отдельным произведениям живописи. Кратко остановившись на жизненном и творческом пути художника, мы основное внимание уделяем образам произведения, стремимся в ярких, красочных словах передать содержание произведения, охарактеризовать свойственную художнику манеру письма.

Для того чтобы раскрыть красоту произведений живописи перед учениками, сами учителя должны иметь соответствующую подготовку в области эстетической культуры, постоянно повышать свои знания. У нас каждый учитель непрерывно пополняет свой личный альбом репродукций картин выдающихся художников. В педагогическом коллективе проводятся занятия, посвященные изобразительному искусству. В течение ряда лет сложилась и программа бесед о произведениях живописи. Эта программа включает в каждую беседу по одному (иногда по два-три) произведению выдающихся художников — русских, советских, зарубежных. Отдельные беседы посвящаются также архитектуре и скульптуре.

Могучим средством эстетического воспитания является музыка. Музыка — это язык чувств, переживаний, тончайших оттенков настроений. Чуткость восприятия языка музыки, понимание его зависит от того, как в детстве и отрочестве воспринимались произведения, созданные народом и композиторами. Не меньше половины времени, отводимого на пение и музыку, мы используем на слушание музыкальных произведений. Мы учим детей понимать музыкальную мелодию, потом переходим к слушанию простых пьес. Каждому произведению предпосылается беседа, благодаря которой у детей создается представление о картине или переживании, переданных специфическими средствами музыки.

Здесь, как и при восприятии произведений живописи, мы придаем очень большое значение природе: учим детей слушать музыку природы. Например, в тихий летний вечер дети собираются в саду или на берегу пруда. Заходит солнце, с каждой минутой меняется окраска деревьев, холма, виднеющегося вдали, необъятных полей с

высокими скифскими курганами. Дети всматриваются в окружающий мир, вслушиваются в звуки. Оказывается, самый тихий летний вечер полон множеством звуков. Непосредственно после слушания музыки природы детям предлагается прослушать записанную на пластинку соответствующую народную песню или произведение композитора. У детей возникает желание еще и еще слушать музыкальные мелодии, передающие красоту летнего вечера. Во время повторного слушания музыкального произведения развивается эмоциональная память, углубляется чуткость и восприимчивость к красоте мелодии. Постепенно ребенок начинает чувствовать в мелодии музыкальное выражение чувств, впечатлений, настроений, переживаний. Так, еще до ознакомления с музыкальной терминологией ученики овладевают языком образов, что имеет очень большое значение не только для музыкального воспитания, но и вообще для формирования и развития чувств. Чем понятнее, доступнее этот язык ребенку уже в младшем возрасте, тем бóльшую роль играет слушание музыки в среднем и старшем возрасте.

Умение слушать и понимать музыку — один из элементарных признаков эстетической культуры, без этого невозможно представить полноценного воспитания. Сфера действия музыки начинается там, где кончается речь; то, что невозможно сказать человеку словом, можно сказать музыкальной мелодией, потому что музыка передает непосредственно настроения, переживания. В этой связи надо заметить, что музыка является незаменимым средством воздействия на юную душу. Мы стремимся построить систему музыкального образования таким образом, чтобы из года в год перед учениками постепенно открывался мир больших идей, отраженных в музыке: идеи братства и дружбы людей (Девятая симфония Бетховена), идеи борьбы человека против безжалостного рока (Шестая симфония Чайковского), борьбы сил прогресса и разума против темных сил фашизма (Седьмая симфония Шостаковича). К пониманию этих идей мы подводим детей постепенно: вначале, как указывалось, они слушают несложные музыкальные произведения, в которых выражается чувство восхищения красотой, добром, человечностью, потом переходят к более сложным произведениям.

На музыкальных вечерах, которые проводятся для учеников младшего, среднего и старшего возраста, главное место занимает слушание музыки. Программа музыкального образования включает прослушивание вокальных, инструментальных и симфонических произведений и отрывков (увертюр, арий) из опер виднейших русских, советских и зарубежных композиторов.

Каждый музыкальный вечер является очередной ступенькой в музыкальном образовании. Чтобы научить понимать музыку, надо рассказать о музыкальных средствах выражения мыслей и чувств. Мы начинаем с элементарного объяснения музыкальных ассоциаций и аналогий, показываем, как композиторы заимствуют их из окружающего мира звуков. Постепенно мы переходим к анализу идеи музыкального произведения.

Переживание чувства наслаждения прекрасным — первое побуждение к творчеству. Это особенно заметно на литературных опы-

тах учащихся. Чем глубже пережил ученик красоту, отраженную в поэтическом произведении, тем сильнее у него потребность выразить в слове собственную мысль, чувства. Восприятие и творчество здесь не только взаимозависимы, но и сливаются нередко в единый процесс эстетической оценки: творчество начинается, по существу, уже во время чтения поэтического произведения. Характерной особенностью литературных, особенно стихотворных, опытов является то, что мысль передается с помощью тех конкретно-чувственных образов, с которыми она ассоциировалась во время восприятия поэтического или музыкального произведения.

Я прочитал в течение последних 10 лет свыше 100 ученических стихотворений, в которых изливается чувство грусти в связи с предстоящим расставанием со школой, товарищами. Свои чувства юноши и девушки выражают в таких образах, как далекий курган в прозрачной дымке, который все больше отдаляется, становится еле заметным; увядающее (или, наоборот, развивающееся) дерево на берегу пруда (или реки), освещенное яркими лучами солнца; облако в безбрежной синеве неба; восход (или закат) солнца; вечерняя (или утренняя) заря; далекий дымок паровоза (или парохода). Тот или иной образ ассоциировался в эмоциональной памяти авторов с чувством грусти, навеянной мыслями о расставании.

Чем глубже, тоньше эстетическое восприятие, тем больше возрастает интерес ученика к собственному духовному миру. Многие ученики ведут дневники. Записи в дневниках — яркое свидетельство потребности в творчестве. Эту потребность надо развивать. Умение творить словом, воплощать в художественный образ свои мысли, чувства, переживания нужно не только писателю, но и каждому культурному человеку. Чем больше развито это умение, тем выше эстетическая и общая культура человека, тоньше его чувства, глубже переживания, ярче эстетическое восприятие новых художественных ценностей. Вот почему мы придаем большое значение творческим письменным работам — сочинениям.

Работа над сочинениями — это не только развитие речи, но и самовоспитание чувств. Эта работа начинается с общения ребенка с природой. Во время наших путешествий в мир красоты мы открываем перед ребенком богатства чувств, переживаний, мыслей, которые вложил народ в каждое слово и бережно передает его из поколения в поколение. Дети восхищаются красотой утренней зари — мы раскрываем перед ними эмоциональную окраску слова «заря»; любуются мерцающими звездами — мы раскрываем красоту слова «мерцание». В тихие летние вечера мы проводим на лоне природы беседы, посвященные словам *закат, сумерки, тишина, шепот трав, лунное сияние.* Здесь же, на лоне природы, читаем бессмертные образцы отечественной и мировой поэзии — стихотворения и поэтическую прозу, — посвященные природе, отражающие внутренний мир человека.

От эстетического восприятия зависит и побуждение к творчеству в области изобразительного искусства и музыки. Развивая чувство красоты природы, мы побуждаем детей выражать свои чувства в красках и линиях. Творчество начинается там, где, изображая лес,

горы, степь, реку, ребенок выражает свои чувства. Такое творчество обогащает духовную жизнь. В экскурсии и туристические походы наши ученики берут альбомы и карандаши. В те минуты, когда красота природы переживается особенно ярко, они делают зарисовки. Отдельные уроки рисования в начальных и средних классах посвящаются рисованию на темы, избранные учениками: дети рисуют то, что оставило в их душе глубокие впечатления.

Признаком эстетической и общей культуры человека является умение находить в музыке средство выражения своих чувств, переживаний. Создавать новые музыкальные произведения могут лишь отдельные люди, но понимать язык музыки, пользоваться сокровищами музыки в духовном общении посильно всем. Мы добиваемся, чтобы музыкальный инструмент стал необходим каждому, чтобы каждый умел играть на том или ином музыкальном инструменте. Наиболее широко в наших условиях распространена игра на баяне. Многие наши ученики имеют нотную библиотеку, отдают игре на баяне часы досуга. В свободное время ученик идет в музыкальную комнату, слушает любимое произведение в записи на пленке.

Чем выше уровень эстетического развития всех без исключения учеников, тем больше возможностей для развития тех, у кого выявляются задатки творческой деятельности в области искусства.

РОЛЬ ОКРУЖАЮЩЕЙ ОБСТАНОВКИ И ТРУДА В ЭСТЕТИЧЕСКОМ ВОСПИТАНИИ

Мы заботимся о накоплении у детей эстетических впечатлений — с этого начинается забота об эстетической обстановке. Все, что видит ребенок, переступив порог нашей школы, все, с чем он здесь соприкасается, красиво. Красив общий вид школы, утопающей в зелени; красивы зеленые кусты винограда с янтарными гроздьями; красивы вьющиеся розы вдоль дорожки от одного школьного корпуса к другим. Красивы во все времена года кроны деревьев в школьном саду. Красиво обрамленное диким виноградом крыльцо главного входа в школу...

NB ***Павлышского педагога волнует вопрос, чтобы все, что делалось в школе, было направлено на всестороннее развитие воспитанников, на полное раскрытие индивидуальности каждого из них. И порой то, что у других ускользало из поля зрения или считалось малосущественным, у Сухомлинского действенно работало как важное звено целостного учебно-воспитательного процесса.***

И не случайно забота о крепкой, здоровой, красивой основе в человеке в Павлыше начиналась с заботы об эстетической обстановке, окружающей его. Все, что видел малыш, переступив порог школы, с чем он соприкасался, было красиво.

Эстетическая ценность вещей, окружающих нас, не совпадает с их ценой, выражающейся в стоимости. Мы добиваемся того, чтобы все, окружающее детей, было для них в эстетическом отношении бесценным, т. е. чтобы во все был вложен большой труд, забота, волнующие чувства.

Эстетическое восприятие окружающей обстановки — дело глубоко субъективное, зависящее от активной деятельности, направленной на эстетическое освоение действительности. Для ребенка несравненно дорог невзрачный цветок, выращенный им из маленького черенка в глиняном горшке. Фарфоровая ваза, купленная в магазине, тускнеет перед вазой глиняной, сделанной собственными руками. Это не надо понимать как недооценку художественных ценностей, созданных мастерами-творцами, — роль этих ценностей в воспитании огромна. Мы приводим эти примеры лишь для того, чтобы подчеркнуть ценность труда в эстетическом воспитании учащихся.

Эстетичность обстановки достигается такой гармонией нерукотворного и созданного человеком, которая пробуждает чувство радости. Мы стремимся к тому, чтобы на школьном дворе ребенок везде видел красоту природы, которая становится еще красивее оттого, что о ней заботится он, ребенок.

Гармония окружающих ребенка вещей создает общий эстетический дух обстановки при том условии, когда отдельные вещи не кричат о себе, когда их как бы не замечаешь. Если, например, на широкое светлое окно, из которого открывается вид на плодовый сад, поставить несколько больших цветов, гармония нарушится, цветы подавят эстетические качества других вещей — того же плодового сада. Если же на окне будет только одна веточка, гармонирующая по своей форме с деревьями плодового сада, с временем года (гармония может заключаться и в контрасте), то совсем по-другому воспринимаются и эта веточка, и плодовый сад, и просторы далеких полей.

NB ***Ребенка, любующегося, восхищающегося красотой природы, окружающей его, в Павлыше исподволь подводили к мысли, что она «становится еще красивее оттого, что о ней заботится он, ребенок». По мнению Сухомлинского, человек, однажды глубоко ощутивший гармонию красоты природы и своих деяний, будет всегда стремиться к ее сохранению.***

Красота облагораживает человека лишь тогда, когда он трудится, создавая красоту. Мы добиваемся, чтобы человеку хотелось трудиться не только для хлеба насущного, но и для радости. Создавай, твори красоту, учим мы детей. Пусть рядом с пшеничным колосом цветет хризантема, рядом с подсолнечником — роза, рядом с кустом картофеля — куст сирени. Каждый класс в первую осень своей школьной жизни сажает свой розовый куст и ухаживает за ним. У каждого коллектива малышей есть свои хризантемы; с наступлением холодов дети пересаживают цветы в теплицу или в уголок живой природы. В уголке красоты, который создает каждый класс на школьной усадьбе, — розы, сирень, виноград, персики. Забота о красоте переживается как забота о нежном, хрупком, беззащитном существе, которое погибло бы, если бы о нем не заботился человек.

Труд детей является и созданием нужных вещей, и в то же время эстетическим творчеством. В этом единстве — источник облагораживающей силы труда, особенно бескорыстия; в этом единстве пред-

отвращение гнусного пережитка прошлого — чувства обладания вещами. Чем ярче элемент эстетического творчества в общественно полезном труде, тем глубже сочетается эстетическая оценка вещей — результатов труда с нравственной оценкой человека, создавшего эти вещи.

Многие виды детского труда являются, по существу, творчеством, родственным прикладному искусству (например, выпиливание, выжигание, лепка, вышивание и др.). Чем дольше сохраняются в жизни человека эти виды труда, тем ярче выражается эстетический элемент во всей его трудовой деятельности.

Эстетическая оценка труда — это источник нравственного достоинства труженика. Наряду с требованиями технологии в процессе работы на учебно-опытном участке, в теплице, в мастерских и рабочих комнатах, в поле перед учениками ставятся требования красоты. Любое трудовое задание, которое ставится перед учеником, имеет не только материально-производственный, но и эстетический смысл, связанный с формированием чувства прекрасного.

Эстетической обстановке присуще ощущение воздуха, света, простора, перспективы. Все, что находится на стенах наших классных комнат, как бы раздвигает стены, наполняет комнату просторами полей, лесов, лугов. Ученики, например, видят картину, на которой изображена золотая осень в плодовом саду. Она напоминает о том, что за стеной настоящий плодовый сад.

С школьной усадьбой связаны детство, отрочество и ранняя юность наших воспитанников. Все здесь развивает эстетическое восприятие природы и труда. Зеленая лужайка, открывающаяся во дворе, переходит в пасеку, которая напоминает о постоянном, кропотливом труде. В каком бы месте двора ни находился ученик, перед ним плодовые деревья — яблони, груши, черешни, сливы, абрикосы. Они прекрасны и в пору цветения, и летом, и глубокой осенью — сначала с плодами, потом с разноцветным, как бы пылающим на фоне осеннего неба убранством. Неповторима красота их ветвей зимой — покрытых снегом, инеем. Плодовый сад — наиболее яркое сочетание первозданной красоты с красотой, созданной руками человека.

В центре школьного двора, рядом со спортивной площадкой, — виноградник. Его внешний вид привлекает и естественной красотой мощных кустов — вьющихся по проволоке побегов, и гроздьев плодов (ученики их видят в течение трех месяцев), и особенно красотой труда. Дети создают эту красоту, живут ею. Уже в первую осень своего пребывания в школе они сажают черенки, потом ухаживают за ними. Виноградными лозами оплетены стены крольчатника, зеленой лаборатории, уборных.

Возле пасеки — медоносные растения. С ранней весны до поздней осени здесь звучит пчелиная музыка, как дети называют жужжание пчел. Сюда они приходят вместе с учителем в тихие утренние и вечерние часы слушать музыку природы, здесь они учатся понимать музыкальную мелодию.

В школьном дворе — несколько зеленых беседок из вьющегося дикого винограда. Густая листва образует живую кровлю, похожую

на зонт. В течение весны, лета и осени природа пять раз меняет окраску этой листвы. Эта игра красок восхищает учеников, служит предметом наблюдений. Такую же игру красок наблюдают ученики и на виноградных лозах, покрывающих стены зеленой лаборатории.

Эстетический характер имеет и обстановка на учебно-опытном участке, в теплицах, в кабинете живой природы. Каждый младший и средний класс имеет свой участок, на котором выращиваются зерновые и технические культуры. Они подбираются с таким расчетом, что участки каждого класса зеленеют до глубокой осени. До морозов цветут осенние цветы. Бывает, что они выглядывают из-под первого снежного покрова. В теплице цветы цветут целую зиму: хризантемы, подснежники, ландыши. На учебно-опытном участке — несколько школок, где выращиваются саженцы плодовых деревьев. Здесь рождается та красота, которая как бы ручейками растекается по всему селу.

NB ***В Павлыше заботились не только о красоте природы. Большое внимание здесь уделялось созданию эстетической обстановки в классных и рабочих комнатах, в мастерских, эстетике труда, одежды и т. п. Павлышане, как известно, были противниками единой ученической формы, считая, что одежда ребят должна подчеркивать их индивидуальность.***

Большое внимание мы уделяем созданию эстетической обстановки в классных и рабочих комнатах, в мастерских. Каждый классный коллектив добивается того, чтобы его комната отличалась чем-то своеобразным. Неповторимость эстетической обстановки создается растением, расположенным рядом с классной доской. В одном классе — это лимонное дерево, в другом — роза, в третьем — маленькая сосенка. Это растение определяет стиль эстетической обстановки всей комнаты. На одном из окон — маленький цветок или зеленая веточка, напоминающая о красоте школьной усадьбы. Здесь важно не обилие зелени (окна — для света), а своеобразие стебля и листьев, выделяющихся на фоне неба.

В каждом классе — репродукция картины. Она меняется в зависимости от разных обстоятельств (время года, содержание воспитательных бесед и др.). В отдельных классах есть свои картинные галереи — серии репродукций, по которым преподаватель литературы проводит беседы об искусстве.

На столе учителя — глиняная вазочка, в которую дежурный ежедневно ставит живой цветок или веточку декоративного растения (весной и осенью — с учебно-опытного участка, зимой — из теплицы). Этот цветок не только соответствует времени года, но и выражает настроение коллектива, характер его духовных интересов в данный период.

В теплице, в зеленой лаборатории, в кабинете живой природы не только выращиваются цветы для классных комнат, но и подбирается их эстетически яркое, выразительное сочетание. Вообще, цветам мы отводим большое место в воспитании эстетической культуры.

Значительную роль в эстетическом воспитании играет одежда и вообще внешний вид учеников и учителей. Здесь самое важное — простота и изящество. Мы против единой ученической формы.

Нынешняя форма, особенно для девочек, никуда не годится, она безобразна, и не случайно пионеры недавно высказали в «Пионерской правде» свою просьбу к Министерству просвещения: дайте новую одежду. Мы стремимся к тому, чтобы одежда усиливала, подчеркивала эстетические черты индивидуальности ребенка. Придерживаемся обязательных требований к одежде, развивающих эстетические чувства. Это прежде всего соответствие цвета ткани и покроя платья индивидуальным чертам ученика. Одежда должна быть простой, изящной, не бросающейся в глаза, не выставляющей на показ тело, но напоминающей о его красоте (и в необходимых случаях сглаживающей отдельные недостатки физического развития). Недопустима кричащая пестрота тканей. Цвета одежды мы рекомендуем мягкие, лучше всего преобладание полутонов. Главные требования к покрою одежды — плавность, мягкость линий, отсутствие угловатости и резкости, обтянутости.

Соответствующие эстетические требования предъявляются и к прическе. Нельзя требовать, чтобы мальчики стриглись под машинку. Требования к прическе: скромность, простота, изящество, соответствие индивидуальным чертам. Классные руководители и учителя в беседах с юношами и девушками объясняют, как придерживаться этих требований, в чем заключается подлинное изящество. Особенное внимание уделяется тому, что венцом красоты является соответствие внешнего изящества внутреннему благородству, внешней скромности — внутреннему достоинству.

Воспитательная работа, проводимая в этом направлении, дает значительные результаты. У наших учеников, в частности у девушек, высоко развит эстетический вкус. Каждая девушка шьет себе платье сама. Среди платьев значительное место занимает украинский национальный костюм, который удачно сочетается с элементами современного платья.

NB ***«Красота спасет мир», — сказал великий Достоевский. Никто из педагогов не осознал с такой глубиной всю продуктивность этой гениальной мысли, как Сухомлинский. Обращение к красоте, переживание таковой, подчеркивал педагог, снимает «толстокожесть», утончает чувства ребенка, он начинает понимать, что «в его душу входит красота и что это вхождение красоты зависит в огромной мере от него самого, от его собственной воли».***

Возможно ли систему эстетического воспитания В.А. Сухомлинского использовать в современной школе? Не только возможно, но и нужно. Нам сегодня как никогда необходимо воспитание у детей духовной красоты и благородства, доброты и сердечности, культуры чувств, элегантности внешнего вида, человечности и других качеств личности.

Только проникновение в сказочный мир и красоту природы, в мир музыка и поэзии, литературы и искусства, сокровища мировой культуры позволит воспитать человека, способного приносить счастье народам, процветание нашей Родине.

Успешное решение проблемы эстетического воспитания возможно:

если будут приняты меры по повышению эстетической культуры педагогических кадров на всех уровнях;

если все школы будут укомплектованы квалифицированными преподавателями эстетического направления;

если все учебные заведения будут обеспечены комплектами необходимых пособий, произведениями музыки, искусства и т. п., а также удобной аппаратурой для их использования в эстетическом воспитании;

если процесс эстетизации школы и среды станет приоритетным направлением в обществе и получит материальную и моральную поддержку органов власти.

КРАСОТА — ВАЖНОЕ СРЕДСТВО ВОСПИТАНИЯ ДОБРОТЫ, ТРУДОЛЮБИЯ, СЕРДЕЧНОСТИ И ЛЮБВИ

В мире есть не только нужное, полезное, но и красивое. С того времени, как человек стал человеком, с того мгновения, когда он засмотрелся на лепестки цветка и вечернюю зарю, он стал всматриваться в самого себя. Человек постиг красоту.

Красота — это глубоко человеческое. Красота существует независимо от нашего сознания и воли, но она открывается человеком или постигается, живет в его душе, не было бы нашего сознания, не было бы и красоты. Мы приходим в мир для того, чтобы постигнуть красоту, утвердить, создать ее.

Красота — это радость нашей жизни. Человек стал Человеком потому, что увидел глубину лазурного неба, мерцание звезд, розовый разлив вечерней зари, прозрачную дымку степных просторов, багровый закат перед ветреным днем, трепетание марева над горизонтом, синие тени в сугробах мартовского снега, журавлиную стаю в голубом небе, отражение солнца в мириадах капель утренней росы, серые нити дождя в пасмурный день, фиолетовое облако на сиреневом кусте, нежный стебелек и голубой колокольчик подснежника — увидел и, изумленный, пошел по земле, создавая новую красоту. Остановись и ты в изумлении перед красотой — и в твоем сердце расцветет благородство. Перед человеком открылась радость жизни потому, что он услышал шепот листьев и песню кузнечика, журчанье весеннего ручейка и переливы серебряных колокольчиков жаворонка в горячем летнем небе, шуршанье снежинок и стон метели, ласковое плесканье волны и торжественную тишину ночи — услышал и, затаив дыхание, слушает сотни и тысячи лет чудесную музыку жизни. Умей и ты слушать эту музыку. Дорожи красотой, береги ее.

Эти слова мы повторяем в те счастливые минуты, когда перед детьми открывается новый оттенок красоты окружающего мира, пробуждая у них радость, волнение, изумление. О серебряных колокольчиках песни жаворонка говорим мы в горячий летний день, когда, отдыхая в тени дубравы после похода или после работы, дети всматриваются в дрожащий комочек жизни... Слова о прекрасном доходят до ребенка лишь тогда, когда он сердцем чувствует красоту. Созерцание и слушание, переживание услышанного — это первое окошко в мир красоты.

Я вожу своих питомцев тысячу раз к истокам красоты — за годы обучения в начальных классах. Это уроки видения прекрасного. Дети учатся видеть, любоваться, вслушиваться в музыку окружающего мира, понимать его.

Красота — один из ручейков, питающих доброту, сердечность, любовь. Изумление кустом шиповника, на котором пылают красные ягоды и оранжевые листья, маленьким кленом и стройной яблонькой с несколькими желтыми листочками, кустом помидоров, обожженным первым ночным дыханием заморозка, — все это пробуждает в детских сердцах ласковое, доброжелательное, заботливое отношение к живому и красивому. Ребенок сочувствует растениям, готовящимся к зиме. Они становятся для него живыми существами, которым будет холодно под пронизывающими ветрами. Ребенку хочется защитить растение от холода. Когда мы прикрываем на зиму розы и виноград, дети ласково, бережно пригибают каждую веточку к земле, чтобы не сломать и не повредить. Зимой дети с тревогой говорят о молодых деревьях: «Не холодно ли им?» И когда мы собираем снег, чтобы накопить побольше влаги для деревьев, то этот труд для детей — сердечная забота о красоте, а не просто выполнение обязанностей.

Я вижу большой воспитательный смысл в том, чтобы ребенок видел, понимал, чувствовал, переживал, постигал как великую тайну *пробуждение жизни* в природе. Первые весенние цветы и раскрывающиеся почки, первые нежные стрелочки травы, первая бабочка, первое кумканье лягушки, первая ласточка, первый гром, первая весенняя купель воробья — все это я раскрываю перед детьми как красоту вечной жизни. И чем глубже они одухотворяются этой красотой, тем сильнее стремятся творить прекрасное. Настоящий праздник для детей — цветение сада. Рано утром дети приходят в сад, любуются белыми, розовыми, фиолетовыми, оранжевыми волнами, как бы плывущими по саду, слушают пчелиную арфу. Нельзя долго спать в эти дни, надо просыпаться на заре, учу я детей, проспишь красоту! И дети поднимаются до восхода солнца, чтобы не пропустить тех минут, когда первые лучи озаряют цветы, обильно покрытые каплями росы. Это изумительная игра красок и оттенков, и, если ребенок затаив дыхание любуется этой красотой, он не будет черствым, равнодушным, бессердечным человеком. Духовное богатство, постигнутое благодаря созерцанию красоты, мы развиваем и обогащаем в труде, направленном на создание радости для людей.

Тот, кто творит красоту, творит счастье для людей. Пусть рядом с пшеничным полем цветет хризантема, рядом со стеблем подсолнечника — роза, рядом с кустом картофеля — куст сирени. Украшая землю, вы творите собственную красоту.

Красота облагораживает только тогда, когда человек работает, создавая хлеб для жизни и красоту для того, чтобы не было жизни только ради самого хлеба. Наш воспитательный идеал — чтобы человек трудился не только ради хлеба, но и для радости, чтобы добрые чувства, возникающие при созерцании красивого, вдохновляли на труд во имя счастья людей.

Творение красоты имеет особенно большое значение в младшем возрасте. Труд маленьких детей — это прежде всего создание материальных ценностей, воплощающих красоту. Одухотворение, воодушевление для этого труда требует мудрого, яркого, убедительного слова воспитателя. Слово — первая искра, зажигающая факел, освещающий мир красивого. В моей этической хрестоматии есть сказки, предназначенные специально для того, чтобы помочь ребенку понять сущность красоты и смысл труда, необходимого для творения прекрасного. Я рассказываю маленьким детям — дошкольникам и первоклассникам — сказки «Флейта и Ветер» и «Сергей и Матвей».

Красивое возвышает, одухотворяет, облагораживает человека — эта идея познается детьми через многие сказки и рассказы, которые они глубоко переживают. Я считаю важным воспитывать так, чтобы с малых лет в детском сознании красота женщины — девушки, матери — была окружена поэтическим ореолом. Человек не может стать духовно богатым, тонко чувствующим слово, призыв воспитателя, если он не преклоняется перед красотой и величием женщины — ее предназначением, миссией, подвигом. От сказки о Флейте и Ветре до поэтической легенды о Матери, проклинающей сына-предателя, — по этому пути проникновения в мир красоты веду я своих питомцев. Я стремлюсь к тому, чтобы каждый мальчик с чувством восторга открыл важную для себя истину: нет в мире ничего прекраснее матери, воспитавшей сына-героя, сына — верного патриота Отечества. В годы отрочества мои питомцы переживают чувство изумления, восхищения, слушая рассказ о Матери у могилы сына.

Образ счастливой матери, бережно прижавшей к груди спящего малютку, — это символ той красоты, которую мы считаем самой могучей силой воспитания. Каждый день, входя в школу, ребенок видит картину, на которой изображены Мать и Дитя. Я считаю это изображение символом идей, во имя которых мы трудимся, отдаем свою душу детям, близко к сердцу принимаем настоящее и думаем о будущем. Это самая яркая красота нашего бытия. Как планеты вращаются вокруг Солнца, так все наши заботы о ребенке устремлены к этой красоте, притягиваются к ней могучей силой и озаряются ее ярким светом. Я твердо убежден, что этот свет учит детей, подростков, юношей видеть красоту женщины, порождает чувство одухотворенности этой красотой, заставляет измерять свои поступки самой высокой меркой — меркой подлинной человеческой красоты.

Красота женщины — вершина человеческой красоты. Восторженное отношение к женской красоте воплотили в бессмертных художественных образах великие поэты — Гомер, Данте, Шекспир, Гете, Пушкин, Шевченко, Мицкевич. Целомудренно воспетая ими красота живых женщин, в которых они сами были влюблены, стала мерилом нравственности, чистоты чувств любви для многих поколений. Мы стремимся к тому, чтобы, постигая эту красоту, наши юноши поняли: красота женщины не порождена половым инстинктом и не представляет собой чего-то нераздельного с половыми потребностями. Мы заботимся, чтобы каждый вдумался в слова В.Г. Белинского: «Вот прекрасная молодая женщина: в чертах лица ее вы не находите

никакого определенного выражения — это не олицетворение чувства, души, доброты, любви, самоотвержения, возвышенности мысли и стремлений. Оно только прекрасно, мило, одушевлено жизнью — и больше ничего, вы не влюблены в эту женщину и чужды желанию быть любимым ею; вы спокойно любуетесь прелестью ее движений, грацией ее манер, и в то же время в ее присутствии сердце ваше бьется как-то живее, и кроткая гармония счастья мгновенно разливается в душе вашей» (*Белинский В.Г.* Собр. соч. — М., 1959. Т. 7. — С. 372). Человек проходит длительную школу облагораживания чувств, прежде чем он возвысится до столь высокого, бескорыстного видения красоты. Эта школа начинается с созерцания красивого в природе, с умения видеть и слышать красивое; она включает в себя мудрые уроки понимания человеческой верности, преданности, привязанности, долга, ответственности. Не может по-настоящему быть бескорыстно влюбленным в красоту тот, кто не перестрадал, кто не постиг красоты материнской души, безмолвно склонившейся над могилой сына. Нравственное видение прекрасного — важное условие того, что я назвал бы влюбленностью в живую красоту девушки, женщины. Нравственно и эстетически воспитанный человек влюблен не только во внешнюю красоту, не только в антропологическое совершенство, но и во внутреннюю одухотворенность. Умение быть очарованным богатым миром мыслей и чувств — очень важная черта нравственной и эстетической воспитанности.

Средоточие духовной жизни, зеркало мысли, выразитель чувств — человеческие глаза. Чем выше интеллектуальное, эстетическое, нравственное развитие и общий уровень духовной культуры человека, тем ярче отражается внутренний духовный мир во внешних чертах. Это свечение души все глубже понимается и чувствуется современным человеком. Внутренняя красота выражается во внешнем облике.

Единство внутренней и внешней красоты — это эстетическое выражение нравственного достоинства. Человек стремится быть красивым, хочет выглядеть красивым — это закономерно. Но осуществимость этого стремления зависит от нравственного облика — от того, в какой мере красота человека сливается с его творческой, деятельной сущностью. Ярче всего человеческая красота проявляется тогда, когда человек занят любимой деятельностью, — внешний облик как бы озаряется внутренним вдохновением. Не случайно красоту дискобола Мирон воплотил в тот момент, когда напряжение внутренних духовных сил сочетается с напряжением сил физических, в этом сочетании — апофеоз красоты. В девушке, помыслы которой — о творчестве, красота ярче и глубже, чем в такой же девушке, изнывающей от безделья. Безделье — враг красоты. Эту мысль мы внушаем своим питомцам. Красив человек труда — комбайнер, тракторист, летчик за штурвалом своей машины, садовод у любимого дерева. Внутренняя духовная красота озаряет лицо ученого, мыслителя, поэта, художника, рабочего в тот момент, когда разум воодушевлен, озарен светом творчества.

Если хочешь быть красивым, трудись до самозабвения, трудись так, чтобы ты почувствовал себя творцом, мастером, господином в

NB *К этому утверждению В.А. Сухомлинского следует отнестись с особым вниманием. Нельзя не согласиться, что красивым может стать только тот человек, который самозабвенно и творчески трудится. Воспитание трудолюбия есть творчество — вот одно из основных направлений воспитательной работы в школе.*

любимом деле. Трудись так, чтобы глаза твои выражали одухотворенность великим человеческим счастьем — счастьем творчества. Внешняя красота имеет свои внутренние, нравственные истоки. Любимое творчество накладывает отпечаток на черты лица, делает их тоньше, выразительнее.

Красоту создают тревога, забота — то, что обычно называют муками творчества. Как неизгладимые морщины откладывает на лице горе, так и творческие заботы являются самым тонким, самым искусным скульптором, делающим лицо красивым. Понятие *творчество* надо считать многогранным. Внутренняя творческая жизнь, накладывающая тончайший отпечаток на внешнюю красоту, — это не только создание новых ценностей. Это также и умение видеть красоту окружающего мира. Тот, кто тонко видит и чувствует красоту, и сам становится красивым. И наоборот, внутренняя пустота придает внешним чертам лица выражение тупого равнодушия, невыразительности.

Если внутреннее духовное богатство создает красоту, то бездеятельность и тем более безнравственная деятельность эту красоту губит. Когда соприкасаешься с многими молодыми людьми в большом коллективе, то среди ярких, запоминающихся лиц видишь лица, которые ничем не обращают на себя внимание, — они мелькают, но не запоминаются. Духовная пустота делает внешность человека безликой.

Безнравственная деятельность уродует. Привычка лгать и пустословить постепенно создает блуждающий взгляд: человек избегает прямо смотреть в глаза людям; в его глазах трудно увидеть мысль, он прячет ее. Подхалимство, угодничество придают выражение подобострастия глазам, всему лицу; зависть, эгоизм, подозрительность огрубляют черты лица, придают ему угрюмость, нелюдимость.

Идеал человеческой красоты — это вместе с тем и идеал нравственности. Гармония всестороннего развития — в единстве физического, нравственного, эстетического совершенства. Нельзя сделать прекрасной нашу жизнь, не сделав прекрасным человека во всех отношениях. Вершина человеческой красоты в том, что каждый из миллионов членов нашего общества, говоря образно, засверкает своей внутренней красотой.

Глава 6

НРАВСТВЕННОСТЬ — СИСТЕМООБРАЗУЮЩИЙ ФАКТОР ВОСПИТАНИЯ

ЧЕЛОВЕК — ВЫСШАЯ ЦЕННОСТЬ

Это было в первые годы после освобождения нашего села от фашистских захватчиков. Я был классным руководителем (по-украински — в ы х о в а т е л е м , слово это, на мой взгляд, очень удачно передает тончайшие оттенки высокой миссии воспитателя — оберегать, охранять маленького человека) одного из самых трудных классов, где почти все дети были обездолены войной: отцы погибли на фронте, у трех мальчиков и двух девочек не было ни отца, ни матери, у одного мальчика все родственники пропали, он жил у меня, и я, проснувшись ночью, часто не мог заснуть до утра, думая о судьбе Коли.

Однажды, в теплый день ранней весны, в пору большой воды, наша Семья Несгибаемых (так назвали мы свой дружный коллектив) возвращалась из леса: ходили слушать музыку весенних ручьев и смотреть, как сквозь прошлогоднюю листву пробиваются первые стрелочки подснежников. Приближаясь к мосту, под которым клокотал водоворот разлившейся реки, мы услышали глухой звук, словно в воду упало что-то тяжелое. Потом нам почудился тихий крик, а за ним явственно все услышали стон. Ошеломленные, мы остановились на плотине. Водоворотом прибило к берегу женщину. Мы бросились к ней, вытащили из воды. Это была наша односельчанка, мать Марина — тридцатилетняя женщина, судьба которой была такой же трудной, как и судьба многих моих воспитанников.

СУДЬБА МАТЕРИ МАРИНЫ

Мать Марина — так называли ее в селе, хотя у нее теперь не было детей, и, произнося слово м а т ь, все склоняли головы перед ее страданиями. Когда немцы приближались к нашему селу, Марина взяла своих троих детей — грудного младенца, трехлетнего сына и шестилетнюю дочку — посадила на телегу. Хотела увезти их за Днепр, спасти от фашистов — тогда казалось, что Днепр обязательно станет непреодолимой преградой. С трудом пробилась она со своей телегой на паром (мост был уже разбит фашистскими самолетами). Паром задержался, мать на минутку побежала на берег

взять у одной доброй женщины бутылку молока... И в ту секунду, когда она взяла бутылку с молоком, заревели моторы бомбардировщика, раздался страшный грохот, и от парома ничего не осталось. Обезумевшая от горя, стояла Марина над окровавленной водой... Она погибла бы, если бы не помощь и сочувствие добрых людей. Ее приютила многодетная семья, переправившаяся ночью за Днепр. Марину увезли в Сибирь, там она работала в госпитале, а когда село освободили, сразу же возвратилась. Здесь ожидала ее новая трагическая весть: на фронте погибли муж, два брата.

В те трудные дни в селе открылась церковь, пустовавшая несколько лет. Как и многие страдающие женщины, Марина нашла утешение и забвение в молитве, стремясь постигнуть какой-то тайный, неземной смысл в проповедях старого древнего батюшки, отца Спиридона, которого женщины называли «наш батюшка». Он признавался в откровенной беседе, что плохо помнит священное писание, даже многие молитвы порастерял, но обладал удивительной душевной способностью: умел понять, почувствовать духовный мир каждого пришедшего к нему человека, знал, «какая у кого рана и что у кого болит», умел находить простые, душевные, утешающие слова. Я много раз беседовал с отцом Спиридоном, слушал его бесхитростные проповеди и видел, что он, будучи верующим, не навязывал своей веры другим, но, умело вставляя слово Божье в обычные человеческие слова, излечивающие людские раны, связывая религию с добром, умел делать ее привлекательной. Противостоять влиянию такого батюшки было нелегко (да и не успел я помериться с ним в искусстве влияния на души людей, потому что вскоре он умер; и вот что интересно: на похороны 80-летнего отца Спиридона верующие женщины решили не приглашать никого из служителей церкви, обрядили и похоронили по-своему, по-домашнему). Знакомство и беседы — многочасовые, увлекательные — с отцом Спиридоном открывали мне глаза на многие недостатки не только атеистического воспитания, но и вообще на слабости и пороки воспитания человеческой души. Ведь большинство верующих не пошли бы к отцу Спиридону, а пошли бы к образованным, интеллигентным людям — к педагогам (прежде всего), умным пропагандистам, если бы мы научились тонко, тактично, душевно, бережливо, сочувственно, дружелюбно, по-доброму, без какого бы то ни было предубеждения к верующему проникнуть в духовный мир, поддержать человека, утвердить в нем мысль о подлинном бессмертии человеческого духа, человеческой души. Я понял, что именно эту цель и надо ставить в воспитательной работе с людьми — от младенца до глубокого старика, от того, кто вступил в мир и изумленно познает его, удивляется ему, до того, кто собирается оставить его и с болью и страданием смотрит на мир, размышляя по-философски о нем и о себе. В этом убедили меня беседы со многими людьми — и верующими, и атеистами, и людьми с абсолютно пустой душой (к большому своему удивлению, я убедился, что есть люди — кое-где их мало, кое-где много, и это вызывает большую тревогу, среди молодежи в отдельных местах таких немало — с пус-

той душой, иногда они с университетскими дипломами и, что еще страшнее, по долгу службы воспитывают других людей). Перед смертью каждый человек независимо от того, кем он был, — верующим, атеистом или духовно пустым вместилищем биохимических процессов, — становится философом, мысль о смерти и бессмертии, если она до этого по-настоящему никогда не приходила в голову, озаряет, как молния, его сознание; многие в эти мгновения по-настоящему, по-человечески осознают, что они могли сделать в жизни и не сделали, что делали не так, как надо было делать.

NB *Педагогика В.А. Сухомлинского — это педагогика доброты и человечности. Во главе ее угла — Человек как высшая ценность. И школа, по мнению педагога, лишь тогда школа, когда главный предмет в ней человековедение. Нетрудно заметить, что в структуре общечеловеческих ценностей, находившихся в поле зрения павлышского новатора, просматривается несколько уровней: первый — это жизнь, вселенная, земля, природа, вода; второй — это человек, семья, коллектив, народ, человечество; третий — это человечность и благородство, чуткость и сердечность, любовь и доброта, совесть и стыд, честность и порядочность, честь и достоинство, чистосердечность и щедрость души и многие другие.*

Для В.А. Сухомлинского тема общечеловеческих ценностей, общечеловеческой морали была стержневой. Она присутствует практически во всех его работах.

Все эти рассуждения представляются мне исключительно важными в системе нравственного воспитания молодежи — утверждения в юных сердцах мысли о том, что Человек — высшая ценность, что человеческий дух бессмертен, что в величии, полноте, моральном богатстве жизни заключается цель, к которой настоящий человек стремится всю жизнь.

NB *В массовом сознании укоренилось мнение: пока мы не улучшим общественное бытие, нечего и мечтать об улучшении духовной жизни. Но вот что сказал по этому поводу организатор знаменитого Римского клуба Аурелио Печчеи. Сейчас, когда на карту поставлена судьба Человека как вида, «пора, наконец, понять, что... проблема в итоге сводится к человеческим качествам и путям их совершенствования, ибо лишь через развитие человеческих качеств и человеческих способностей можно добиться изменения ориентированной на материальные ценности цивилизации и использовать ее огромный потенциал для благих целей». Сказано это на пороге XXI в. Но эту же мысль высказывал В.А. Сухомлинский почти тридцать лет тому назад: «Больше, чем когда бы то ни было мы обязаны думать сейчас о том, что мы вкладываем в душу человека» (Избр. произв.: В 5 т. — Киев, 1979. — Т. 4. — С. 558).*

К сожалению, претворяются в жизнь идеи В.А. Сухомлинского о Человеке как высшей ценности с большим трудом.

В содержании школьного образования преобладают знания о природных и физических явлениях и почти полностью отсутству-

ют знания о самом сложном предмете — человеке, его психологии, факторах, определяющих поведение и взаимоотношения людей. Слабая подготовка в области человековедения во многом определяет низкую культуру поведения, грубость и распущенность в отношениях с другими. Озлобленность, раздражение, дегуманизируя среду, деформируют человека как личность.

Усиление в содержании общего образования человековедческого материала — один из важнейших путей гуманизации школы и среды.

Проблемы нравственности, духовности, поведения, уважения прав людей должны занять ключевое место в гуманитарных дисциплинах. В дополнение необходимы мини-курсы, помогающие школьникам понять себя, мотивы и стиль поведения, развивающие чувства эмпатии, доброжелательности, милосердия.

Простите меня, уважаемый читатель, за пространное отступление, но без него многое было бы непонятно в истории, на которой я хочу остановиться особо, — о судьбе матери Марины. У меня были разные выхованцы — и девятилетние, и двенадцатилетние. Война смешала в одном классе ребят разных возрастов, многие из них не учились, а теперь надо было наверстывать упущенное. Были среди моих выхованцев ребята сильные. Нам нетрудно было довести ослабевшую женщину домой. Мы уложили ее в кровать, напоили чаем, дали лекарство. Мальчики и девочки убрали в комнате, поставили на стол стаканчик с лесными подснежниками. Потом я отправил всех домой, у постели остались мы с Колей. Марина хорошо знала меня, мы вместе с ней учились в школе, были почти ровесниками, даже, как я потом узнал, в каком-то поколении наши предки были близкими родственниками. Я не намеревался ни о чем расспрашивать ее, тем более напоминать о происшедшем. Но то ли потому, что именно в эти мгновения ей надо было излить душу, то ли как раз потому, что я ни о чем не спрашивал, а рассказывал о своих выхованцах, о радостях и неудачах, Марина в ту ночь рассказала нам с Колей о своей жизни и счастье, горе и страданиях. Я хотел отправить Колю домой, но Марина испуганно приподнялась на кровати, попросила Колю сесть рядом и так рассказывала до утра. Потом я убедился, что как раз благодаря тому, что Коля стал как бы участником всех событий, о которых рассказывала мать Марина, в его судьбе произошла перемена.

Итак, она рассказывала нам о своей жизни... Временами, когда повествование становилось особенно напряженным, когда раскрывались самые сокровенные уголки человеческих чувств, я с опаской поглядывал на восьмилетнего Колю: поймет ли он правильно, увидит ли и почувствует чистое, святое, поистине человеческое через наслоения страшного, грязного, жестокого? Но Коля понимал все так, как хотелось мне. Я с радостью убеждался, что истина, какой бы суровой и страшной она ни была, никогда не омрачит, не развратит детскую душу, если воспринимается маленьким человеком как чистая правда — так говорят в народе о горьких, но справедливых, истинных вещах.

Трудно повторить здесь все повествование матери Марины. Я попытаюсь изложить его вкратце.

На востоке, где свыше двух лет Марина работала во время войны, она жила мыслями о возвращении в родное село. У нее еще была в глубине души надежда: а может, кто-то из детей остался жив? Она искала забвения в труде. Какое-то утешение приносили письма мужа. Она написала ему обо всем. Муж писал: крепись. За несколько месяцев до возвращения писем от мужа не стало.

— Приехав домой, я металась от горя, и самым страшным было для меня одиночество. У каждого свое горе, к кому пойдешь, кому оно понятнее и ближе собственного? До приезда я носила в сердце надежду: приеду домой, вернется муж, будут еще дети — может быть, отступит хоть немного мое горе. Муж погиб. Своей надежды я не оставляла... хотелось родить ребенка... Но меня возмущало, что многие мужчины видели во мне не человека, а только красивую женщину. Однажды пригласила я ночевать приезжего агитатора. Как горячо он говорил о счастливой жизни после восстановления разрушенных городов и сел. Вот поработаем, говорит, лет десять — и придет райская жизнь... Вечером собрала моему постояльцу поужинать, сидим, сумерничаем, и стала я рассказывать ему о своем горе. А он: «Да хватит об этом... Никого этим не удивишь: фашисты принесли неимоверные страдания советскому народу. Столько-то тысяч сел и городов разрушили... на столько-то миллиардов рублей вреда причинили...» Говорит красиво, а глаза стали похотливыми, обниматься лезет... Выгнала я его из хаты. С той поры умерла во мне надежда на ребенка. Настоящим человеком оказался отец Спиридон. Никогда не была верующей, но когда однажды он рассказал о жизни и смерти, о человеке и его страданиях — поверь, я пожалела, что детство и юность мои прошли без религии. В церкви я чувствовала: каждое слово этого доброго человека проникает в мое сердце. Он не говорил ни о царстве небесном, ни о страстях господних — наверное, и сам в это не верил, — ни о наказаниях в аду. Но умел подсказать то слово, которое словно бы ты десять лет ищешь и найти не можешь, а он тебе подсказал, и ты приходишь домой, ночь не спишь, все думаешь: как жить? как быть человеком? Но самое главное — не проповеди церковные, а беседы с батюшкой с глазу на глаз. С вечера до первых петухов, а иногда и до рассвета горел огонек в его окне. Станет тяжело на сердце — идешь к нему, откроешь рану, прикоснется человек к ране и успокоит словом...

Здесь я сделаю небольшое отступление. 70-летний колхозник, красный солдат гражданской войны, придя однажды ко мне в школу, пожаловался: грозой сожгло хату. Надо достать несколько жердей для крыши. Пошел в райисполком к начальнику. Чем-то занят был тот, сказали, доклад какой-то готовит, не будет принимать сегодня, приходите в среду, в п р и е м н ы й день. Пошел я в среду, но начальника в этот день вызвали на совещание. «Приходите в понедельник, — сказала добрая старушка, сторожиха райисполкома, — я за вас попрошу, чтобы принял». Пришел в понедельник,

принял меня начальник, но даже сесть не пригласил, куда-то спешил, быстренько ответил мне: «Нет у меня никаких строительных материалов, обратитесь к председателю колхоза...» Был у меня, говорит, лесоматериал, но это — вдовам, женщинам, мужья которых погибли на фронте, а ты живой остался.

Удивительные дела бывают иногда у нас. «Занят делом, не могу сейчас принять...» — как дико звучит это в обществе, начертавшем на своем знамени: человек — высшая ценность. Нет дела важнее, чем живой человек. Если он принес к вам свою душу, вы должны встретить его стоя и выслушать его тоже стоя, потому что перед вами — Человек. Горько и обидно делать эти сравнения и сопоставления, но от правды никуда не уйдешь: дальновидный священник никогда не забывает, что поле его деятельности — душа человеческая; недальновидный же чиновник, поставленный чем-то заведовать, думает, что сфера его службы — стол, кабинет, дверь и табличка на двери: прием в такие-то дни от... и до...

...Мы с Колей слушаем повесть о жизни Марины.

— Но мне же и тридцати еще не было. К каждому слову, с которым к нам обращались и председатель колхоза, и люди, приехавшие из района, мы, женщины, чутко прислушивались. Нам хотелось услышать слово, обращенное к самым сокровенным уголкам наших сердец. Чтобы представнык (так по-украински крестьяне называли в те годы всякого человека, приехавшего в село представителем вышестоящих организаций) обращался к нам не как к каким-то неизвестным женщинам, а к Марине, у которой трое детей нашли свою могилу в Днепре, к Оксане, у которой муж пришел с фронта без руки и без ноги, к Катерине, у которой двух дочерей немцы угнали на каторгу, и ни слуху ни духу о них... Ходили мы, женщины, и в клуб на лекцию, но что мы там слышали? Надо работать, надо выполнять...

Давно не давала мне покоя мысль: другие матери, у которых дети умерли, знают их могилки, а где могилка моих дорогих крошек? И вот пришло в голову: пойду на берег Днепра, наберу земли в том месте, где погибли дети, принесу на наше сельское кладбище, насыплю могилку... — так и сделала. Пошла к председателю, попросила дерева на три крестика, а он, узнав, о чем прошу, не только ничего не дал, но и рассмеялся: какая блажь пришла в голову...

Умер отец Спиридон, и для Марины настали трудные дни. Некому открыть сердце, не к кому пойти со своим горем. Кто-то пустил по селу злобный слух, что Марина завела шашни с представителем из района (это с тем, которого выгнала из хаты).

— Жизнь моя стала невыносимой. Я решила уйти... Вы спасли меня — значит так угодно судьбе.

Я вернулся домой поздно ночью, а Коля навсегда остался у Марины. Он стал ее сыном. Счастлив был мальчик, но никакими словами нельзя описать счастье Марины. Она вкладывала в ребенка всю силу материнских чувств и стремлений. Мало сказать: она воспитывала человека. Она творила, создавала его, лелеяла в нем каждую хорошую черточку и страдала, обнаруживая плохое. <...>

Страдания, горе, несчастье, обиды родителей, особенно матерей, дети приносят в школу. Беседы с матерями, которые каждый день приходят ко мне со своими обидами и бедами, научили меня читать тайны детских душ. Войдешь в класс, поздороваешься с детьми, посмотришь в глаза и сразу видишь: у Володи сегодня что-то стряслось, с ним надо быть ой каким осторожным. Его сегодня нельзя не только спрашивать, но и вообще не надо требовать от него усердного труда: как сделает, так и хорошо. Сережа сидит ощетинившийся, недоверчивый; одно-единственное неосторожное слово — и он вспыхнет, взорвется, может на несколько дней потерять душевное равновесие. А у Любы дома какая-то радость: сияют глаза, девочка хочет чем-то поделиться с подружкой. Оля угнетена: в семье, по-видимому, продолжается начавшаяся неделю назад война молчанием, о которой девочка по секрету рассказала мне: «Папа и мама не разговаривают друг с другом, а со мной ласково-ласково говорят только тогда, когда я остаюсь с кем-нибудь из них».

Только какая-то частичка моего мозга занята мыслями о материале, который изучается на уроке. А весь я поглощен мыслью о детях, их чувствах, об их родителях, о самом главном и самом трудном — человеческом счастье. Судьба этих малышей в твоих руках, воспитатель; ты творец их счастья.

Хочется посоветовать воспитателям: помните, что сидящие перед вами дети — не только вместилища знаний. Урок — не только перекладывание знаний из головы учителя в головы детей. Это прежде всего отношение ребенка к знаниям, но также и отношение ребенка к вам, воспитатели. На уроке, по моему твердому убеждению, должно наиболее полно и ярко раскрываться отношение человека к человеку как к высшей ценности. Если этого нет — рождается нежелание учиться; его корни чаще всего в той обстановке, какая складывается дома, а иногда и здесь, в стенах самого гуманного, самого человечного учреждения рождаются детские страдания. Я всегда стремлюсь, чтобы детское страдание, принесенное из семьи, не осталось незамеченным. Умные, чуткие матери часто сами приходят ко мне и говорят: у моего Вани в душе смятение, будьте с ним осторожны. Когда Марина усыновила Колю, она

NB ***Сухомлинский, рассматривая проблему соотношения образованности и нравственности современного ему школьника, обратил внимание на парадокс второй половины XX столетия. Его суть состоит в том, что зачастую знания школьников о природе и обществе значительно опережают знания о человеке, о процессах, происходящих в его голове, о природе его чувств и т. д. Все это происходит потому, что в школьной практике на первое место выдвигаются познавательные задачи. Наметившаяся в конце 20-х — начале 30-х годов тенденция, когда в нашем обществе главное внимание образования было сосредоточено на развитии ума, а чувства игнорировались, сохранялась и в 60-е годы. Сухомлинский не мог не заметить подобный перекос. Вот почему на проблеме воспитания души человека он заостряет особое внимание, считая ее самой насущной.***

часто напоминала мне: «Как только у меня какая тревога, беспокойство, неудача на работе — глаза у Коли становятся печальными: одно резкое, равнодушное слово — и полились слезы. Прошу вас, смотрите ему в глаза и... никогда не будьте равнодушны».

С каждым годом я все больше убеждался в том, что творение счастья является и целью воспитания, и в то же время счастье — это душевное состояние, о котором можно говорить как о способности быть воспитуемым, поддаваться воспитательному влиянию педагога. Без этого душевного состояния просто невозможно воспитание. Здесь надо сделать оговорку и уточнить: счастье — это не беззаботность. Счастье — это гармония чувства собственного достоинства, радости и полноты творческой жизни, с одной стороны, и долга — сознания и чувства долга перед другими людьми, перед коллективом, перед обществом — с другой. Отношение к человеку как к высшей ценности предполагает утверждение в нем чувства ответственности за каждый свой поступок, за свое поведение. Счастье — не бездумное потребление ласки, доброты, сердечности. Счастье лишь тогда нравственно, когда человек, образно говоря, греясь у костра и подкладывая поленья, сушит топливо для того, чтобы разжечь костер завтра. Если нет этого душевного состояния, не может быть способности поддаваться таким сильным, могучим средствам влияния на человеческую душу, как слово, одухотворение примером и красота. Тридцать пять лет я работаю в школе и тридцать пять лет моим вечным исканием является забота о том, чтобы эти три инструмента воспитания были могучими и всесильными, и я убедился: если нет душевного состояния счастья и у родителей, и у ребенка, то эти инструменты становятся бессильны.

Повседневно беседуя с родителями, проводя специальные занятия родительской школы, я стремился проникнуть в духовный мир каждого отца, каждой матери, увидеть истоки детских страданий, детского смятения, озлобления, равнодушия. Передо мной открылось многоликое человеческое горе. В одних семьях оно были явственно, его видели и понимали. Помочь в таких случаях было значительно легче, чем там, где люди чувствовали себя счастливыми и безмятежными, а между тем своим поведением, своим отношением к другим людям человек кричал, призывая на помощь. Надо было услышать этот крик.

ВЕЛИКИЙ СМЫСЛ ЖИЗНИ

Меня волновало всегда: как помочь ребенку постичь смысл жизни и значение смерти, какой стороной должно открыться перед ним это ни с чем не сравнимое горе, как, потрясая чистое сердце, оно заставляет по-новому осмысливать ценности, которые без этого испытания любви и человеческой преданности не могут быть познаны до конца? Благородное человеческое страдание — потерю близких, родных, — суждено пережить чуть ли не каждому ребенку. Я считаю исключительно важным, чтобы это событие стало для маленького человека как бы первым испытанием, открывающим

NB ***Как научить детей понимать смысл жизни, значение смерти и величие человеческих ценностей? Может ли школа справиться с этой проблемой. Думаю, что может, если она достигнет высокого уровня интеграции со средой, будет активно использовать свои воспитательные возможности, народные обычаи и традиции, в том числе и просветительные средства православия.***

перед ним смысл жизни и величие человеческих ценностей. Очень важно, чтобы благородное страдание потрясло детскую душу, сделало чуткое детское сердце тонким, восприимчивым, настроило его на переживание радостей и горестей близких и «далеких» людей, открыло перед ребенком высший критерий измерения человеческого счастья.

По моему твердому убеждению, это целая область воспитательной работы, которую я назвал бы закладкой нравственного фундамента под здание личного счастья и благополучия человека. Внутренний мир ребенка может стать глухим к человеческим радостям и горестям, если нет дорогого, близкого, родного человека, в которого ребенок вкладывает все силы своей души, которому он отдает свое сердце и потеря которого, ни с чем не сравнимая и не сопоставимая, переживается как первое и глубочайшее горе. Короче говоря, я стремился к тому, чтобы бабушка, дедушка (а сейчас у многих детей есть прадеды и прабабки, которых дети называют также — дидусь и бабуся) стали для ребенка такими же дорогими, родными, как мать и отец. Дети мои были бы невоспитуемыми, то есть не способными поддаваться влиянию наставника, если бы они не любили своих дедушек и бабушек горячо и преданно, если бы болезни, недомогания дедушек и бабушек не пробуждали в их душах горя, страданий, отчаяния. Почти у всех моих выхованцев, к счастью, были дедушки и бабушки, и по отношению к ним я судил о прочности нравственного фундамента личного счастья.

ДУХОВНОЕ ОБЩЕНИЕ

Чем объясняется вера питомца в своего воспитателя? В чем корень привязанности человека к человеку? Как пробудить это тонкое, нежное и в то же время могучее чувство — чувство притяжения к человеку? <...> Мне становилось ясно, что с духовного общения, в котором человек отдает свои богатства, свою внутреннюю красоту другому человеку, как раз и начинается творение человека человеком. В том, что частица его души отдается кому-то, принадлежит кому-то, человек видит огромное счастье. Дать это счастье каждому, не оставить никого одиноким среди людей — вот важная задача воспитания. Детство познает мир, удивляясь и изумляясь, отрочество — возмущаясь и сомневаясь, юность — утверждаясь и одухотворяясь.

NB ***Очень хотелось бы дать счастье каждому ребенку. Дать счастье ребенку — это великое счастье учителя. Много путей к достижению этой цели. Но у каждого учителя он свой, особый, индивидуальный.***

Входя разумом и сердцем в судьбы многих своих питомцев, их отцов и матерей, дедушек и бабушек, я с каждым

годом все больше убеждался, что нравственная способность человека относиться к себе как к величайшей ценности, чувство собственной чести и достоинства, стремление к идеалу — все это зависит от того, какую человеческую красоту открыл в другом человеке маленький гражданин в детстве, чему он удивлялся и изумлялся. От этого в огромной мере зависит и то, к а к человек нравственно подготовлен к возмущениям и сомнениям отрочества, к утверждению и одухотворению юности.

Человек имеет право на желание, это одна из его неискоренимых потребностей и радостей жизни. Разумные желания, нравственно оправданные желания сами по себе являются духовной ценностью человека. Я всегда стремился, чтобы с детского возраста в душе человеческой утверждалось первое среди благородных желаний — желание чувствовать свое достоинство, желание быть лучше, совершеннее. Вот это желание и рождается там, где маленький человек, познавая человеческую красоту, открывая подлинно человеческое, с радостью отдает свои душевные силы другому человеку. Чем больше он отдал духовных сил, тем дороже становится для него тот, в кого вложены эти силы. <...>

ВОЗВЫШЕНИЕ ЧЕЛОВЕКА

«Человеческая душа — это чаша для горя, — писал Александр Довженко. — Когда чаша полна, сколько ни лей, уже больше не вместится». А у ребенка чаша невелика. Как мало надо, чтобы причинить горе ребенку, сделать его несчастным. До сих пор я рассказывал о благородном человеческом страдании, возвышающем человека. Не оберегать, а вводить ребенка в благородный мир страдания, имеющего своим истоком утрату человека, — вот первая страница книги, имя которой — человеческая мудрость воспитания. Но в жизни есть и горе иного рода: человек унижает достоинство другого человека и свое собственное, человек относится к другому человеку жестоко, бессердечно.

Передо мной до конца дней моих будут стоять страдающие, умоляющие глаза Миши. Отец был беспробудный пьяница, горе никогда не оставляло дом. У маленькой синеглазой с белыми косами Олеси — другое горе, и если бы я не пришел к ней на помощь, этот ребенок с чуткой, ранимой душой погиб бы или ожесточился и озлобился, стал на всю жизнь бессердечным: когда чаша горя переполнена, человек, бывает, сам страдая, приносит страдания другим, получая от этого своеобразное удовлетворение. Прибежав ко мне както утром, Олеся рассказывала: «Папа сказал маме: мы разведемся. Что значит — разведемся? Скажите, пожалуйста, что это значит?»

Я видел свою миссию в том, чтобы осушить слезы, если ребенок плачет, или же вызвать облегчающие слезы, если горе настолько велико, что выжгло слезы; моя миссия в том, чтобы уберечь ребенка от страданий. Древний индийский мудрец утверждал: тот, кто осушил слезы на лице ребенка и вызвал улыбку на его устах, достойнее зодчего, построившего самый величественный храм. Да, наша миссия — сооружать здание человеческого счастья. Это и есть

воспитание, это и есть творение души. Не создавать вокруг ребенка обстановку стерильности, не закрывать глаза на зло, а утверждать в его душе силы, способные противостоять злу. Не убаюкивать его, а открывать глаза на мир, формировать душу борца, умеющего активно ненавидеть зло; воспитывать юное сердце так, чтобы человек с малых лет был невосприимчив ко злу. Чтобы, дорожа собственной честью и достоинством, он был непримирим и нетерпим к людям, унижающим себя и других, людям злым, бессердечным, равнодушным. Горе преодолевается не только лаской, но и гневом, умением ненавидеть зло и бороться против него. Счастье не может быть спокойным и благодушным, евангельски-непротивленческим. Чем больше горе, страдание, с которыми идет ко мне человек, тем большую я чувствую ответственность — ответственность своего разума и сердца за то, чтобы пришедший ко мне человек не согнулся, не сломался, а выпрямился, чтобы он всегда чувствовал свое величие, чтобы, по словам М. Пришвина, маленькому вдохнуть душу большого, — в этом, по-моему, вся мудрость и этика коммунистического воспитания. Я ни на минуту не забывал, что согнувшийся от горя человек — тем более человек маленький — может пойти к Богу, понести ему свои раны...

И индивидуальные беседы с детьми, открывавшими мне свое сердце, и беседы со всем коллективом никогда не были утешительством — я очень боялся того успокоения сладенькими словами, за которыми пробудившаяся душа вопиет: но что же все-таки делать? Как жить? Я стремлюсь прежде всего к тому, чтобы мои питомцы были духовно мужественными людьми. Возвышение Человека — вот цель и путь. Всякий раз, когда я иду к самому тонкому и самому нежному, самому слабому и самому могучему, что есть в мире, — к человеческому сердцу с открытой раной, я вдумываюсь в мудрые слова борца за человеческое счастье Александра Довженко: «История народов учит нас: то государство величественно, в котором величествен малый человек». Какие бы грани человеческой воли и разума, сердца и мудрости ни открывались в вашей личности перед ребенком: одобрение, похвала, восхищение, гнев, негодование, порицание (да, на эти чувства воспитатель тоже имеет право, он — не бесплотный ангел), — любая из этих граней должна открываться на фоне главного — уважения человеческого достоинства, возвышения Человека.

Важнейший же инструмент — слово. В нем — и одухотворение примером, в нем и красота. Это могучий, всесильный и тонкий инструмент, который в умелых руках способен сделать все. «Языком можно и осквернить, можно и освятить», — писал Л. Толстой. Слово может возвысить, может и унизить, поднять и согнуть. Большой психолог французский писатель Жорж Сименон пишет: «Самое страшное преступление против человека — это убедить человека в его ничтожестве по сравнению с другими людьми. Отняв у человека чувство собственного достоинства, самоуважения, можно довести его до отчаяния, до крайности, толкнуть на самоубийство и даже на преступление». Нисколько не преувеличивая, можно сказать, что неумелое, примитивное слово воспитателя во многих слу-

чаях рождает новые детские страдания. На этом я еще остановлюсь ниже. В практической работе нашей школы красной нитью проходит идея: слово учителя, прежде всего слово, обращенное к уму, сердцу, душе воспитанника, и обстоятельства, создаваемые в коллективе, в общем труде, во взаимоотношениях детей со взрослыми, — все это убеждает человека в том, что он — творец, властелин труда, и от него самого, от его воли, настойчивости, трудолюбия, зависит возможность выразить себя, раскрыть свои задатки, силы, способности, талант.

БЕСЕДЫ ПО ЧЕЛОВЕКОВЕДЕНИЮ

За тридцать пять лет работы в школе у меня сложилась система бесед по человековедению — так я называю рассказы о Человеке. Цель этих бесед и состоит прежде всего в том, чтобы возвышать человека, чтобы он познавал самого себя, утверждался в самоуважении и в то же время переживал чувство ответственности за все, что он делает сейчас и что предстоит ему делать и сделать в будущем. Рассказ о человеке воспитывает лишь в том случае, если пробуждает раздумья — ребенок, подросток думает о своей судьбе, постепенно приходя к большим мировоззренческим вопросам: для чего я живу на свете? Что я оставлю после себя? В чем смысл жизни?

Беседы по человековедению должны, образно говоря, открывать в каждом сердце родник человеческой гордости. На заре своего педагогического труда и позже я переживал иногда мучительные неудачи: рассказываю подросткам о жизни, борьбе, героической смерти выдающегося человека — полководца, революционера, ученого, — вижу интерес к тому, о чем я рассказываю, но не вижу взгляда внутрь самого себя, не вижу раздумий о себе. В чем дело? По-видимому, мои рассказы иногда пробуждали у питомцев мысль: не всем быть полководцами и выдающимися революционерами; мы — простые, обычные люди, как же нам жить? Прочитав эту мысль в глазах подростков, я стал задумываться над тем, как возвышать простого человека, как раскрыть перед Толей, Мишей, Олесей и Сережей их собственный путь к величию. Я пришел к выводу, что надо, образно говоря, открывать источники героического, идеального, необычного в каждом человеческом сердце. Я рассказывал детям и подросткам о подвиге простых людей — Александра Матросова, Юрия Смирнова, Михаила Паникахо, отдавших свою жизнь во имя свободы, чести, независимости Родины. Стремился к тому, чтобы каждый мой питомец в своем внутреннем духовном мире нашел тот родничок, который, вливаясь в великую реку патриотической гордости, открывает истину, возвышающую личность: настоящим человеком я стану тогда, когда в моей жизни будет святыня, а эта святыня — Отечество. Чем ярче я выражаю себя в служении Отечеству, тем ближе я к вершине подлинного бессмертия — героизму, доблести, самоотверженности.

NB ***Очень жаль, что мы сегодня мало рассказываем о подвигах простых людей во имя Отечества, источниках героизма, идейных убеждениях.***

Возвышает человека только великая идея, но и она остается звонкой фразой, если не открывается перед разумом и сердцем в ярких человеческих страстях и не пробуждает столь же яркие, глубокие страсти в тех, кого мы воспитываем. Возвышение человека я представляю себе как глубоко нравственную работу разума и сердца, смысл этой работы состоит в том, что человек готовится духовно, морально к самовыражению, к тому, чтобы раскрыть себя. Эта работа начинается с познания величия, красоты, благородства идеи, того, во имя чего человек отдает свою жизнь.

Огромное впечатление производит на детей и подростков рассказ о Марии — женщине, сыновья которой погибли на фронтах Великой Отечественной войны. Когда наши войска освободили родное село от фашистов и она получила одну за другой три похоронные, самому младшему сыну было неполных шестнадцать лет. Чудом спасла его мать от угона на фашистскую каторгу. За ту неделю, когда пришли похоронные, мать поседела. Но когда сын пришел к ней и сказал: «Хочу идти на фронт. За братьев мстить и Родину спасать», — она не препятствовала, сшила красный мешочек, всыпала в него горсть земли с могилы отца, дала сыну и сказала: «Ты — последний мой корень... Без тебя я засохну. Но для чего зеленеть дереву, если на его ветвях мостит гнездо стервятник?» Сын ушел на войну, а через полгода и на него пришла похоронная. Через месяц умерла и Мария.

Из этой беседы по человековедению все воспитанники черпают непреходящие человеческие ценности. Юный разум и юное сердце познают великий смысл той ни с чем не сравнимой красоты, того ни с чем не сопоставимого величия — идеи, во имя которой мать посылает на смертный бой последнего сына. Именно благодаря верности этой идее человеческая жизнь и предстает перед юным сердцем как величайшая ценность, а верность идее приобретает огромную воспитательную силу. Донося эту идею до юных сердец, чтобы там началась большая внутренняя работа по духовному самовыражению, поднимая человека на ту точку, с которой для него открывается собственное, личное видение мира, я становлюсь для своих питомцев их воспитателем, их выхователем, храню и оберегаю их от горя, страданий, оберегаю тем, что закаляю их сердца, помогаю постигнуть величие жизни, учу их дорожить жизнью как богатством, ценность которого раскрывается только тогда, когда оно измеряется служением Родине.

ГРАЖДАНСКОЕ НАЧАЛО — ОСНОВНОЕ ЗВЕНО НРАВСТВЕННОГО ВОСПИТАНИЯ

В практической работе по нравственному воспитанию наш педагогический коллектив видит прежде всего формирование идейной сердцевины личности — гражданских взглядов, убеждений, чувств, поведения, поступков, единства слова и дела. Программа высокой коммунистической идейности отражена в моральных принципах строителя коммунизма; они представляют собой высшее достижение моральной культуры человечества. Но коммунистически-

ми идеями надо одухотворить личность — в этом, на наш взгляд, заключается азбука и в то же время высшее мастерство педагогической культуры.

«Для ребят идея неотделима от личности, — писала И. К. Крупская. — То, что говорит любимый учитель, воспринимается совсем по-другому, чем то, что говорит презираемый ими, чуждый им человек»*.

Вот почему мы считаем исключительно важным правилом воспитания то, чтобы наши отношения с воспитанниками имели ярко выраженную нравственную, гражданскую основу.

Нравственное воспитание начинается с первых шагов сознательной жизни ребенка, задолго до того, как он сможет осмыслить ту истину, что коммунистический идеал — это вершина моральной культуры человечества. Именно в младшем возрасте, когда душа очень податлива к эмоциональным воздействиям, мы раскрываем перед детьми общечеловеческие нормы нравственности, учим их азбуке морали. Общечеловеческую азбуку нравственности мы стремимся одухотворить гражданской активностью и самодеятельностью. Не просто знать, что такое хорошо и что такое плохо, а действовать хорошо во имя величия и могущества Родины, во имя дела Коммунистической партии.

...Усвоение молодым человеком общечеловеческих норм нравственности мы считаем очень важным этапом формирования моральной культуры личности. Приучая детей соблюдать азбучные истины морали, мы добиваемся того, чтобы каждый ребенок мог счастливо жить и трудиться, воспитываем в нем первые гражданские побуждения, первую заботу об интересах коллектива, общества. В связи с этим важно единство разъяснения, внушения, убеждения, побуждения к деятельности. Общечеловеческие нормы нравственности становятся личной совестью человека лишь при том условии, если эта активная деятельность носят ярко выраженный характер общественных поступков. Учить жить в обществе, среди людей — это значит учить совершать общественные поступки, то есть учить выражать своим поведением отношение к людям.

NB ***Василий Александрович смело провозгласил задачу нравственного воспитания своих питомцев на непреходящих общечеловеческих ценностях. Нравственное начало, по Сухомлинскому, должно пронизывать и цементировать все аспекты воспитательного процесса, все формы деятельности школьника. Усвоение моральной культуры, по его мнению, невозможно без освоения общечеловеческих норм нравственности — «азбуки морали» и в первую очередь таких, как любовь и сердечность, доброта и отзывчивость, щедрость души и бескорыстие и др. В Павлыше эти нормы усваивались через заботу о близких и окружающих, через формирование способности к сочувствию и сопереживанию.***

---

* *Крупская Н. К.* Пед. соч.: В 10 т. — М.: Изд-во АПН РСФСР. — Т. 3. С. 265—266.

Какие же общечеловеческие нормы нравственности мы раскрываем перед детьми как азбуку моральной культуры, как начальную школу гражданственности?

1. Ты живешь среди людей. Не забывай, что каждый свой поступок, каждое твое желание отражаются на окружающих тебя людях. Знай, что существует граница между тем, что тебе хочется, и тем, что можно. Проверяй свои поступки вопросом к самому себе: не делаешь ли ты зла, неудобства людям? Делай все так, чтобы людям, окружающим тебя, было хорошо.

Разъясняя это нравственное поучение, мы показываем на примерах, как вести себя среди людей: тебе чего-нибудь хочется, подумай, не причинишь ли ты людям неприятности, сделав так, как хочется. Вот, например, на аллее цветут розы, и тебе захотелось сорвать цветок. Подумай, что будет, если каждый ученик удовлетворит такое же желание. Цветущий куст превратится в оголенные прутья.

Детское сердце весьма чувствительно к внушению этих мыслей, детская душа глубоко переживает радость свершения добра для людей. Если подобное моральное поучение подкрепляется хорошими наставлениями, побуждениями к добрым делам для людей, в сердце с малых лет утверждаются внутренние духовные силы, ограничивающие желания и капризы. А это очень важно для формирования гражданской порядочности. Кто в детстве видит лишь себя и не видит людей, руководствуется исключительно своими желаниями и не хочет признавать интересов коллектива, тот вырастает себялюбцем, эгоистом. Уметь управлять своими желаниями — элементарное правило, первая строчка первой страницы букваря морального поведения. Крикливая, высокопарная фраза о морали непонятна ребенку. Поменьше этих фраз, побольше заботливой шлифовки человеческих поступков, оттачивания формирующихся привычек.

2. Ты пользуешься благами, созданными другими людьми. Люди дают тебе счастье детства. Плати им за это добром.

Прежде чем ребенок осмыслит, что он гражданин своего общества и что это возлагает на него большие обязанности, он должен научиться платить *добром за добро*. Его совесть не должна позволять ему быть только потребителем благ и радостей. И мы говорим нашим детям: «В тихий предрассветный час, когда вы еще спите, доярки давно уже работают на ферме — они готовят вам свежее, питательное молоко. Повар разжигает печку на школьной кухне, чтобы у вас был вкусный завтрак. Шахтер спускается в шахту, в забой и добывает там уголь, чтобы в классе, где вы занимаетесь, было тепло. В стужу и мороз тракторист едет на поле за кормом для коров, молоко которых вы пьете. Ваши отцы, матери ушли на работу, чтобы у вас были и одежда, и обувь, чтобы вы могли радоваться солнцу и синему небу. Вам щедро дают всякие блага, но и от вас ждут добра».

Мы учим детей, как делать добро людям. Мы говорим: «Вот место отдыха животноводов на ферме. Посадим здесь, дети, кусты роз и сирени, пусть это будет уголок красоты и радости для наших

матерей и сестер». И когда малыши начинают сажать деревья, а в дальнейшем организуют уход за ними, этот их труд приносит им много радости, потому что он одухотворен благородными чувствами.

От одного доброго дела дети переходят к другому, потом к третьему; мы ведем их как бы по ступенькам лестницы нравственной культуры. И дети переживают искреннюю радость от возможности творить для людей добро. Повторяю, это чувство может утвердиться в сердце человека лишь тогда, когда он много раз пережил его в детстве.

3. Все блага и радости жизни создаются трудом. Без труда нельзя честно жить. Народ учит: кто не работает, тот не ест. Навсегда запомни эту заповедь. Лодырь, тунеядец — это трутень, пожирающий мед трудолюбивых пчел. Учение — твой первый труд. Идя в школу, ты идешь на работу.

Чтобы утвердить у детей привычку к труду, воспитать у них подлинное трудолюбие — как первый гражданский долг, мы создали в школе атмосферу труда и строгой непримиримости к лени, нерадивости, безделью, разгильдяйству. Маленький бездельник — это живучий корень тунеядства и паразитизма. Нельзя допускать, чтобы в обществе были маленькие бездельники. Понять ту истину, что жизнь без труда невозможна, ребенок может лишь тогда, когда он живет в коллективе радостями труда, а эти радости ни с чем не сравнимы. Напрягая свои силы, человек делает не то, что ему хочется, а то, что надо, и в конце концов, переживая радость за сделанное для людей, хочет делать то, что надо для общего блага. Уже в семь-восемь лет дети у нас закладывают маленькие сады и виноградники, превращают пустыри в цветущие уголки. Мы добиваемся, чтобы в 12—13 лет подростки уже видели сад, созданный их руками, — вот где источник радости труда. Так уже с детства они чувствуют себя тружениками. Каждый из них в годы отрочества и ранней юности видит в результатах своего труда, как в зеркале, самого себя — свое мастерство, силу воли, мысль, упорство, — и в сердце у него утверждается чувство: жить без труда невозможно. Передача другому, утверждение в сознании трудолюбия — процесс глубоко индивидуальный. Поэтому мы добиваемся, чтобы каждый ученик уже в годы детства воплощал в труд силы своей души, гордился тем, что он лично сделал: вырастил дерево, построил действующую модель машины для кабинета. Если этого не было достигнуто в детстве, начинать такое воспитание в годы отрочества и ранней юности в тысячу раз труднее. Азбука нравственности усваивается в детстве.

NB ***Проблема единства нравственного и трудового воспитания, над решением которой работал В.А. Сухомлинский, поражает своей актуальностью, восхищает глубиной мыслей и оригинальностью практических подходов к ее решению.***

Воспитать человека, влюбленного в свое дело, готового посвятить ему все свои творческие силы, своевременно найти, раскрыть и развить задатки способностей, распознать в каждом ребенке его призвание — вот главное в решении этой про-

блемы. Это возможно осуществить только при величайшем подвижничестве учителей, их влюбленности в свой труд. Успех обеспечивает беспредельная любовь учителя к детям, величайшая культура общения и сотрудничества с детьми, детское самоуправление, деятельность разновозрастных творческих и трудовых объединений детей. Нельзя решать эту проблему и без поддержки трудовых коллективов, родителей, специалистов сельского хозяйства, которые бескорыстно, так же как и учителя, должны отдавать свои знания и опыт детям.

4. Будь добрым и чутким к людям. Помогай слабым и беззащитным. Помогай товарищу в беде. Не причиняй людям зла. Уважай и почитай мать и отца — они дали тебе жизнь, они воспитывают тебя, они хотят, чтобы ты стал честным гражданином, человеком с добрым сердцем и чистой душой.

Утвердить в каждом человеке доброту, сердечность, отзывчивость, готовность прийти другому на помощь, чуткость ко всему живому и красивому — элементарная, азбучная истина школьного воспитания, с этой истины начинается школа. Бессердечность рождает равнодушие, равнодушие рождает себялюбие, себялюбие же — источник жестокости. Чтобы предотвратить бессердечность, мы воспитываем детей в духе сердечной заботы, тревоги, беспокойства о живом и красивом — о растениях, о цветах, о птицах, о животных. Ребенок, который принимает близко к сердцу, что в зимнюю стужу синичка беззащитна, и спасает ее от гибели, оберегает деревцо, этот ребенок никогда не станет жестоким, бессердечным и по отношению к людям. И наоборот, если маленький человек ломает, безжалостно уничтожает живое, прекрасное, он может стать маленьким тираном, издевающимся над близкими. Сколько таких тиранов встречается в жизни... Вот семилетний малыш собирается в школу; он никак не зашнурует ботинок, сердито рвет шнурки, бросает обувь. Ему хочется, чтобы мать встревожилась, обеспокоилась, даже заплакала... И когда он доводит мать до слез, то чувствует облегчение. Это и есть то «безобидное» тиранство, против которого надо тактично, чутко, но беспощадно бороться. Ребенок должен чувствовать, что у каждого человека есть сердце, которое надо беречь, что причинять ему боль — большое зло. Пусть детское сердце волнуется за судьбу живого и красивого; ему тогда будет чуждо порочное чувство сладостного удовольствия от мысли, что чье-то сердце страдает из-за него.

Мы добиваемся того, чтобы каждый ребенок заботился о цветах и растениях, о птицах и животных, о рыбках в аквариуме. Этот труд оттачивает сердечную чуткость, пробуждает желание делать добро. Мы побуждаем детей к проявлению заботы о людях, прежде всего о матери и бабушке, об отце и дедушке. В первый же день занятий мы рассказываем малышам — первоклассникам о том, как трудно бывает их родителям, какой нелегкий жизненный путь прошли их дедушки и бабушки. В этот же день ребенок сажает на домашнем приусадебном участке яблоню матери, яблоню бабушки, яблоню отца, яблоню дедушки. Он ухаживает за деревцами (конечно, об

этом ему приходится часто напоминать, буквально вести за руку). Приходит день, когда на этих деревьях созревают плоды, ребенок несет их своим родным (этому тоже надо научить, тысячу раз напомнить). Если вам удалось добиться того, что эти мгновения стали для ребенка самыми радостными в его жизни, значит, вы вложили в его сердце нравственные ценности. Мы не верим в то, что нравственные пороки — это результат исключительно пережитков капитализма в сознании. Нравственные пороки появляются и там, где нет настоящего воспитания, где маленький человек растет как маленький божок, которому все дозволено, или, наоборот, как бурьян — его никто не учит ни хорошему, ни плохому. Чтобы не было плохого, надо учить только хорошему.

5. Не будь равнодушен к злу. Борись против зла, обмана, несправедливости. Будь непримирим к тому, кто стремится жить за счет других людей, причиняет зло другим людям, обкрадывает общество.

Мы видим важную задачу в воспитании гражданской непримиримости, активности в борьбе со злом, неправдой. Нельзя допускать, чтобы дети молчаливо взирали на расточительство, лень, нерадивость, бесчеловечность. Но поскольку носителями зла часто являются взрослые, воспитательная работа в этом направлении требует большого такта, вдумчивости.

В школе есть пионерский пост по охране зеленых насаждений. Это один из очагов гражданского воспитания. Если дети увидели, что взрослый уничтожает или хотя бы портит деревья, то борьба против этого зла не должна ограничиваться только разговорами. Детскому сердцу больно, если зло остается безнаказанным. Поэтому мы добиваемся, чтобы человека, причинившего зло, общественность заставила потрудиться — возместить причиненные им потери. Видя, что добро торжествует, дети с бóльшим энтузиазмом включаются в труд для общества. Если ребенок возмущается злом, которое он увидел в жизни, высказывает свое негодование, — это хорошо. Но он должен также уметь делать добро, уметь утверждать в жизни добро своими поступками. В противном случае он может стать пустопорожним болтуном, краснобаем, демагогом, «разоблачителем», ничего не делающим для торжества добра и правды.

Такова азбука нравственной культуры, овладевая которой дети постигают сущность добра и зла, чести и бесчестия, справедливости и несправедливости. Одновременно с этими азбучными истинами мы постепенно раскрываем перед учащимися сущность и таких моральных ценностей, как любовь к Родине, героизм, стойкость, мужество в борьбе за свободу, честь, независимость, величие и могущество Родины. Мастерство и искусство воспитания заключаются в том, чтобы эти нравственные ценности раскрыть перед юными сердцами в ярких образах, захватывающих мысль и волнующих душу, пробуждающих стремление к нравственному идеалу. Verba docent, exempla trahunt, — говорит мудрая латинская пословица («Слова учат, примеры увлекают»). Мы добиваемся, чтобы мир нравственных богатств увлекал детей. Для воспитательных бесед мы используем наиболее яркие проявления духовной красоты, величия, мужества, верности народу и его идеалам.

NB ***Выстраивая систему нравственного воспитания, педагог не ограничивался эпизодическими и разрозненными предложениями, замечаниями, а выдвинул в этой области целостную программу, имеющую принципиальное значение для формирования нравственного облика настоящего человека. Программа эта, в частности, предполагает усвоение учащимися таких общечеловеческих нравственных категорий, как счастье, свобода, честь, достоинство, долг, справедливость и др. Кроме того, в ней значительное место отводится знакомству с более частными понятиями, этическими нормами, правилами поведения и т. п.***

Задача школы — на основе нравственных ценностей, созданных, добытых, завоеванных старшими поколениями, создавать реальные нравственные, высокоидейные, гражданские отношения в коллективе. Нравственные ценности должны стать личным духовным богатством каждого воспитанника. Это достигается при том условии, когда нравственная идея, раскрытая перед умом и сердцем воспитанника в ярком образе, пробуждает у него глубокие морально-эстетические чувства. Вот почему для бесед, имеющих своей целью донести нравственные ценности нашего общества и всего человечества до сознания и сердца учеников, мы выбираем такие факты, ситуации, взаимоотношения между людьми, которые удивляют, изумляют детей величием, красотой того, что совершил человек во имя общего блага.

У нас создана своеобразная хрестоматия моральных ценностей — описание подвигов, совершенных людьми, верными своей Родине, идеалам трудового народа, своим убеждениям. Являясь итогом многолетнего труда, эта хрестоматия включает моральные ценности, созданные человечеством с древнейших времен до наших дней, но главное место в ней, конечно, занимают страницы, отражающие героическую борьбу нашего народа за освобождение от эксплуататоров, за свободу и независимость нашей Родины в годы революции, гражданской и Великой Отечественной войн. Яркие страницы хрестоматии моральных ценностей посвящены людям труда, чей героический подвиг особенно важно раскрыть перед сознанием молодого поколения, для того чтобы убедить, что величие человека раскрывается не только в исключительных обстоятельствах. На примерах жизни и борьбы лучших сынов и дочерей нашей Родины мы учим наших питомцев быть настоящими гражданами.

Мы добиваемся, чтобы наши воспитанники стремились делать свою жизнь похожей на жизнь тех людей, которые в труде для народа видят честь, достоинство, личную гордость. Перед каждым поколением подростков, юношей и девушек мы раскрываем страницы хрестоматии нравственных ценностей, посвященные выдающемуся строителю-электросварщику дважды Герою Социалистического Труда Алексею Улесову. Этот человек построил за свою жизнь несколько городов. Мы стремимся донести до каждого юного сердца слова Алексея Улесова из его письма нашим школьникам: «Стоит только раз в жизни ощутить счастье того, что ты творец на земле. Стоит раз увидеть, как вырастают и заселяются твои дома, как твоя электростанция, твой первый агрегат дадут ток. Или —

как уже идет по земле твой канал, в твой детский сад пошла ребятня. Для меня это такое чувство, что никакая премия или слава его не перекроют».

Одна из страниц хрестоматии посвящена знатному животноводу нашей страны Станиславу Ивановичу Штейману. Наших воспитанников восхищает, изумляет жизненный путь этого человека: батрак-пастух в селе Караваево в первые годы Советской власти, никогда не учившийся за партой, детство его было очень трудным, он стал доктором наук, вывел новую породу коров. Слова, написанные этим ученым, вышедшим из народа, его обращение к молодежи мы стремимся вложить в каждое юное сердце как огромную нравственную ценность:

«Бóльшую часть своей жизни я провел на скотных дворах и в телятниках. Но когда вспоминаю свою прожитую жизнь и работу, мне кажется, что, подобно путешественнику, я не раз пробирался неведомыми тропами, не раз чувствовал себя альпинистом, который взбирается на могучие вершины».

Несколько десятков страниц нашей хрестоматии нравственных ценностей посвящены людям, которые, подобно Алексею Мересьеву, преодолев свои недуги, проявляют подлинное духовное мужество, достигают выдающихся успехов в труде, в интеллектуальном и эстетическом творчестве. Жизнь и трудовые подвиги этих людей исключительно сильное, незаменимое в своем роде средство формирования убеждения, что нравственность, сила духа — это стержень гражданственности. Это также средство своеобразной духовной встряски слабых, нерешительных, безвольных и просто ленивых, средство пробуждения голоса совести и стимул первых шагов самовоспитания.

Мы добиваемся, чтобы подростки, юноши, девушки задумались над судьбой этих людей, сравнили с ними свою силу воли и настойчивость в преодолении трудностей. Вот страница об Иване Молдавском. Он потерял на фронте обе руки и левую ногу, но не пал духом: окончил среднюю школу, потом институт, стал агрономом — работает в Одесской области*.

Григорий Змиенко лишился обеих ног. Он нашел в себе мужество снова вернуться в строй тружеников: работает трактористом в селе Петропавловка Харьковской области**.

Тракторист Каргинской МТС Ростовской области Дмитрий Кружилин, спасая ребенка, лишился обеих рук. Он нашел в себе силу духа возвратиться к труду: снова работает на тракторе, своими руками, как он пишет в письме нашим ученикам, ремонтирует машину***.

Инженер завода «Азовсталь» Василий Воропаев, спасая от увечья молодого рабочего, лишился зрения. Слепой инженер остался в строю. Он написал диссертацию и защитил ее****.

---

* См.: Зміна, 1961, № 8.

** См.: Известия, 1961, 25 июня.

*** С Д. Кружилиным школа поддерживает систематическую связь.

**** См.: Правда, 1960, 19 окт.

«Я не мыслю жизни без борьбы за счастье людей, за коммунизм», — эти слова из письма инженера Воропаева мы написали под его портретом, а портрет повесили рядом с партой семиклассника Виктора С. — «безнадежного лодыря», как говорили о нем некоторые учителя. В жизни Виктора С. произошел перелом, на который мы обычно и рассчитываем, когда раскрываем перед слабыми, безвольными, нередко избалованными бездельем в семье учениками нравственную ценность — духовную стойкость, мужество. Подросток буквально взял себя в руки: составил жесткий режим труда, заставил себя не вставать из-за стола, пока не выполнена запланированная на день работа.

Рассказывая коллективу о силе духа этих людей, мы пробуждаем коллективное восхищение, воодушевление подвигом, и лодырь чувствует себя посрамленным, он сгорает от стыда, хотя о нем прямо в рассказе воспитателя и не говорится, но по существу весь рассказ — это непосредственное обращение к нему. Как можно меньше прямых обвинений в лени, нерадивости, вообще в безнравственности, такие упреки приносят очень мало пользы по сравнению с тем влиянием, которое оказывает на человека положительный пример.

Людям, которые являются образцом гражданского служения Родине, мы посвящаем комсомольско-молодежные вечера. Они так и называются: «Учись быть настоящим гражданином».

NB ***В каждом наследии самым ценным является то, что востребуется через годы. В творчестве В.А. Сухомлинского это его идеи о воспитании в человеке высших общечеловеческих нравственных ценностей. Павлышский ученый открыл в педагогике целый мир нравственных объектов (дотоле крайне мало исследованных), без которых сегодня невозможно уже представить себе теорию воспитания. Разумеется, яркая и мощная гуманистическая проповедь, звучащая со страниц практически всех трудов педагога, на первый взгляд не согласуется с такими понятиями, как, например, ненависть к классовому врагу и т. п. Конечно же, это обстоятельство в определенной мере лишает концептуальные позиции новатора желательной целостности и логической непротиворечивости. И вместе с тем, несмотря на известные слабости, его педагогическое творчество в области нравственного воспитания представляет собой глубокий прорыв. Хотя бы уже тем, что в нем эта сфера предстает во всей своей полноте, без каких-либо ограничений и табу. При этом доминирует гуманистическая струя, трактуемая не в плане «воинствующего социалистического гуманизма» (хотя сентенции такого рода также имеют место), а в духе подлинного человеколюбия.***

Нравственные, гражданские, идейные ценности — непреходящее и ничем не заменимое средство воспитания. Вместе с тем воспитание на гражданских, духовных ценностях является очень действенным средством самовоспитания юношества. Постигая гражданское мужество, долг перед Родиной, юный гражданин учится измерять себя высшей меркой морального достоинства. Он как бы видит себя глазами общества, вдумчиво и требовательно анализирует свои поступки, свое поведение. Однако эффективность этого средства все-

цело зависит от того, как мысли и чувства юношества связываются с активной деятельностью, на каком гражданском поприще человек раскрывается как патриот, как борец за идеи коммунизма.

NB ***Работы В.А. Сухомлинского убеждают, что даже там, где он остается в рамках традиционных понятий, не внося, казалось бы, ничего нового в существующие нравственные формулы, он во многих случаях наполняет их новым содержанием, предлагает качественно иную интерпретацию, носящую подлинно гуманистический характер. В качестве примера такого рода модификаций нравственных категорий можно сослаться на предложенную педагогом трактовку известной формулы о примате коллективных интересов по отношению к интересам личным, индивидуальным. Эта формула считалась, как известно, непреложной истиной. Однако павлышский новатор внес в нее существенный корректив: не подчинение личных интересов коллективным, а их слияние, органическое единство. Такая постановка вопроса требует от воспитателя совершенно иной тактики — отказа от грубого давления на ученика под тем предлогом, что данное требование вытекает из интересов коллектива, общества и перехода на своих коллег и т. п. Главная идея, которую развивает педагог, — это идея величия Человека.***

СЛОВО УЧИТЕЛЯ О НРАВСТВЕННОМ ВОСПИТАНИИ

Слово учителя — ничем не заменимый инструмент воздействия на душу воспитанника. Искусство воспитания включает прежде всего искусство говорить, обращаться к человеческому сердцу. Я твердо убежден, что множество школьных конфликтов, нередко оканчивающихся большой бедой, происходит от неумения учителя говорить с учениками.

Стала тривиальной истина, что влияние личности учителя на воспитанника ни с чем не сравнимо и ничем не заменимо, но повторяющие эту истину редко отдают себе отчет в том, что личность учителя раскрывается перед учеником в единстве слова и поведения. Педагог в слове выражает себя — свою культуру, свою нравственность, свое отношение к воспитаннику.

Главное, что определяет эффективность слова учителя, — честность. Ученики очень тонко чувствуют правдивое слово, чутко откликаются на него. Еще тоньше чувствуют дети неправдивость, лицемерие.

Существенное значение имеет и эмоциональная культура воспитателя — составная культуры педагога как личности. Подлинный мастер-воспитатель дает нравственную оценку поступкам, поведению учеников не специально подобранным острым, «крутым» словцом, а прежде всего эмоциональным оттенком обычных слов. Возьмем фразу: «Как нехорошо ты сделал...» Эти слова, сказанные одним учителем, пробуждают у воспитанника глубокие угрызения совести, даже смятение, сказанные же другим, они не пробуждают никаких чувств, воспринимаются равнодушно. Первый учитель, скажем мы, отличается эмоциональной культурой. Этому невоз-

можно научиться специально, она теснейшим образом связана с культурой нравственной, с человечностью, с чуткостью души. У второго учителя слово обесчеловечено, и его пустоту учитель часто стремится возместить криком. Сколько в школах «воспитателей», владеющих лишь одной нотой эмоциональной гаммы — возмущением! Они достойны глубокого сожаления. Их воспитательное воздействие на учащихся равно нулю.

Условие действенности слова воспитателя — широкое содержание, разнообразие целей обращения педагога к воспитаннику. Педагогическое бескультурие зачастую выражается в том, что воспитатель знает лишь две-три цели словесного обращения к питомцам — запрет, разрешение, порицание. У мастера-воспитателя обращение к воспитаннику имеет множество целей, и одна из самых частых — **разъяснение** нравственной истины, понятия, нормы. При этом добиться желаемого эффекта можно, лишь зная, чувствуя отношение своих воспитанников к хорошему и плохому в самих себе, их способность критически относиться к собственным недостаткам. Опытный воспитатель, разъясняя нравственное понятие, всегда обращается непосредственно к внутреннему миру воспитанника, стремится добиться того, чтобы его питомец анализировал какой-то свой поступок, какую-то черту своего поведения, увидел себя глазами других людей.

Внушение требует от воспитателя огромной затраты духовных сил. Условие внушения — органическое единство глубокой веры учителя в то, что он говорит, правдивости его идеи и яркости, силы, выразительности слова. Опытный воспитатель прибегает к внушению не часто, опасаясь авторитарности. Гораздо чаще он воздействует убеждением — логическим доказательством истинности той или иной нормы, того или иного положения. Воспитателю надо знать, как убеждать малышей и как подростков, юношей и девушек. Если маленький школьник охотней всего берет истину из яркой жизненной истории, то для подростка и тем более юноши путь к убеждению лежит через философствование, раздумье, размышление.

Педагог, обладающий высокой педагогической культурой, учит размышлению вслух, он делится с юношами и девушками своими сомнениями, обращается к ним за советом, приглашает к совместным раздумьям. Слово такого учителя непринужденно, задушевно, оно утверждает атмосферу доверия, чистосердечности, общности. В разговоре педагога с учащимися утверждается единство взглядов на добро и зло, на нравственные ценности; такой разговор приближает воспитателя к воспитанникам, всякая же попытка войти в духовный мир воспитанников хитростью, «через задворки», разыграть близость с воспитанниками обычно терпит провал. Моральное право на задушевную откровенность питомцев имеет только тот, кто уважает и любит их, верит в доброе начало в каждой юной душе, непримирим ко всему показному, фальшивому, лицемерному.

Эффективный прием нравственного воспитания учащихся — **введение их в мир борьбы нравственных идей**, сократический, мы бы сказали, прием активизации мышления подростков путем выявления противоположных идей, тенденций. Этот прием пользования

словом очень важен в обучении, но нужен и важен и в области нравственного воспитания.

Приемом **побуждения** воспитателю легко проверить свое педагогическое мастерство, самого себя. Он побуждает питомцев к творческому выполнению той или иной работы, к преодолению трудностей, к длительному сосредоточению волевых и умственных сил на достижение цели, товарищескую взаимопомощь и т. д. В основе побуждения почти всегда лежит непосредственное обращение к чувству собственного достоинства, к здоровому самолюбию школьника. Но это обращение не должно превращаться в захваливание, — надо очень тонко, незаметно пробудить у воспитанника желание утвердить свое достоинство. Ни в коем случае не должны быть предметом похвалы проявления элементарной моральной культуры; большую ошибку допускают отдельные воспитатели, представляя как доблесть готовность прийти на помощь человеку и т. п. Хвалить надо лишь в том случае, если ученик поднялся над требованиями азбуки моральной культуры.

Похвала, поощрение ученика, коллектива — очень большая воспитательная сила: возрастает чувство собственного достоинства поощряемых, у них возникает желание поступить еще лучше. Совершенно недопустимо поощрять коллективы и отдельных учащихся, которые являются «лучшими среди плохих».

Педагог должен быть не только добрый, чуткий, но и строгий, непримиримый к лени, лжи, лицемерию, бесчеловечности. Если приходится иметь дело с личностью развращенной, бравирующей своей безнаказанностью, не желающей выполнять элементарные нормы поведения, надо со всей решительностью браться за инструмент, к которому в воспитании прибегают не так часто, — за **принуждение**.

Жан Жак Руссо писал, что верный способ испортить человека — это дать ему все и не требовать с него ничего: «тогда тиран будет к вашим услугам». Одной из истин педагогической мудрости, уходящей корнями в многовековой опыт трудового народа, является положение: чем больше человеку дается, тем больше с него надо спрашивать. Эту истину необходимо претворить в нормы и правила школьной жизни, претворить в отношениях между младшим и старшим поколениями. Но надо еще раз напомнить о том, насколько это острый и небезопасный инструмент воспитания — принуждение, проявление власти человека над человеком. Выполнение учеником своего долга перед обществом — это прежде всего учение, овладение знаниями. Не так легко понять ребенку, что хорошим учением он возвращает обществу то, что оно дает ему. Вот эту мысль и надо глубоко внушить маленькому человеку с тем, чтобы и до вступления в пору отрочества он уже постигал, чувствовал гражданский смысл своего учения, труда. Без этого он не поймет и смысла принуждения. Кроме того, очень важно различать, где кончается неумение учиться и начинается нежелание. В подавляющем большинстве случаев первой причиной лени, нерадивости является неумение учиться. Того момента, когда неумение перешло в нежелание, учитель уже и не помнит. Перед ним, по его убеждению, за-

NB *Павлышский педагог, памятуя мысль Ф.М. Достоевского о том, что наказания освобождают человека от мук совести, строил свою воспитательную систему без наказаний. Он был сторонником научения ребенка оставаться самому наедине со своей совестью. Человек должен сам быть судьей своего поведения и поступков. И в этом педагог видел власть человека над человеком.*

конченный лодырь, но если разобраться в истоках явления, то окажется, что в корне зла — беда, которую своевременно не мог понять учитель. Вот почему принуждение нельзя рассматривать как метод, независимый от других методов, сторон, аспектов воспитания.

Наказание — не только крайняя форма принуждения, это также одна из форм гражданской оценки поведения человека. Наказание перевоспитывает лишь тогда, когда в чем-то убеждает, заставляет задуматься над собственным поведением, над отношением к людям. Мы рассмотрим только такую форму наказания, как **порицание**.

Воспитательная сила порицания учителя зависит от его моральных качеств, от его тактичности, авторитета. Какой бы резкой ни была оценка поведения ученика, опытный воспитатель никогда не допускает уничтожающей оценки. В умном порицании всегда есть оттенок удивления: «Я никогда не ожидал от тебя такого поступка, я считал и продолжаю считать тебя лучше, чем ты сам заявляешь о себе своим поступком». Эти слова не произносятся, но обязательно «читаются между строк» — в этом как раз и заключается искусство порицания. Если же воспитатель вместо тонкого, умного порицания «практикует» ругань, оскорбляет достоинство школьника, это вызывает ожесточенность, отчаяние, злобу и замкнутость, отношение к воспитателю как к враждебной силе. Искусство порицания состоит в мудром сочетании строгости и доброты: ученик должен почувствовать в порицании педагога не только справедливую строгость, но и человеческую заботу о себе.

Выражение недоверия — один из острейших инструментов воспитания. На применении его быстрее всего и испытывается педагогическая культура воспитателя. Недоверие может оказать нужное педагогическое воздействие лишь при строго индивидуальном его применении. Недопустимо выражение недоверия к нескольким ученикам, а тем более ко всему коллективу.

Есть несколько оттенков недоверия. По отношению к ученику, совершающему неблаговидные поступки по ошибке, по неосмотрительности, в силу беззаботности и легкомыслия и совершавшему их уже не раз, изредка можно применить «предупреждающее» недоверие.

Бывают случаи (в хороших школах — очень редкие), когда отдельные школьники грубо нарушают дисциплину, хорошо понимая при этом сущность своих поступков. Если ко мне в школу приходит из другой школы такой ученик, я излечиваю его осуждающим недоверием, сочетая его с другими очень эффективными методами воспитания — усиленным контролем, надзором, принуждением. Все это применимо, повторяю, по отношению к тем ученикам, у которых в силу сложившихся дома обстоятельств и в силу многочисленных

ошибок, допущенных школой, извращены представления о добре и зле, до крайности развился эгоизм, совершенно притуплена способность переживать душевные движения других людей. Осуждающее недоверие заключается в том, что коллектив не доверяет ученику деятельности, связанной с созданием тех или иных благ для коллектива, выполнения обязанностей, имеющих характер почетного долга. Я применял это средство к одному семикласснику, только что пришедшему в нашу школу, при следующих обстоятельствах.

Весной класс закладывал «Сад Матери». Девяти мальчикам (всем мальчикам класса) предстоял нелегкий, но почетный труд: пойти в лес, накопать саженцев липы для посадки в торжественный день. Я почувствовал, что Андрей К. сейчас скажет: «А я не пойду, не хочу». И я поспешил сказать то, что ошеломило подростка: «Этот труд настолько почетен, что доверить его можно не каждому. Тем, для кого нет ничего святого, мы не можем доверить самого тонкого, самого нежного — жизни дерева, которое высаживается на память о матери. Вы хорошо понимаете, о ком идет речь, и, думаю, одобряете меня». Взоры всех учеников обратились к Андрею. В глазах товарищей он увидел осуждение. Все еще хорошо помнили, как несколько дней назад подросток глубоко оскорбил святое имя — мать. Андрей попытался напустить на себя равнодушие, но это ему не удалось. Мои слова как-то выбили его из колеи. Надо сказать, что после этого случая он стал не таким дерзким.

Недоверие как метод воспитания теряет всякий смысл и превращается по результатам в свою противоположность, если не поддерживается, не одобряется коллективом. Прежде чем прибегнуть к этому методу, воспитатель должен длительное время **готовить морально коллектив**. Эта подготовка заключается прежде всего в воспитании непримиримости, нетерпимости к безделию, тунеядству, недисциплинированности, расхлябанности.

Запрещение — при умелом применении весьма нужный и эффективный прием воспитания. Запрещением, — если за ним стоит необходимый моральный авторитет запрещающего, — предотвращаются многие беды — «прожигание» жизни, необоснованные претензии юнцов на жизненные блага, не заслуженные личным трудом... Ведь желания незрелого человека можно сравнить с побегами на маленьком плодовом дереве: на нем распускается множество ростков, и часть из них — «дикие», так называемые « волчки»; садовод их срезает, оставляя только плодоносные побеги. Так и с человеческими желаниями в детстве и отрочестве: школьнику хочется очень многого, его желаниям нет конца. Но если дать волю всему, что зеленеет, плодовое дерево одичает, обильная поросль «волчков» забьет плодоносные ветви. Если старшие стремятся удовлетворять любое желание ребенка, вырастает капризное существо, раб прихотей и тиран ближних. Воспитание желаний — тончайшая, филигранная работа «садовода» — воспитателя, мудрого и решительного, чуткого и безжалостного. Он умело срезает «волчки», оставляя ростки, которые дадут плоды.

Это один из важнейших участков **совместной** работы школы и семьи — воспитание желаний. Пожалуй, решающим в воспитании

желаний является ограничение, запрещение. В детские и отроческие годы воспитанник должен, и не раз, убедиться на опыте в том, что есть такое серьезное слово «нельзя». Мы стремимся к тому, чтобы дети соразмеряли свои желания с возможностями родителей. Скромность заставляет подростка, юношу, девушку отказываться от тех материальных и духовных благ, которые готовы предоставить в их распоряжение родители, нередко отказывая себе в самом необходимом. Воспитание скромности — важнейшая задача в системе нравственного воспитания. Скромность невозможно сформировать в человеке изолированно от других качеств; скромность, умеренность доступны лишь тому, для кого труд стал выражением личности, сферой духовной жизни. Почувствовать аморальность прихоти маленький человек может только при условии, что его чувство собственного достоинства развивается на основе труда, создающего радость для других людей. Тот, кто ничего не дает людям, не знает удержу своим желаниям. Тот же, кто трудится охотно и сознательно, обычно умеет умерять свои желания и требования, относится к жизни не потребительски, ему уже можно доверить определение меры благ для себя.

Доверие — наиболее понятное воспитаннику любого возраста выражение уважения к его человеческому достоинству. Не говоря ни слова о признании нравственных качеств своего питомца, воспитатель, оказывая доверие, не только заявляет об этом признании, но и как бы открывает перед питомцем перспективу дальнейшего морального развития, — он выражает уверенность, что человек, уже обладающий определенными моральными богатствами, завтра будет иметь новые.

Немыслимо пользоваться методом выражения доверия и недоверия без глубокого знания индивидуальности каждого питомца, без глубокой веры в добро. Этот острейший инструмент полезен лишь при условии безошибочного его применения. Если педагог, зная понаслышке о блестящих результатах проявления доверия к воспитательной системе А. С. Макаренко, решает: сделаю и я так, авось что-нибудь получится, — ученик почувствует, что воспитатель делает из него игрушку; такое «доверие» оборачивается для педагога самым неожиданным результатом: воспитанник становится замкнутым, настороженным, недоверчивым и озлобленным, он болезненно воспринимает доброе слово.

Выражение доверия — свежий ветерок, раздувающий слабенькие, иногда едва тлеющие огоньки совести воспитанника. Если воспитатель правильно выбрал, определил ситуацию для выражения доверия, то в результате воспитанник как бы обращает взгляд на себя, видит, оценивает добро и зло в самом себе, у него пробуждается горячее стремление утвердить в себе добро, предстать перед людьми лучшим, и это стремление является движущей нравственной силой.

Искусство оказания доверия требует от воспитателя, чтобы он выражал своим доверием прежде всего оценку доброго начала в человеке, как бы забывая о зле. Признаком дремучего педагогического невежества является то, что отдельные воспитатели, оказывая

доверие, напоминают воспитаннику: за тобой числится много грешков, я об этом помню, но вот, видишь, доверяю тебе; значит, я добрый человек, так будь же и ты хорошим... Подобные слова учителя — соль на рану в человеческом сердце: воспитанник чувствует, что педагог придумал свой фокус с доверием только для того, чтобы усилить контроль. И он чаще всего отвергает попытку учителя. То, что школьник оправдал доверие, ни в коем случае не может быть предметом похвалы, поощрения, вообще усиленного внимания со стороны воспитателя, ученического коллектива.

Большого такта и осмотрительности требует выбор дела, в котором выразится доверие к воспитаннику. Это дело должно быть настоящей самопроверкой, испытанием совести; пусть ученик раскроет в нем свои волевые силы.

* * *

Мастерство, искусство применения слова воспитателем сказывается в том, что он создает для школьников атмосферу, насыщенную душевностью, атмосферу исканий, открытий не только научных, чисто познавательных, но и этических, эстетических. И эта атмосфера в школе — начало морального развития, побуждение к развитию. В конце концов, именно от слова педагога зависит создание в школе обстановки, способствующей воспитанию любви к знанию, чтению, художеству, музыке... Правда, здесь необходимы и материальные факторы, но слово педагога, слово, отражающее его живые духовные привязанности и потребности, — это первое.

А самая главная духовная потребность, которую следует воспитывать у ученика, без которой нельзя представить полноценного его воспитания, — это потребность в человеческом общении, в духовной общности, в настоящем товариществе. Воспитатель, заботящийся о полноте духовной жизни питомца, заботится об **интеллектуальной основе повседневного общения** школьников между собой. Учитель может считать большим успехом своей воспитательной работы то, что уже в годы раннего отрочества его воспитаннику хочется встретиться со своим ровесником не только для игры и развлечений, но и для того, чтобы поделиться мыслями об интересной книге, о явлении, на которое он натолкнулся в жизни. К этому не побудишь парой советов и пожеланий — это зависит от общей направленности жизни школьников, от того, какое место в их внутреннем мире занимают размышления, насколько проникнуто их учение исследовательским подходом. Но и это последнее, в свою очередь, все-таки упирается в слово педагога, за этим стоит повседневная его работа, его воспитывающее, горячее, умное слово.

Творческое слово воспитателя рождает творчество учащегося. То зернышко творческой мысли, из которого произрастает поросль творческого труда, часто сеет именно слово учителя.

У настоящего воспитателя главной силой, объединяющей коллектив, является постоянный обмен духовными богатствами — знаниями, умениями. Первое условие этого: учитель не только дает знания, но и воспитывает жажду знаний. Второе условие — постоянное интеллектуальное общение учителя со своими питомцами:

знания, проблемы жизни становятся предметом личных бесед, споров, раздумий учащихся. Все это — фон, на котором раскрывается индивидуальная «творческая жилка» каждого воспитанника. От тонкости учителя зависит подметить в каждом воспитаннике «творческую жилку», открыть ее, поощрить ее «разработку».

Желание быть первым в учении, в творческом труде — благородная человеческая черта, которую следует всячески развивать у питомцев. Наш педагогический коллектив стремится к тому, чтобы каждый воспитанник на определенном этапе своего духовного развития пережил ни с чем не сравнимую радость первенства. Каждому нужна моральная поддержка, а особенно тем, кто в силу самых разнообразных обстоятельств чувствует себя посредственностью. В школе не будет ни одной посредственности, а значит, и в жизни не будет ни одного несчастливого человека, если мудрость воспитателя «докопается» до «творческой жилки» в каждом воспитаннике и если его умело сказанное слово пробудит к жизни творческие способности.

Для воспитателя, который стремится совершенствовать свое мастерство, длительность, непрерывность наблюдений над одним воспитанником, над классным коллективом имеет большое значение.

И снова мы возвратимся к условию действенности слова, да и любого приема педагога, о котором говорили вначале: каждое слово, каждый поступок педагога должны отражать его личность, его нравственность, человечность, доброту, правдивость... С учителя начинается, по сути, познание ребенком мира человека; легко понять, что значит при этом пример учителя. Большое духовное богатство надо иметь воспитателю, чтобы постоянное самовыражение его личности действовало на ученика как стимул к самоусовершенствованию. Сколько бы хороших слов ни произносил учитель, они останутся для воспитанников пустым звуком, если в жизни своего наставника они не увидят воплощения всех этих слов и призывов. Быть личным примером для своих учеников — значит прежде всего повседневно общаться с ними вне уроков. У настоящего учителя-воспитателя тянутся десятки тончайших ниточек от урока к товарищеской беседе, к спору, к разговору о книге...

Народное образование, 1967, № 12

NB ***Секрет успешной работы Павлышской школы был не во внешнем блеске, а в глубоком проникновении педагогического коллектива в психологию ребенка, в его внутренний мир, в том, что организационно-методологической основой ее учебно-воспитательного процесса была система органически целостная и гармоничная, гибкая и динамичная. У Сухомлинского все было подчинено общей целостной системе функционирования школьного организма. И вместе с тем каждая составляющая этой общей системы также носила системный характер. Его заботил вопрос, чтобы все, что делалось в школе, было направлено на ребенка, на раскрытие его индивидуальности, полностью реализующей все свои задатки. И порой то, что у других ускользало, у павлышского новатора работало действенно, как важное звено его педагогической системы.***

О ВОСПИТАНИИ СОВЕСТИ

1. Воспитание совести — одна из тончайших сфер процесса формирования духовного мира человека, ибо здесь мы имеем дело с внутренним миром личности, с чувствами, мотивами поведения. Первоисточником, побудительным толчком каждого поступка человека являются внутренние духовные силы — убеждения, эмоции. Совесть — это эмоциональная и моральная оценка человеком собственного поведения, поступков, как хороших, так и плохих. Нам, педагогам, нужно глубоко осмыслить ту истину, что без совести нет морально воспитанного человека. Совесть — это переживание и осознание ответственности за свое поведение перед людьми и перед самим собой.

2. Моральные понятия (о добре и зле, чести и бесчестии, справедливости и несправедливости) могут быть хорошо понятыми, «усвоенными», но это еще не значит, что они превратились в глубоко внутренние личные стремления, желания, т.е. стали личной совестью, потому что совесть — это прежде всего желания, стремления творить добро, видеть себя хорошим. Пятнадцатилетний подросток Ч. вчера на уроке говорил, отвечая на вопрос учителя, об уважении человека к человеку, он прекрасно «усвоил» эту истину, а сегодня залез в сарай к соседу, украл кролика. Он с хорошо поставленной интонацией выразительно читал стихотворение, в котором повторяются слова «человек человеку — друг, товарищ и брат» и сразу же после этого украл у товарища варежки. Моральная образованность, знание нравственных понятий — это еще не воспитание совести.

3. Нравственное воспитание резко отличается от обучения тем, что, обучая, мы сразу же можем получить информацию о том, как знания усвоены. Воспитывая же, мы не знаем, не можем сразу видеть, как наше влияние трансформируется во внутреннем духовном мире личности. Большим недостатком практической воспитательной работы является то, что часто мы видим воспитательную цель в том, чтобы донести моральные истины до сознания учащихся, сделать их предметом мысли. Это очень важная часть воспитания, но с этого воспитание только начинается.

4. Воспитательная цель этой тончайшей сферы — воспитания совести — состоит в том, чтобы моральная истина стала личным стремлением, желанием. Совесть как чувство моральной ответственности воспитывается и выражается, раскрывается и формируется только в деятельности, поведении, в обстановке, при которой моральная истина становится личной точкой зрения, линией поведения. Совесть проявляется (и вместе с тем и воспитывается) тогда, когда поведение человека никто не проверяет, не контролирует. Совесть состоит в том, что человек проверяет себя, контролирует себя. У нас за последний год было более десяти таких фактов, когда ученик нашел (в классе, во дворе) значительную сумму денег, взял и принес в учительскую, отдал учителю, а позже нашелся владелец этих денег. Случаев воровства было гораздо меньше, нежели таких проявлений добросовестного выполнения своего долга перед людь-

ми. Именно как к выполнению своей обязанности и нужно относиться к таким фактам проявления совести. К сожалению, иногда бывает так, что обыкновенное выполнение обязанностей расхваливается как доблесть. Вот, например, однажды в районной газете была помещена следующая заметка (в рукописи текст заметки отсутствует. — *Прим. публ.*).

NB ***Многолетняя педагогическая практика убедила В.А. Сухомлинского и в том, что самовоспитание не состоится и без развитости совести. Ибо последняя является внутренним регулятором поведения и поступков человека. При этом, предостерегал педагог, надо помнить, что моральная образованность, знание нравственных понятий — это еще не воспитание совести, «совесть как чувство моральной ответственности воспитывается и выражается, раскрывается и формируется только в деятельности, поведении, в обстановке, при которой моральная истина становится личной точкой зрения, линией поведения». Уроками самовоспитания считал В.А. Сухомлинский ситуации, когда единственным побудителем и повелителем поведения воспитанника выступает его собственная совесть.***

Это ущемление человеческого достоинства. Такого унижения в школе не должно быть. От этого нужно оберегать человека.

5. Важно, чтобы человек делал добро и поступал справедливо из внутренних побуждений, а не ради похвалы. В связи с этим недопустимы организация соревнований и конкурсов, где показателями, по которым оценивается победитель, являются хорошие поступки. (Это остро критикуется в стихотворении А. Барто «Три очка за старичка».) Дело дошло до того, что в походах юных следопытов стали называть победителем того, у кого больше писем от ветеранов войны, от Героев Социалистического Труда и т.п. Эти уродливые явления должны нас настораживать.

6. С учащимися необходимо организовывать беседы на темы: «Что такое совесть?», «Что значит жить по совести?», «Что значит учиться на совесть?», «Совесть — мать всех добродетелей», «Умей судить себя».

Пусть ученики запишут в свои записные книжки пословицы: «Совесть хоть и без зубов, а грызет», «Кто застенчивый, тот и совестливый», «За честь и совесть — хоть голову на плаху», «У кого совесть чиста, у того и подушка под головой не вертится», «Черной совести и кочерга виселицей кажется», «Искушение манит, а совесть молчит», «К костюму совести не пришьешь», «Без разума совесть слепа», «Хоть кошелек пуст, да совесть чиста».

Пусть ученики запишут высказывания выдающихся людей о совести: «Берегись всего, чего не одобряет твоя совесть» (Л.Н. Толстой), «Войдем в зал суда с мыслью, что мы виноваты» (Ф.М. Достоевский), «Совесть никогда не враждует с убеждением ни с истинным, ни с ошибочным» (В.Г. Белинский), «Лишь тот, кто покрыл себя броней лжи, нахальства, беззастенчивости, не содрогнется перед судом совести» (А.М. Горький), «Высший суд — суд совести»

(А.С. Пушкин), «Да, жалок тот, в ком совесть не чиста» (А.С. Пушкин), «Совесть — самая лучшая нравственная книга из всех, которыми мы обладаем: в нее следует чаще заглядывать» (Б.Паскаль).

Но с этого воспитание и самовоспитание только начинается.

7. Когда-то людей пугали страшным судом: там все выяснится, все потаенное станет ясным, Бог обо всем знает и за все воздаст. Для верующих этот источник совести имел огромнейшее значение — не для лицемеров типа Иудушки Головлева, а для верующих, таких, как Екатерина (А.Н. Островский «Гроза»). Этим источником совести никак нельзя пренебрегать, изучая совесть в историческом и психологическом плане. Если верующий боялся чего-то, то теперь, когда нет веры в Бога, человек тоже должен чего-то бояться, что-то для него должно быть святым, нерушимым. Мы добросовестно боремся против религии, учим человека, что ему бояться нечего, что ничего сверхъестественного, чего надо бы бояться, нет, но если этим только ограничится воспитание, то из человека можно воспитать дикаря, потому что первобытный дикарь был материалистом, он не верил ни в каких богов. Задача очень тонкая и сложная. Она состоит в том, чтобы для человека было что-то святое и нерушимое. Этим святым и нерушимым должны быть нравственные человеческие ценности, накопленные, добытые, усвоенные, выстраданные людьми на протяжении тысячелетий истории человеческого общения. Святым и нерушимым для человека должны быть сам человек, его честь, достоинство, красота. «Человек — это бог, если только он человек, и если он бог, то он на самом деле прекрасен», — писал видный немецкий поэт XVIII—XIX вв. Гёльдерлин. В этих словах — глубокий смысл.

8. Воспитывать совесть у человека — это прежде всего раскрывать перед нашими воспитанниками то прекрасное, что есть в человеке и что способно пробудить у каждого подростка, юноши, девушки желание быть настоящим человеком. Был в моей практике такой случай. Прочли мы в классе стихотворение Виктора Гюго «Стреляйте, я пришел». Стихотворение так потрясло детей, что один 12-летний мальчик, Коля О., после занятий, когда я остался один в школе, пришел ко мне и сказал: «Я рвал в саду яблоки, больше этого никогда делать не буду» (из доклада директора школы В.А. Сухомлинского). Каждый классный руководитель должен выбирать для бесед с учениками такие образцы нравственного величия, красоты, доблести, чтобы у человека обострялся взгляд в самого себя, чтобы ему хотелось быть хорошим. Это одна из тончайших проблем воспитания.

9. Воспитывать совесть — это значит утверждать в человеке мысль о том, как оценят его поступок люди, добиваться того, чтобы человек боялся осуждения людей и видел бы себя всегда как бы освещенным ярким светом людской молвы, того, что в народе нашем называют слух, слава. Как практически добиться этого?

10. Здесь самое важное то, чтобы в годы детства и отрочества поступки, поведение человека регулировались интересами людей, а не личными желаниями. <...> Учить сдерживать желания в годы

детства и отрочества — это одно из главнейших условий воспитания совести.

11. А сдерживать желание невозможно, если человек не знает, что такое нелегко, тяжело, что такое трудности. Преодоление трудностей во имя самоутверждения человека, осознание и переживание красоты борьбы с трудностями — это могучий воспитатель совести.

12. В воспитательном плане важно особо предвидеть то, что нелегко. Нужно добиваться того, чтобы ребенок в годы детства и отрочества вкладывал свои духовные силы в труд, и прежде всего в очеловеченный труд — труд во имя счастья и блага людей. Это тоже одно из важнейших условий воспитания совести.

13. Следует бороться с потребительским отношением к человеку — это тоже одно из важнейших условий воспитания совести. Бесстыдным, наглым становится тот, кто считает, что ему обязаны все, что он — ни перед кем не обязан. Здесь нужна чуткая воспитательная работа с родителями. Необходимо глубоко задумываться над тем фактом, что среди подростков и юношей есть и такие, которые ведут паразитический образ жизни: ничего не дают, а берут все. Для человека нет ничего более святого, чем обязанность трудиться («Если есть на свете божество — это труд и чудеса его», — пишет И.Сельвинский. И дальше: «Человек, влюбленный в труд, — это чудо, ангел и творец»).

Тунеядство ведет к пренебрежению элементарными требованиями человеческой морали. Тунеядец не может понять и объять сердцем и разумом, что такое человеческая верность.

14. Одна из важнейших и сложнейших сфер нравственного воспитания — это воспитание у человека обязанности перед другим человеком, это верность человеку. Невоспитанность и невежество в этой сфере приносят большое горе людям (некрепкие браки, родители оставляют детей, а дети — родителей). Воспитывать совесть — это значит учить человека с детства отдавать себя другим людям, переживать потребность в человеке.

15. Стыдливость — показатель высокоразвитой и чуткой совести. «Плохому виду нету стыду» — в этой народной мудрости четко обозначены взаимосвязь совести и стыда. Нам приходится удивляться бесстыдным поступкам отдельных учеников (например, ученик не приходит на уроки, а приходит в тот же день на занятия спортивной секции).

Задача воспитания опять-таки состоит в том, чтобы научить учеников смотреть на себя глазами общества, коллектива, рассматривать свои поступки с точки зрения общественной морали.

NB ***Павлышский педагог, по сути, первым вернул в теорию воспитания такие фактически исчезнувшие из советской педагогики категории, как совесть, стыд, честность и порядочность, щедрость души, моральные эмоции. «Как добиться, — спрашивал Василий Александрович, — чтобы самым сильным и неумолимым судьей человеческих поступков стала совесть?» И отвечал: «Надо оберегать детскую совесть от лицемерия и подлости, воспитывать чистую совесть» (Т. 2. — С. 268). Соотнеся эту мысль с общим***

идеологическим климатом эпохи, когда она была высказана, становится понятной принципиальная позиция и гражданская смелость педагога. Ведь в ту пору считалось, что каждый человек, а тем более ребенок, должен оценивать свои поступки, непосредственно ориентируясь на указания свыше: своего руководителя, наставника, воспитателя, на требования, исходящие от пионерской, комсомольской, партийной организаций. Появление же на арене совести в качестве судьи, причем судьи верховного, коренным образом меняло суть дела. Из безвольного элемента, «винтика» общественной машины человек превращался в суверенную сущность, чье поведение непосредственно направлялось внутренними регуляторами.

В.А. Сухомлинский видел свою роль как учителя в том, чтобы каждый его «воспитанник сознательно нашел себя, раскрыл себя, избрал себе тот жизненный путь, на котором его труд достигает высшей ступени мастерства — творчества. «Самое главное в решении этой задачи — подметить в каждом ребенке его наиболее сильную сторону, найти в нем ту «золотую жилку», от которой начинается развитие индивидуальности, добиться того, чтобы ребенок достиг выдающихся для своего возраста успехов в том деле, которое наиболее ярко выражает, раскрывает его природные задатки» (Избр. произв.: В 5 т. — Киев, 1979. — Т. 4. — С. 19—20). Педагог заметил, что осознание воспитанниками своих наклонностей, достигнутых пусть даже незначительных успехов в какой-либо деятельности повышало волевую активность ребят, укрепляло их веру в свои силы. Немаловажным здесь было и то, что этот процесс являлся своеобразным катализатором пробуждения осознания воспитанниками своего достоинства, что в конечном итоге нивилировало мысли ребят об их слабости, являлось серьезным фактором развития их самосознания и предпосылкой моральной зрелости. Заметим, однако, что осознание воспитанников не могло бы развиваться столь продуктивно без активного вмешательства со стороны педагога. Воздействуя на сознание ребят, последний пробуждал и утверждал в них чувство самолюбия, раскрывал суть возникающих трудностей, подсказывал правильные приемы работы и т. п.

Глава 7

НАЙДИ СЕБЯ В СЕБЕ, ОВЛАДЕЙ СОБОЙ

ВОСПИТАНИЕ И САМОВОСПИТАНИЕ

Педагогика, как теория, так и практика воспитания, еще не уделяет достаточного внимания человеческой личности — становлению ее творческих сил и способностей, формированию идеалов, интересов, наклонностей. Если недостатки в воспитании не особенно ярко бросаются в глаза, когда речь идет о малышах, то по отношению к подросткам забвение личности может привести и нередко приводит к тяжелым последствиям.

Отрочество и ранняя юность — возраст интеллектуального, нравственного, общественного самоутверждения личности. В этом возрасте нормальное духовное развитие школьника зависит от того, насколько глубоко происходит его самоутверждение во всех сферах деятельности и отношений в коллективе — в интеллектуальной жизни, в труде, в формировании моральных убеждений. Подросток становится настоящим человеком лишь тогда, когда он научается пристально всматриваться не только в окружающий его мир, но и в самого себя, когда он стремится познать не только вещи и явления вокруг себя, но и свой внутренний мир, когда силы его души направлены на то, чтобы сделать себя лучше, совершеннее. Речь идет о самовоспитании во всех сферах духовной жизни.

Присмотримся внимательно к воспитательной работе с подростками в школах. Чем она отличается от воспитания малышей? Нередко — ничем. Подросток, как и малыш-первоклассник, часто выступает лишь в качестве объекта воспитания. Все внимание воспитателя сосредоточено на том, чтобы вложить в его голову как можно больше знаний об окружающем мире, как можно больше научных и моральных истин. Подросток много познает и много знает, но он не познает и не знает самого себя. Ведь нравственные истины становятся достоянием, богатством души лишь в том случае, если они добыты, приобретены, пережиты, если они самостоятельно превращены в личные убеждения. Учитель часто, слишком часто напоминает подростку: ты уже не маленький, задумайся над своей судьбой, над своим будущим. Но чтобы человек задумался над своим будущим, он должен что-то делать для самовоспитания, в чем-то испытывать, проверять свои силы, закалять себя. Но много ли такой самопроверки, самозакалки в его духовной жизни?

Возьмем то, что всеми педагогами считается самым сильным средством воспитания, — труд. Нельзя сказать, что подростки труд тся мало. Но стал ли этот труд самовоспитанием, самоутверждением? Свой труд они часто рассматривают лишь как обязанность.

Школа дает подростку обширные знания о человеке, об историческом пути человечества. Но в какой мере этот процесс овладения знаниями служит самовоспитанию? Нередко учитель, излагая материал, обращается к сознанию абстрактного ученика, не учитывает особенностей школьников, сидящих перед ним. И знания о человеке, которые подросток «усваивает», воспринимаются им бесстрастно, равнодушно, он с одинаковым равнодушием «усваивает» и то, что в листьях растений под действием солнечных лучей образуется органическое вещество, и то, что Томмазо Кампанелла 30 лет просидел в темнице, гордо отвергая соблазнительные предложения получить свободу и благополучие в обмен на отказ от своих убеждений.

Классный руководитель, пионерская и комсомольская организации немало заботятся о том, чтобы подростки были заняты делом, приносящим пользу людям. Но во что превращается порой для отдельных ребят эта деятельность? Опять же в повинность. Отношения с людьми, в которых подросток не утверждает себя, не чувствует, что он передает свои знания и умения другому человеку и благодаря этому сам становится лучше, тяготят мальчиков и девочек. Не потому ли равнодушно относятся многие подростки к таким «прозаическим» делам, как помощь инвалидам, старикам? Нельзя сказать, что они делают это с неохотой, но труд этот часто не оказывает облагораживающего влияния. Человек до 17—18-летнего возраста чувствует себя только воспитуемым. Его только воспитывает кто-то, а сам он никого не воспитывает. Он не воспитывает и себя, потому что не самоутверждается в многократных человеческих отношениях с другими людьми. Я глубоко убежден в том, что сделать подростка воспитателем младшего товарища — одна из самых сложных, нелегких и важных задач нравственного воспитания. Самовоспитание, строго говоря, начинается с заботы человека о другом человеке, со стремления увидеть в нем что-то хорошее, — то, что есть во мне самом.

NB ***Мощным стимулом, побуждающим ребят по-настоящему заниматься самовоспитанием, в практике В. А. Сухомлинского была забота воспитанников о другом человеке, помощь старших младшим и т. п. Педагог в этой связи стремился к тому, чтобы детскими, техническими, сельскохозяйственными и иными кружками руководили сами школьники. К примеру, в кружке юных механизаторов, объединяющих детей начальных классов, ребята учатся запускать маленький двигатель, управляют игрушечным автомобилем, монтируют модель электрифицированной железной дороги и т. п. Здесь труд сочетается с игрой. Руководитель кружка — старшеклассник чувствует себя хозяином положения. Малыши с уважением относятся к нему, а тот посвящает их в таинства науки и техники. В кружке установились интересные отношения. Это и дружба ребят разного возраста, и забота старшего о младших, и взаимное обогащение. Вместе с тем это и незаменимый источник самовоспитания ребят. Старшеклассник, видя творческое взросление детей, чувствует удовлетворение.***

Ибо в этом и его заслуга. А вместе с тем общение с малышами, желание всякий раз открыть, показать им что-то новое, увлекательное, вопросы ребят, и порой не простые, побуждают его овладевать все новыми и новыми знаниями и умениями. В свою очередь, наблюдая за своим старшим товарищем, малыши также стремятся быть похожими на него. Вот это и есть то состояние, когда воспитание сливается с самовоспитанием и которое В. А. Сухомлинский считал самым продуктивным в развитии самосознания человека.

Многие педагоги уверены, что подростков надо как можно больше «охватывать» всевозможными мероприятиями, привлекать к деятельности культурно-просветительных учреждений, спортивных организаций. Стал подросток преступником или нарушил нормы морали — все сокрушаются: мало у нас клубов, молодежных кафе, спортивных площадок и залов; вынуждены подростки собираться у подъездов — отсюда и безнадзорность, и преступность. Такое толкование истоков зла вводит в заблуждение и семью, и общественность, и комсомол, и школу. В этом объяснении — стремление покрепче взять подростка за руку и не отпускать его от себя, боязнь того, что, оказавшись наедине с самим собой, он не устоит перед дурным примером, искушением и соблазнами.

Но можно ли считать это воспитанием? Ведь в жизни человеку нередко придется оставаться один на один со своей совестью. Подросток должен не только остерегаться, как бы зло не прилипло к нему, но и активно бороться с ним. Разве можно научить человека жить, если постоянно опасаться, как бы жизнь не оставила его наедине с трудностями. Наше стремление как можно надежнее организовать жизнь учащихся доходит подчас до абсурда. Комсомольские организации требуют, чтобы даже в выходные дни в школах был организован коллективный отдых подростков, чтобы даже в воскресенье учителя их развлекали, следили, чтобы они не попали в дурную компанию. Вся эта псевдозабота о нравственности подростка будит тревожные мысли: кого же мы воспитываем? В душе человека, которого до зрелости боятся распеленать, перекармливают удовольствиями и радостями, поселяются пустота и скука. Он не знает, куда девать время. Семья, отец, мать, братья и сестры, дедушка и бабушка, домашние обязанности — все это кажется ему будничным, серым, не стоящим внимания.

И если учителя, комсомольские организации, жалея подростка, ищут, чем бы его занять, думают, какие организовать для него воскресные развлечения, то все мы проявляем по отношению к школьнику полнейшее безразличие, так как не учим его самостоятельно и толком использовать свободное время.

Воспитание, побуждающее к самовоспитанию, — это и есть, по моему глубокому убеждению, настоящее воспитание. Учить самовоспитанию неизмеримо труднее, чем организовать воскресное времяпрепровождение; неизмеримо труднее и сложнее, чем схватить подростка за руку и не выпускать его до тех пор, пока он не вышел из стен школы, пока его не опьянил воздух, свободный от запретов и регламентаций. Только воспитание, побуждающее к самовоспи-

танию, может решить эту трудную проблему. В этом убеждает многолетний опыт воспитательной работы в школе, где я работал почти четверть века.

NB ***Павлышский педагог неоднократно подчеркивал, что только «воспитание, побуждающее к самовоспитанию» и есть «настоящее воспитание». При этом самовоспитание педагог рекомендовал начинать с научения ребенка самоорганизации, т.е. с научения умению «заставить себя». Причем делать это надо в период с 7 до 10—11 лет, так как в детстве и раннем отрочестве ребята восприимчивы к советам старших и с интересом следуют их советам. Потеря этого времени, предостерегал педагог, чревата негативными последствиями. В.А. Сухомлинский решение проблемы «заставить себя», «победить самого себя» начинал с самого простого, с дел, содержащих элементы игры. К примеру, утренняя зарядка. Педагог не заставлял, а советовал ребятам испытать, проверить свою волю: ежедневно подниматься в шесть часов утра (а летом — в пять часов) и делать физзарядку, а затем принимать холодный душ, тем же, кто живет вблизи реки или пруда, — купаться. Зимой же всем рекомендовалось обтираться снегом и ходить по снегу босиком.***

Преодолев слабость однажды и пережив удовлетворение от этого, ребенок все больше начинал критически относиться к себе. С этого момента, подчеркивал павлышский новатор, собственно и начинается познание себя, без которого невозможно самовоспитание. Иначе говоря, самовоспитание, по Сухомлинскому, начинается с самопознания. Сущность же первого педагог определял как умение заставить себя.

С чего и когда начинать самовоспитание? «Победить самого себя — самая нелегкая победа», — гласит старинная мудрость. С этого и начинается познание себя, начинается самовоспитание. Начинать учить человека самоорганизации, умению, если это требуется, «заставить себя» надо в детстве и раннем отрочестве, в возрасте от 7 до 10—11 лет. Если же этот период упущен, в дальнейшем неизбежно встанет проблема перевоспитания.

В детстве и раннем отрочестве школьник восприимчив к советам старших, он с интересом делает то, что полезно, нужно, необходимо; начинает наблюдать за собой, различать и оценивать в себе хорошее и плохое. Педагог советует мальчикам и девочкам: поднимайтесь рано утром, не позже шести часов, а летом — в пять часов, делайте утреннюю гимнастику, работайте два часа в это утреннее время — и умственно, над книгой, и физически, в саду, — поливайте деревья, ухаживайте за цветами. Дети приходят в школу и рассказывают — кто чего сумел добиться: одному удается «заставить себя», другому не удается. Постепенно в победе над своими слабостями — ленью, нерадивостью — дети начинают видеть известную волевую доблесть, они увлечены делом, которое поначалу кажется игрой. На нашем школьном участке у каждого ученика есть деревья, которые летом надо несколько раз полить. Классные руководители не назначают времени, когда надо выполнить эту работу. Каждый приходит тогда, когда найдет нужным. Тем не менее школьники с большим интересом относятся к этому самостоятельному труду.

Очень важное место в самовоспитании занимает физическая зарядка. У каждого ученика дома есть душ; надо заставить себя подняться на рассвете, принять душ, причем делать это надо ежедневно. Тот, кто живет вблизи пруда, — купается. Зимой мальчики и девочки 9—10 лет учатся обтирать тело снегом. Это дело не простое, надо много упорства и силы воли, чтобы регулярно выполнять эту процедуру. И если бы учитель просто заставлял ребят, ничего не вышло бы. Многие обманывали бы его, уверяли, что они делают все, что от них требуется, а на самом деле нежились бы в постелях. Все дело в том, что надо заставить самого себя. Ребята откровенно рассказывают, кому что удается. Тот, кто никак не решится набрать в ведро снегу, снять рубашку, растереть тело холодными хлопьями, — обращается за помощью. Это исключительно важная сторона самовоспитания, самодисциплины.

Дисциплина труда, режим дня, физическая закалка, укрепление здоровья — все это сферы духовной жизни и по мере приближения человека к возрасту ранней юности они все прочнее входят в самовоспитание. Если в детстве человек пережил удовлетворение от того, что ему удалось преодолеть свои слабости, он начинает критически относиться к себе. А с этого и начинается то познание самого себя, без которого не может быть ни самовоспитания, ни самодисциплины. Как бы хорошо ни усвоил, ни запомнил, ни понял маленький человек, что лень — это плохо, но если это чувство не заставило его взять себя в руки, никогда он не станет человеком сильной воли.

Мы не проводим утренней гимнастики в школе — каждый делает зарядку, обтирается снегом или водой, принимает душ только дома. В этом деле между мальчиками и девочками уже в 10—11-летнем возрасте начинается молчаливое соревнование. В этой сфере — в умении заставить себя — надо прежде всего развить соревнование.

В 7—8-летнем возрасте каждый ученик сажает в школьном саду дерево. Оно сажается в память о дорогом человеке, причем каждый делает это индивидуально. С первого взгляда кажется, что здесь игнорируется роль коллективного труда, его воспитательная сила. На самом же деле это подлинно коллективный труд. Каждый организует себя не только потому, что чувствует отвращение к лени, но и потому, что не хочет, чтобы другие считали его безвольным. Уход за деревьями длится лет пять-шесть. На четвертом или пятом году обучения каждый ученик сажает еще одно дерево и ухаживает за ним до окончания школы. Это коллективный сад, поэтому трудиться обязан каждый ученик. Никто тебя не будет заставлять работать, работай сам по совести — эта мысль внушается всем укладом взаимоотношений в коллективе. Никто не напоминает подростку, что его труд всегда на виду у товарищей, он и сам это чувствует.

И если на какое-то время лень берет верх, товарищи прямо назовут подростка лодырем, бездельником. Порицают и высмеивают они не просто лень, а слабоволие, нежелание преодолеть свои слабости, взять себя в руки. К такой нравственной оценке личности особенно чувствителен подросток: он как бы видит себя глазами других людей. В этом и заключается сущность того познания самого себя, которое играет столь важную роль в самоутверждении. Не может быть и речи о познании каждым подростком самого себя,

если в коллективе нет высокой требовательности, общественной оценки его нравственного облика, труда, поведения.

Очень богатые возможности для самовоспитания открывает умственный труд, учение. Уже в IV—V классах мы побуждаем учеников к значительному волевому усилию: «Попробуй заставить себя выполнить все домашние задания с шести до восьми утра, — советует учитель, — ты убедишься, как это облегчит твой умственный труд, даст много свободного времени». Постепенно подростки убеждаются: занятия в утренние часы неизмеримо плодотворнее, чем после уроков. За один час утром можно сделать столько, сколько не сделаешь и за три часа днем.

Но дело не только в этом. То, что день школьника начинается с труда, что он заставляет себя его выполнять, отчитывается в этом перед своей совестью, играет исключительно важную роль в нравственном воспитании. Они учатся ценить время, дорожат свободными минутами. Лишь тот, кто уже в годы отрочества познал радость труда, пережил гордость и удовлетворение от того, что ему удалось заставить себя работать регулярно, дорожит свободным временем и умеет его использовать. Не просто труд, но самовоспитание в труде — главное лекарство от бездумного времяпрепровождения.

Не один год меня беспокоит, почему подростки с таким нежеланием читают интересные книги — научные, художественные, почему их увлекает лишь легкое чтиво — приключенческая беллетристика, однодневные мотыльки, не оставляющие никакого следа. Я убедился, что подростки часто не знают, что такое подлинное чтение — вдумчивое проникновение в смысл прочитанного, игра умственных сил, наслаждение художественными ценностями. Одна из причин духовной пустоты — отсутствие подлинного чтения, которое захватывает ум и сердце, вызывает раздумья об окружающем мире и о самом себе, заставляет всматриваться, вдумываться в сложности человеческой души, думать над своей судьбой, над будущим. Как сделать умную и красивую книгу средством самовоспитания? Как добиваться, чтобы ученика привлекали не только магнитофон и радиола, не только танцплощадка и кино, а и умные, красивые книги? Подростков надо учить читать, и мы создали «комнату мысли», в которой собрано несколько сот самых умных и самых красивых книг. В этой комнате поставили шкаф с книгами о жизни замечательных людей, о выдающихся борцах за свободу и счастье народа, о мужестве и духовной непоколебимости людей, которые предпочли смерть, мучения, долгие годы тюрьмы отказу от истины, — о Томмазо Кампапелле и Александре Ульянове, о Юлиусе Фучике и Камо, о Мусе Джалиле и генерале Карбышеве. Книги о таких людях — энциклопедия самовоспитания юношества. Без идеала нет стержня человеческой личности, а идеальное ярче всего отражено и запечатлено в книгах. Самовоспитание — это сравнение, измерение самого себя известной меркой. И очень важно, чтобы единицей измерения стала жизнь мужественных людей.

Рассказывая о жизни Александра Ульянова и Томмазо Кампанеллы, учитель показывает школьникам книги, из которых можно узнать много интересного об их жизни. Цель была достигнута — подростки с увлечением читали эти книги. Читальный зал посте-

пенно становился очагом полнокровной духовной жизни, у ребят появились специальные тетради и записные книжки, где каждый откровенно разговаривал с самим собой. Это очень важная ступенька самовоспитания, на нее поднимается лишь тот, кто увидел в нравственных богатствах человечества образец для себя, у кого возникло горячее желание взять для себя что-то из ценностей, добытых, завоеванных, выстраданных человечеством.

Море книг окружает школьника, много тысяч. Одни из них абсолютно нейтральны — в них нет ничего ни для ума, ни для сердца. Другие — просто вредны. Доказано, что самый усердный читатель за всю свою жизнь может прочитать не больше двух тысяч книг. Как требовательно и строго надо отбирать эти книги, как умело указывать юношеству путь к ним. Прежде чем подросток найдет книгу, чтение которой становится целым этапом, как бы поворотным пунктом в его жизни, с каждым надо говорить отдельно. Это — нелегкий труд. В педагогическом коллективе нередко приходится преодолевать равнодушие, инертность. Нельзя просто ждать встречи подростка с «его» книгой, надо стремиться раскрыть ее подлинную красоту — лишь тогда произойдет эта встреча.

Изучая интересы, склонности, способности подростков, педагоги советуют им читать научно-популярную литературу. Главное в том, чтобы чтение постепенно стало интеллектуальной потребностью, пробуждало чувство радости познания. Мы считаем, что не нашли тропинки к сердцу ученика, если он не пристрастился к чтению научной литературы. После того как прочитано несколько книг в читальном зале, после того как школьник почувствовал радость познания, он берет книги для самостоятельного чтения.

Труд принято называть великим воспитателем. Но он становится могучей воспитательной силой лишь при условии, что человек утверждает себя в труде, познает свои силы, способности, дарования. Труд становится подлинным воспитателем лишь в том случае, если он стал для человека любимым. Как важно, чтобы в подростковом возрасте среди множества видов деятельности каждый нашел как раз ту тропинку, идя по которой он найдет свое счастье. Чувство личного достоинства, чести, являющееся как бы духовным стержнем личности, приобретается благодаря тому, что человек видит сам себя — свое мастерство, творчество — в результатах своего труда. Мы добиваемся, чтобы каждый подросток нашел себя в труде. В школе сейчас 540 ребят. Для них мы создали десятки уголков любимого труда, где каждый может заняться интересным делом, испытать свои силы, способности. Эти уголки — в мастерских и рабочих комнатах, в теплицах и в плодовом саду, на школьной пасеке и на животноводческой ферме колхоза, в биологическом и агрохимическом кабинете, в радиолаборатории, в школьной бригаде юных механизаторов.

Важно, чтобы у каждого подростка было ежедневно несколько часов свободного времени, которое он мог бы по своему желанию и выбору использовать для поисков любимого дела. Почему, закончив школу и поступив на работу, юноша томится, не зная, куда девать свободное время? Потому что в школьные годы у него не было свободного времени, он не понял, не почувствовал, что время —

огромное благо, дающее человеку духовные богатства. Самое нелегкое дело нашего коллектива — борьба за целесообразное использование подростками, юношами и девушками своего свободного времени. Сколько усилий приходится прилагать к тому, чтобы ребята привыкли готовить уроки рано утром, чтобы вторая половина дня была у них свободной. Но это не безделье, это период напряженного труда и для учащихся, и для нас, воспитателей. Лень и разболтанность — самые страшные враги юности.

В руководстве процессом самовоспитания самая главная трудность, от которой хотелось бы предостеречь молодых учителей и руководителей школ, — нарочитость, искусственность воздействия. С большим трудом приходится добиваться, чтобы подросток не почувствовал, что его куда-либо вовлекают с определенной целью. В каждой мастерской, рабочей комнате, в теплице, на учебно-опытном участке учащиеся выполняют трудовую задачу, требующую продолжительного времени. Например, в слесарной мастерской они делают сеялку для учебно-опытного участка. Учитель дает задание на весь период от начала до завершения работы. Он проверяет правильность обработки деталей; ребята обращаются к нему за помощью. Однако работают они совершенно самостоятельно. Радость трудового успеха делает подростка сознательным, самостоятельным, излечивает от детской беспомощности и потребительских настроений. Воспитать душу школьника — значит добиться, чтобы каждый вложил свою энергию, ум, волю, изобретательность в материальные результаты труда, увидел себя в творении своих рук, своей мысли. Нас очень тревожит судьба учащегося, который к 13—14-летнему возрасту не пережил чувства удовлетворения от собственного труда. Это — корень человеческого достоинства, это вместе с тем и источник требовательности к себе. Лишь тому хочется стать лучше, кто уже пережил радость успеха.

В школе есть еще несколько уголков, в которых воспитывается увлеченность, одержимость. Это — уголок трудных дел, малой механизации, селекции и генетики. Без страстной увлеченности любимым делом, без творческого труда, в котором человек забывает о времени, мы не представляем себе формирования личности подростка.

Назову еще одну сферу духовной жизни школьников, в которой ярко проявляется самовоспитание. Это забота о другом человеке, работа, в которой подросток отдает другому человеку частицу своего труда, ума, силы воли, знаний, мастерства. Начинается это с малого — старшие чем-то помогают малышам. Педагог говорит семиклассникам: «Вы изучаете французский язык, а маленькие дети — второклассники и третьеклассники — тоже хотят научиться говорить по-французски. Может быть, кто-нибудь из вас возьмется за это дело?» Находятся десять желающих иметь несколько учеников. Через две-три недели трое «учителей» отпадают, остальные семь с каждым днем все больше увлекаются интересным делом, радуются успеху маленьких питомцев. Семиклассники принимают близко к сердцу тревоги и волнения малышей, становятся их друзьями. Они заботятся уже не только о том, чтобы подопечные запомнили слова и правильно произносили фразы, но их волнует успеваемость «учеников». Им хочется, чтобы стал лучше тот маленький человек, в

котором они уже оставили что-то свое. Это желание — один из важнейших истоков самовоспитания. Искусство и мастерство воспитания заключается, по моему глубокому убеждению, в том, чтобы у каждого подростка это стало духовной потребностью. Только если подросток увидел в другом человеке частицу своей духовной красоты, он начинает по-настоящему воспитывать себя.

Дружба с малышами — очень важная сторона воспитания нравственного самосознания. Мы добиваемся, чтобы в ее основе были индивидуальные увлечения, чтобы свою увлеченность книгой, творческим трудом подросток передавал другим ребятам. Вокруг подростков, увлеченных трудом в мастерских, в лабораториях, в рабочих комнатах, создаются группы ребят, которым тоже хочется заниматься интересными делами. Так возникают детские технические и сельскохозяйственные кружки, руководители которых — сами школьники. Особенно привлекает детей труд в кружках юных механизаторов. Подросткам самим, как и детям, хочется играть, но они уже стремятся приблизить игру к настоящему труду. Вместе они запускают и останавливают маленький двигатель, управляют игрушечным автомобилем, с увлечением монтируют модель электрической железной дороги. Во всех этих делах труд сочетается с игрой, подросток чувствует себя старшим, малыши ждут от него ответа на многочисленные вопросы. Между детьми устанавливаются интересные отношения: это и дружба равных, и забота старшего о младших. Подростку хочется, чтобы в игре и в труде перед маленькими детьми всегда открывалось что-то новое, захватывающее, это побуждает его постоянно учиться, овладевать новыми знаниями и умениями.

Отрочество и раннюю юность называют трудным возрастом. В этот период бурного развития — физического, умственного, нравственного — перед воспитателем возникает много трудностей. Преодолеть их можно лишь в том случае, если воспитание сольется с самовоспитанием.

Советская педагогика, 1965, № 12

КАК ПОБУЖДАТЬ К САМОВОСПИТАНИЮ В НРАВСТВЕННОЙ СФЕРЕ

Важнейшим побуждением к самовоспитанию нравственности является внушение воспитанникам мысли о том, что мы, индивидуумы, живем среди людей. Люди видят нас ежечасно и ежеминутно. Люди чувствуют наше присутствие даже тогда, когда не видят нас. Каждая вещь материального мира, с которым мы соприкасаемся, сохраняет на себе наш след. Но самый заметный, иногда неизгладимый след мы оставляем в людях, с которыми общаемся. Настоящему человеку не безразлично, что о нем думают, как его оценивают другие. Но что бы мы ни делали, где бы ни находились, — помните, на нас всегда глядят глаза людей. Самое гнусное, самое мерзкое в жизни человека — это нравственная нечистоплотность. Представьте себе, что красивая девушка целый час занята своей прической — ей хочется быть красивой, ведь прическа у всех на

виду. И в то же время у нее грязные, невымытые ноги. Но это ее не беспокоит — ведь ноги в чулках. Такова и нравственная нечистоплотность: на людях человек становится душкой, а наедине с собой — хрюшкой, — так этот гнусный порок оценивает народная мораль.

Учите взыскательности, жесточайшей щепетильности в вопросах морали. Учите своих воспитанников контролировать самих себя. С первого же дня пребывания ребенка в школе мы учим его: если ты делаешь что-нибудь наедине, знай, что о тебе думает в это мгновенье самый любимый в мире человек — мама. И если ты делаешь что-нибудь нехорошее — в надежде на то, что тебя никто не видит, ты ошибаешься. Твой плохой поступок болью отзывается в материнском сердце. Мать видит тебя, даже если не видит тебя. Она с тобой, даже если ее нет с тобой. Ты придешь домой, и она в глазах твоих увидит, что ты сделал что-то предосудительное. Поэтому лучше сразу же расскажи о своем предосудительном поступке. А еще лучше — не делай плохо. Помни, что на тебя всегда смотрит мама.

NB ***В.А. Сухомлинский вслед за А.С. Макаренко не представлял себе процесс воспитания без научного предвидения его конечного результата. Без такового воспитание, по его мнению, превращается в примитивный присмотр, воспитатель — в неграмотную няньку, а педагогика — в знахарство. Без научного предвидения павлышский педагог не мог бы решать проблему развития самосознания своих воспитанников.***

Давно замечено, что дети по природе своей оптимисты. Для них характерно мировосприятие светлое, солнечное, жизнерадостное. Как без игры красок нет радуги, так и нет детства без оптимизма. И это постоянно учитывал В.А. Сухомлинский, решая проблему развития самосознания детей. Это первое. И второе. Павлышский новатор в своих изысканиях исходил из того, что самосознание как процесс проходил ряд этапов: от самопознания к самооценке и от последней к регуляции собственного поведения, поступков, действий и т. п. При этом педагог заметил, что результативность этого процесса во многом предопределяет его первый этап — развитость самопознания детей.

Здесь опять надо сказать, что чувствительность, чуткость ребенка к этим поучениям зависит от всего строя его духовной жизни. И прежде всего надо добиться, чтобы характерной чертой духовного мира ребенка были сердечность, участливость, трогательная забота о матери. Утонченность души — вот что необходимо, чтобы ребенок воспитывал сам себя, чтобы его совесть зорко стояла на страже поступков. Самовоспитание в нравственной сфере мы начинаем с элементарной моральной культуры. Воспитанник ваш сорвал, боязливо оглянувшись, цветок с куста роз — это уже нравственное невежество. Он прошел мимо плачущего ребенка, не спросил: чем помочь тебе, дитя? — это еще хуже — моральная толстокожесть. В течение многих лет наш педагогический коллектив выработал программу самовоспитания моральной культуры. Эта программа представляет собой ряд требований, которые ставит перед собой воспитанник в нравственных отношениях с другими людьми. Вот эти требования:

1. Помни, что в мире есть вещи ни с чем не сравнимые и не сопоставимые. Это прежде всего наша... Родина, земля, которая вскормила и взрастила тебя, дала тебе жизнь.

2. Помни, что ты живешь среди людей. Ты есть не то, что ты сам о себе думаешь, а то, что думают о тебе люди. Если та величина, которую ты видишь сам в себе, огромная, а та, которую видят в тебе люди, ничтожная, значит, ты ничтожество; умей мужественно признаться себе в этом, умей преодолеть в себе мелочное, ничтожное существо, сумей стать настоящим человеком.

3. Настоящий человек тот, кто не делает гадости, пошлости, подлости наедине с самим собой. Пусть всегда, когда ты остаешься наедине с самим собой, строгим, требовательным свидетелем твоих поступков будет твоя совесть. Пусть этот свидетель будет беспристрастным, жестоким и неумолимым.

4. Делая добро людям, ты приобретаешь бесценное богатство. Тот, кто живет во имя блага людей, — самый богатый, самый счастливый человек. Помни, что в мире есть единственное измерение богатства, красоты, величия — *человек*. Возвышая человека, ты возвышаешь сам себя. Помни, что человек родится и умирает, и если после его смерти что и остается на земле, так это то, что он сделал доброго для людей.

5. Высшее воплощение человеческой красоты — это женщина. Девочка, девушка — это не только твой друг. Она — будущая мать. Оберегать ее красоту, щадить ее здоровье — это значит заботиться о красоте и величии всего рода человеческого. Если надо даже умереть для того, чтобы помочь женщине, — умри, но не отступи с прямого пути человеческой доблести.

6. В человеке может поселиться множество пороков, из них двадцать самые страшные — безразличие к добру и злу, лень, двуличие, лесть, угодничество, отсутствие своих убеждений, молчаливое согласие с неправдой; упорство в своих ошибках, чванство, пустословие, лживость, подлость наедине с самим собой; отказ от друга, когда все против него, неверие в доброе начало в человеке, лицемерие, злорадство, жестокость к слабому и беззащитному существу, чревоугодие и обжорство, скупость. Помни, что каждый из этих пороков начинается с маленького зернышка и разрастается до чудовищных размеров. Будь непримиримым к человеческим порокам прежде всего в самом себе. Учись делать то, что восхищает тебя в другом человеке и никогда не делай того, что ты ненавидишь, презираешь в других. Люби в себе красоту и ненавидь в себе порок. Знай, что гнойный нарыв, если он даже *твой* гнойный нарыв, всегда остается гнойным нарывом. Свою болячку лишь эгоист любит.

7. Если ты заметил в себе зернышко порока, умей быть беспощадным к самому себе. Вырывай корни порока: лень — трудом, равнодушие к добру и злу — участливостью, человеческой тревогой, двуличие — принципиальностью, лесть — прямотой, угодничество — готовностью отстаивать истину даже тогда, когда против тебя ополчился весь свет; отсутствие своих убеждений — независимостью собственной мысли, молчаливое согласие с неправдой — борьбой, бесстрашным поединком с ней; упорство в своих ошибках — мужественным признанием собственных заблуждений и готовностью стать единомышленником того, кто отстаивал истину, борясь с твоими ошибками; чванство — скромностью, умением не говорить о себе без нужды ни слова; спесивость — простотой, достоинством;

пустословие — умением дорожить словом; лживость — нетерпимостью ко лжи, щепетильной правдивостью во всем; подлость наедине с самим собой — умением отчитываться прежде всего перед собственной совестью как перед самым беспощадным судьей; отказ от друга, когда все ополчились против него, — готовностью подставить под пулю собственное сердце, когда целятся в друга; неверие в доброе начало в человеке — безграничной верой в величие и силу человеческой красоты; лицемерие — откровенностью и правдивостью; злорадство — жалостью; жестокость к слабому и беззащитному существу — человечностью; чревоугодие и обжорство — умеренностью; скупость — щедростью.

8. Если ты видишь зло и где-то в глубинах твоего сознания закопошилась мысль: какое мне дело? — знай, что это голос звериного инстинкта, зовущего спасать свою шкуру. Не потворствуй инстинктам, изгоняй их, будь беспощадным к звериному зову спасать свою шкуру.

Помни, что ты человек. Если ты прошел мимо зла один раз, ты вынужден будешь проходить мимо зла всегда. Ты превратишься в жалкое существо.

9. В человеческом мире множество доблестей, но есть одна доблесть, являющаяся вершиной человечности, — это чувство собственного достоинства.

Держи голову прямо и тогда, когда ты вышел победителем в борьбе за истину, и тогда, когда ты вынужден признать свою ошибку.

10. Если ты переживаешь трудную, безвыходную минуту, если ты в смятении, если ты не знаешь, как поступить, подумай: что требует от тебя в этих обстоятельствах Родина. Как Родина требует, так и делай.

В чем сущность нравственного самовоспитания?

NB ***Василий Александрович заметил прямую зависимость морального облика воспитанника от того, как он относится к себе. Последнее же предопределяется тем, насколько ребенок познал самого себя, проникся ли чувством самоуважения. Богатый опыт убедил педагога в том, что настоящим человек становится лишь при условии, «когда он научается пристально всматриваться не только в окружающий мир, но и в самого себя, когда он стремится познать не только вещи и явления вокруг себя, но и свой внутренний мир, когда силы его души направлены на то, чтобы сделать себя лучше, совершеннее» (Т. 5. С. 242). И еще. «Воспитывать самого себя человек сможет лишь тогда, когда он знает самого себя» (Т. 5. С. 522).***

Кроме желания быть хорошим, кроме высоко развитой чуткости, тонкости души, исключительную важность имеет и то, что я назвал бы *познанием человека*. Познавая окружающий мир, человек с детства должен познавать человека — его мысли, чувства, тончайшие и сложнейшие движения души, стремления, порывы. Единство воспитания и самовоспитания начинается там, где человек, познавая человеческое, познает тем самым себя, учится смотреть на себя как бы со стороны. Одна из самых сложных вещей в нашем педагогическом мастерстве — это рассказ педагога о человеке. Каж-

дому поколению маленьких школьников я рассказываю об отважном советском воине, который в годы Великой Отечественной войны на вражеской земле грудью своей закрыл маленькую девочку, спас ее от смерти. Рассказываю о двух наших земляках — юных партизанах-героях, которые, попав в руки фашистов, не сказали ни слова о партизанской тайне, не выдали друзей и были жестоко замучены — враги живыми закопали их в землю. Рассказываю о Николае Гастелло, Зое Космодемьянской, Александре Матросове; о выдающихся тружениках, проработавших на земле по пятьдесят, шестьдесят, семьдесят лет.

Я твердо убежден, что познание нравственности — познание умом и сердцем — должно включать в себя не только восхищение красотой, но и возмущение злом. Из бессмертных произведений мировой литературы я беру образы, в которых гений художников воплотил человеческие пороки. Рассказывая о Яго и Иудушке Головлеве, Гобсеке и Плюшкине, я пробуждаю в юных сердцах глубоко личное чувство нетерпимости, непримиримости к злу. Постоянное, ни на один день не прекращающееся познание человека способствует тому, что уже в детские годы человек чувствует нравственный смысл обстоятельств, взаимоотношений, которые складываются в повседневной жизни. Думая хорошо о человеке, ребенок стремится к доброму поступку; добрый поступок дает ему большое моральное удовлетворение, полноту радостных переживаний. Эти чувства, в свою очередь, обостряют чуткость, чувствительность к добру и злу, порождая нетерпимость ко всему, что унижает человека. Как важно для воспитания и самовоспитания, чтобы уже в младшем возрасте человек выразил себя, проявил свою принципиальность в *борьбе* со злом, ощутил торжество добра, понимал и переживал свою причастность к этому торжеству — сам торжествовал, радовался.

Знайте, мой друг, что побуждение к самовоспитанию требует тончайших прикосновений слова воспитателя к самым сокровенным струнам человеческого сердца — Чести, Достоинству, Благородству. Умейте понять, почувствовать тот момент, когда сердце ребенка требует этого прикосновения. Этот момент наступает тогда, когда перед маленьким человеком открываются два пути: идя по первому пути, надо молчаливо примириться со злом, равнодушно отнестись к нему; идя по второму пути, надо вступить в борьбу со злом. Второй путь часто означает для ребенка огромное духовное напряжение, затрату больших нравственных сил, хотя с точки зрения взрослых обстоятельства, сложившиеся в жизни, и не кажутся слишком сложными.

ВИДЕТЬ СЕБЯ

Дорогой мой юный друг! Я очень обрадовался, получив от вас взволнованное письмо. Вы задаете настолько значительные вопросы, что, мне кажется, есть смысл ответить вам не личным письмом. Уверен, такие же вопросы задают себе многие ваши сверстники.

«Мне пятнадцать лет. С сентября пошел шестнадцатый. Учусь неплохо: пятерки и четверки. Но вот недавно я прочитал книгу о

жизни одного ученого, и мне самому перед собой стало стыдно, в сущности, я безвольный человек. Делаю только то, что заставляют. Задают выучить урок «отсюда досюда» — учу, задают прочитать книгу — читаю. Я слышал о самовоспитании, но что это такое? Мне хочется овладеть в совершенстве двумя языками — армянским и грузинским — можно ли сделать это, если я научусь воспитывать сам себя? Или самовоспитание с умственным трудом не связано, а относится только к характеру? С чего начинать самовоспитание?»

Вы прикоснулись к самой тонкой и, можно сказать, труднопостижимой сфере педагогики.

Что же такое самовоспитание, в чем его сущность? Ответить на этот вопрос я попытаюсь рассказом об одном событии, навсегда оставшемся в моей памяти.

Дед Филипп прожил на свете девяносто два года. Никто в селе не помнил дня, когда бы дед Филипп не трудился. Есть в колхозе зеленый лужок, который люди так и называют Филиппово поле. Была здесь когда-то пустошь; долгие годы старался дед, вырывал сорняки, подсевал луговую траву...

Много лет дружили мы с ним, и перед кончиной попросил он проведать его.

— Всю жизнь стремился я видеть себя, — сказал мне в ту встречу дед. — Не знаю, как мне удавалось это. Если бы был Бог, я просил бы его сейчас удовлетворить мое единственное желание: хочется увидеть собственные похороны. Хочется увидеть, *как меня будут видеть люди*...

Эти слова человека, сказанные им буквально за минуту до смерти, не могут не потрясти. Здесь есть над чем задуматься каждому, в том числе и философу, и психологу, и педагогу. Дед Филипп нашел слово, в котором выразилось то, над чем я много лет думал. Мудрость жизни человеческой действительно заключается в том, чтобы *видеть себя* — и видеть *правильно*.

С этого, кстати, и начинается самовоспитание. Это тот тончайший узел всех страстей и дум человеческих, в котором соприкасаются и сплетаются долг и дисциплина, требовательность к себе и совесть, радость бытия и непримиримость к злу, чувство собственного достоинства и подлинное человеческое величие.

Думая о воспитании, я с огорчением прихожу к выводу, что в практике учебно-воспитательной работы многих школ предана забвению исключительно важная истина: мы, воспитатели, являемся — по крайней мере должны быть — наставниками, вдохновителями, хранителями, созидателями духовной жизни человека в годы его детства, отрочества и ранней юности. В том сложном процессе становления и развития личности, который происходит в школьные годы, первостепенное и решающее значение имеет жизнь духа. Воля для духовной жизни то же, что бурный поток воды для мельницы. И воспитание духа заключается прежде всего в умении властвовать собой.

Где тончайшие корни и самые маленькие ручейки этого человеческого умения? Они — в напряжении волевых сил, в преодолении трудностей, в том, что человек заставляет себя делать то, что сложнее. Труд души, деятельность духа — могучая сила, творящая силь-

ного, несгибаемого человека. Этот труд должен начинаться в раннем детстве, лишь только человек станет на ноги.

Если все ему дается в готовом виде, если предупреждается его собственное усилие и труд его души выполняется другими, — он никогда не узнает, что такое высота, не узнает настоящей радости.

Не так давно мне пришлось познакомиться с десятилетней девочкой Тиной. Привезли ее мама и папа в пионерский лагерь. И очень Тина скучала в лагере. Пойдут ребята кататься на велосипедах — Тина сидит под деревом на скамейке. Новость какая — велосипед. У нее дома два велосипеда! И на лошади она каталась, и на ослике, и на автомобиле.

Потом мне пришлось видеть, как приехала к Тине мама. Сидела мама с Тиной под деревянным грибком. Рядом с ними сидела еще одна девочка, я не знаю ее имени. Пошел дождь, и та девочка вдруг кинулась куда-то. Оказалось, она увидела на лавке во дворе мокнувшую под дождем куклу и побежала ее спасать. Возвратилась она взмокшая, но радостная, прижимая куклу к груди... И я наблюдал, с каким удивлением смотрела на нее Тина. Она знала, что у этой девочки есть новая, красивая кукла, недавно привезенная мамой, — зачем же ей бежать под ливнем спасать какую-то тряпичную матрешку?

Лень души — вот что происходит, если радости детства даются в готовом виде. Происходит самое страшное — человек разучивается хотеть. Лень души рождает лень мысли.

Многолетний опыт привел меня к истине, которая кажется мне одной из самых важных закономерностей воспитания: воспитывай маленького человека так, чтобы у него были ценности души, доставшиеся ему дорогой ценой. Ценой напряжения сил. Ценой преодоления трудностей.

Первые шаги школьного воспитания — это, в сущности, побуждение к самовоспитанию.

На солнечной стороне класса — тридцать маленьких ящичков. Каждому первокласснику предстоит наполнить свой ящик землей, вырастить свой колос. Для этого труда не надо значительных физических сил, он кажется игрушечным, но требует большого напряжения сил духовных. С самого начала маленький человек видит в этом труде самого себя. У других уже появились нежные зеленые побеги, а у меня нет — почему? Надо своевременно полить растение, разрыхлить почву, чтобы стебли кустились; осенью кусты пшеницы надо пересадить в почву, зимой — прикрыть снегом... Маленький человек болеет душой, он не может быть равнодушным, не может не видеть себя, потому что его видят другие. Вот оно, мой юный друг, самовоспитание: оно в том, чтобы радоваться и гореть, переживать ни с чем не сравнимые мгновения торжества, когда дело завершено, когда я с гордостью могу сказать: это сделал я.

Тот, кто уже в годы раннего детства увидел себя, как в зеркале, в собственном труде, приобретает истинно человеческое качество: желание быть хорошим, достойным уважения. Без тонкой, глубоко развитой способности уважать себя не может быть и речи о самовоспитании.

Сущность самовоспитания — уметь заставить себя. Это умение уходит тончайшими корнями в человеческую гордость: это мой труд,

я узнал здесь, что такое пот и мозоли, но вышел победителем. Гордость немыслима без постижения того, что такое трудно. Если попытаться определить истинную мудрость воспитания, то она, по-моему, и заключается в том, чтобы человек, создавая себя в собственном труде, постигал красоту трудного. Человек, которому исполняется восемь, девять лет, превращает квадратный метр бесплодной глины в чернозем; он смотрит на свой труд не только с гордостью, но и с изумлением: неужели это сделал я? Да, мой юный друг, чувство изумления перед сделанным собственными руками и собственным разумом — могучий стимул самовоспитания. Оно дает подростку духовные силы для того, чтобы подняться, если нужно, задолго до рассвета, идти из теплой и уютной комнаты в холод и стужу, в дождь и в метель.

Я считаю очень важной гранью самовоспитания то, чтобы человек в годы отрочества и ранней юности как можно чаще оставался наедине с трудом, чтобы единственным побуждением и повелителем для него была собственная совесть. Умение быть стойким и мужественным как раз в те часы, когда тебя никто не проверяет и ни перед кем ты не отчитываешься, — это, можно сказать, уроки самовоспитания.

Ни одно слово не произносится в школах так часто, как слово «должен». Ежедневно миллионы раз в устах наставников звучит: ты должен, вы должны. Но в то же время не так уж часто произносится или мыслится: «Я должен». А как раз в том, чтобы вы, мой юный друг, чувствовали и считали себя долженствующим (прекрасно это русское слово!) и заключается нравственный смысл самовоспитания. Чувство и переживание долженствования, способность осознавать свою ответственность приходит в душу к тому человеку, который постиг на собственном опыте изумление перед созданным собственными руками, мыслью, волей.

На мой взгляд, наша воспитательная система не должна признавать наказаний детей и подростков в том виде, в каком они существуют еще, к сожалению, в школьной и семейной практике. Наказание не побуждает к самовоспитанию. Оно воспринимается ребенком как возмездие, как кара со стороны, его же собственная душа при этом остается бездеятельной, пассивной. Наказание, по словам мудрого мыслителя и знатока души Ф. М. Достоевского, освобождает человека от мук совести. Истинный же смысл подлинно человеческого воспитания заключается в том, чтобы вы, мой юный друг, видели мир не только глазами, но и сердцем (если же сердце ваше не участвует в ви́дении мира, то и глаза ваши ничего не видят). Воспитывать самого себя — значит уметь переживать угрызения совести. И в миссии воспитателя, пожалуй, самое сложное, самое мучительное, самое радостное и самое счастливое — учить ребенка оставаться наедине со своей совестью. Тонкость и мудрость воспитания как раз и состоит в том, чтобы научить человека наказывать себя. В этой мудрости педагога — самая сильная власть человека над человеком. <...>

Комсомольская правда, 1969, 26 дек.

КОММЕНТАРИИ

Все составляющие сборник материалы (статьи, отрывки, фрагменты) печатаются по изданию: В.А. Сухомлинский. Избранные произведения. В 5 т. — Киев: Радянська школа, 1979—1980.

К стр. 19 Глава 1. **Школа должна любить ребенка, тогда он полюбит школу**

Сокращенный вариант статьи «Как любить детей», впервые опубликованной в журнале «Радянська школа» (1967, № 7).

К стр. 33 Сокращенный вариант статьи «Развитие индивидуальных способностей и наклонностей учащихся», опубликованной в журнале «Советская педагогика» (1962, № 12).

К стр. 48 Глава 2. **Все более глубокое понимание ребенка — это и есть воспитание**

Фрагменты из книги «Как воспитать настоящего человека», написанной В.А. Сухомлинским в 1967—1970 гг. После смерти автора рукопись обсуждалась в НИИ общих проблем воспитания АПН РСФСР, получила высокую оценку и впервые по авторской рукописи в сокращенном варианте была опубликована во 2-м томе избранных произведений.

К стр. 61 Фрагмент монографии «Павлышская средняя школа», опубликованной впервые издательством «Просвещение» в 1969 г. В книге обобщается опыт учебно-воспитательной работы в средней школе села Павлыши Кировоградской области, которой В.А. Сухомлинский руководил в течение многих лет.

К стр. 74 Глава 3. **Учить учиться**

Отрывок главы «Годы детства» из книги «Сердце отдаю детям», опубликованной впервые в 1969 г. издательством «Радяньска школа» на русском языке. Она представляет собой первую книгу своеобразной трилогии, включающей также «Рождение гражданина» и «Письма к сыну».

К стр. 86 Фрагменты названной выше книги «Как воспитать настоящего человека».

К стр. 92 Фрагменты первой части известной книги В.А. Сухомлинского «Сто советов учителю», написанной в 1965—1967 гг. Полный текст этой книги впервые опубликован во 2-м томе пятитомника.

К стр. 116 Сокращенный вариант статьи, опубликованный в журнале «Початкова школа» (1969, № 2).

К стр. 126 Глава 4. **Трудовое воспитание — это гармония трех начал...**

Фрагменты из главы «Труд в духовной жизни подростка» книги «Рождение гражданина», впервые выпущенной издательством «Радянська школа» в 1970 г.

К стр. 135 Из книги «Сердце отдаю детям».

К стр. 139 Фрагмент статьи «Гармония трех начал», опубликованной в журнале «Журналист» (1970, № 6).

К стр. 148 Глава 5. **Через красивое к человеческому**
Фрагменты главы «Эстетическое воспитание» названной монографии «Павлышская средняя школа».

К стр. 171 Глава 6. **Нравственность — системообразующий фактор...**

В главу включены отрывки статей, опубликованных в разное время в журналах «Наука и религия» и «Советская педагогика».

К стр. 183 Фрагмент монографии «Павлышская школа».

К стр. 205 Глава 7. **Найди себя...**
Сокращенный вариант статей, опубликованных в журнале «Советская педагогика» и газете «Комсомольская правда».

К стр. 213 Фрагмент из книги «Сто советов учителю».

ЛИТЕРАТУРА

Труды В.А. Сухомлинского

Сухомлинский В.А. Избр. произвед.: В 5 т. — Киев, 1979—1980.

Сухомлинский В.А. Избр. произвед.: В 3 т. — М., 1979—1981.

Сухомлинский В.А. Как воспитать настоящего человека. — М., 1990.

Сухомлинский В.А. Моя педагогическая система // Радянська школа. — 1988. — № 6, 7, 8, 9. — На укр. яз.

Сухомлинский В.А. Письмо Н.С. Хрущеву // Сов. педагог. — 1988. — № 3.

Сухомлинский В.А. Постановка эксперимента педагогическим коллективом средней школы // Сов. педагогика. — 1958. — № 5.

Сухомлинский В.А. Этюды о коммунистическом воспитании // Нар. образование. — 1967. — № 2, 4, 6, 8, 9, 10, 12.

Литература о В.А. Сухомлинском

Воспоминания о Сухомлинском. — Киев, 1990. — На укр. яз.

Гегель Г.В.Ф. Работы разных лет: В 2 т. — М., 1971.

Гуманистическая мысль, школа и педагогика эпохи Средневековья и начала Нового времени. — М., 1990.

Европейская педагогика и Василий Сухомлинский как современный педагог-гуманист: Материалы Международной науч.-практ. конференции, посвященной 75-летию со дня рождения выдающегося украинского педагога. — Киев, 1993. — На укр.яз.

Коменский Я.А. Избр. пед. соч.: В 2 т. — М., 1982.

Корнетов Г.В. Гуманистическое образование. Тенденции и перспективы. — М., 1993.

Коротов В.М. Развитие гуманистических взглядов и убеждений. — Самара, 1994.

Корчак Я. Избранное. — Киев, 1983.

Крупская Н.К. Пед. соч.: В 6 т. — М., 1978—1980.

Лихачев Б.Т. Воспитание: необходимость и свобода // Педагогика. — 1994. — № 2.

Макаренко А.С. Пед. соч.: В 6 т. — М., 1983—1986.

Монтень М. Опыты: В 3 кн. — М., 1979.

Мухин М.И. Гуманизм педагогики В.А. Сухомлинского. — М., 1994.

Мухина В.С. Психологический статус личности в различных социальных условиях: Развитие, диагностика, коррекция. — М., 1992.

Никандров Н.Д. На пути к гуманной педагогике // Сов. педагогика. — 1990. — № 9.

Очерки истории школы и педагогики за рубежом. — Ч. 1. — М., 1988.

Песталоцци И.Г. Избр. пед. соч. — М., 1985.

Равкин З.И. Сердце, отданное детям // Нар. образование. — 1982. — № 1.

Родчанин Е.Г., Зязюн И.Л. Гуманист. Мыслитель. Педагог: Об идеалах В.А.Сухомлинского. — М., 1991.

Руссо Ж.-Ж. Пед.соч.: В 2 т. — М., 1981.

Соколова Н.Д. Развитие гуманистических идей в отечественной и зарубежной педагогике / Сост. А.И.Пискунов. — М., 1981.

Хрестоматия по истории школы и педагогики в России / Под ред. Ш.И. Ганелина. — М., 1974.

Хрестоматия по истории советской школы и педагогики / Под ред. А.Н. Алексеева. Н.П. Щербова. — М., 1972.

Шацкий С.Т. Пед. соч.: В 4 т. — М., 1962—1965.

СОДЕРЖАНИЕ

Сердце, отданное детям (*Глейзер Г.Д.*) 5

Глава 1
ШКОЛА ДОЛЖНА ЛЮБИТЬ РЕБЕНКА, ТОГДА ОН ПОЛЮБИТ ШКОЛУ 19

Глава 2
ВСЕ БОЛЕЕ ГЛУБОКОЕ ПОНИМАНИЕ РЕБЕНКА — ЭТО И ЕСТЬ ВОСПИТАНИЕ 48

Глава 3
УЧИТЬ УЧИТЬСЯ 74

Глава 4
ТРУДОВОЕ ВОСПИТАНИЕ – ЭТО ГАРМОНИЯ ТРЕХ НАЧАЛ: НАДО, ТРУДНО И ПРЕКРАСНО 126

Глава 5
ЧЕРЕЗ КРАСИВОЕ К ЧЕЛОВЕЧЕСКОМУ 148

Глава 6
НРАВСТВЕННОСТЬ – СИСТЕМООБРАЗУЮЩИЙ ФАКТОР ВОСПИТАНИЯ 171

Глава 7
НАЙДИ СЕБЯ В СЕБЕ, ОВЛАДЕЙ СОБОЙ 205

КОММЕНТАРИИ 221

ЛИТЕРАТУРА 223

В. А. СУХОМЛИНСКИЙ

АНТОЛОГИЯ ГУМАННОЙ ПЕДАГОГИКИ

Составитель и автор вступительной статьи
член-корреспондент РАО *Григорий Давыдович Глейзер*

Первый читатель
Александр Федорович Иванов

Редакционно-издательская подготовка,
оформление, макет и диапозитивы текста
Издательского Дома Шалвы Амонашвили

Лицензия ИД № 02878 от 20.10.2001 г.
Подписано к печати 20.08.2002. Формат 60 × 90 1/16.
Усл. печ. л. 14. Гарнитура Таймс. Печать офсетная.
Бумага офсетная. Заказ № 2400.

Издательский Дом Шалвы Амонашвили
МГПУ лаборатория гуманной педагогики
113184, Россия, Москва, ул. Новокузнецкая, д. 16,
тел.: (095) 959-55-54 доб. 120, 121.

Отпечатано с готовых диапозитивов
в ФГУП ордена «Знак Почета» Смоленской областной
типографии им. В. И. Смирнова.
214000, Смоленск, пр-т им. Ю. Гагарина, 2.
Тел.: 3-01-60; 3-46-20; 3-46-05.

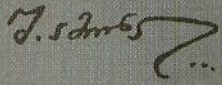
ISBN 5-89147-010-1

АНТОЛОГИЯ ГУМАННОЙ ПЕДАГОГИКИ

В **«Антологии...»** используется ранее неприменявшийся в практике российского учебного книгоиздания прием фокусирования на страницах книги не всегда совпадающих позиций — **автора** классического наследия; **составителя тома**, ученого, излагающего свои взгляды во вступительной статье и комментариях, и **первого читателя**, учителя, сегодня смотрящего в глаза своим ученикам, призванного сегодня реализовывать **идеи гуманной педагогики**.

Творчество Василия Александровича Сухомлинского есть высшая ступень современной педагогики. В условиях замкнутого образовательного пространства он ценой собственной жизни возродил, развил и обогатил идеи классического гуманизма, уберег их от авторитарных извращений.

Шалва Амонашвили